

ГДЕ-ТО

Между

ЧЕРНЫМ

&

БЕЛЫМ

Романтика,

Юмор

и

Семейная Драма

с Ноткой

Буддизма

Книжный

червь

Переводы

книг

ШЕЛЛИ ХИКМАН

Annotation

Когда речь идет о жизненных неурядицах, Софи делит мир на черное и белое. По крайней мере, если это чужие проблемы. Поэтому, когда дело касается ее сестры, Софи уверена, что знает все ответы и без колебаний раздает их. Если бы только сестра к ним прислушалась. Затем благодаря нескольким случайным встречам она знакомится с Сэмом — умным, добрым и совершенно невозмутимым. Софи не может избавиться от ощущения, что они давно знакомы, и по мере развития их отношений ее преследуют странные видения, от которых она тщетно пытается избавиться. Как человека, склонного быстро осуждать окружающих, ее увлекает способность Сэма принимать людей такими, какие они есть. Она начинает воспринимать его как образец для подражания, но как бы она ни старалась, его чуткость трудно повторить. Сможет ли Софи научиться не делать поспешных выводов и принять, что не у всех проблем есть простые решения?

•

Оригинальное название: Somewhere Between Black and White
by Shelly Nickman 2012

«Где-то между черным и белым»

Шелли Хикман 2017

Перевод: Наталья Балабанцева, Екатерина Орлова, Евгения Гладыщева, Александра Елизарова, Анастасия Калинюк, Юлия Почапская, Мария Данилова, Надежда Дорожиева, Дарья Курапова.

Редактор: Анастасия Березина и Елена Теплоухова

Вычитка: Александра Елизарова

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Переведено специально для группы: Книжный червь /
Переводы книг

**Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Аннотация

Когда речь идет о жизненных неурядицах, Софи делит мир на черное и белое. По крайней мере, если это чужие проблемы. Поэтому, когда дело касается ее сестры, Софи уверена, что знает все ответы и без колебаний раздает их. Если бы только сестра к ним прислушалась. Затем благодаря нескольким случайным встречам она знакомится с Сэмом — умным, добрым и совершенно невозмутимым. Софи не может избавиться от ощущения, что они давно знакомы, и по мере развития их отношений ее преследуют странные видения, от которых она тщетно пытается избавиться. Как человека, склонного быстро осуждать окружающих, ее увлекает способность Сэма принимать людей такими, какие они есть. Она начинает воспринимать его как образец для подражания, но как бы она ни старалась, его чуткость трудно повторить. Сможет ли Софи научиться не делать поспешных выводов и принять, что не у всех проблем есть простые решения?

Глава 1

— Эй, мисс! — крикнул Хосе от своего компьютера, заметив, что Софи набирает смс. — Почему это вам можно строчить эсэмэски, а нам нет? Так нечестно!

— Хосе, перестань так за меня беспокоиться и делай свою работу.

Софи направилась к двери аудитории, надеясь поймать сигнал. Мобильная связь в здании работала отвратительно, и ей пришлось прижаться к окну в коридоре. Из-за жары дверь в класс была открыта.

— Мисс, не будьте такой врединой, — ответил плотный

восьмиклассник. — Это все, потому что я мексиканец, да?

Любимая фразочка студентов. «Это все, потому что я мексиканец». «Это все, потому что я черный». «Это все расизм». Даже произнесенные в шутку, они жутко надоедали. Еще одна вечная присказка — «сказала она». Первое предложение практически всегда было связано с тормозящим компьютером или потерянным файлом, но подросткам трудно удержаться, чтобы не придать сексуальный подтекст самому невинному замечанию.

— Я ищу, ищу, а его нигде нет!

— *Сказала она.*

— Чего так долго-то?

— *Сказала она.*

Личным фаворитом Софи был случай, когда она раздавала студентам учебники.

— Знаю-знаю, он длинный и толстый, — заявила она, — но вместе мы справимся.

— Сказала она! — раздалось с задних рядов. С ними не соскучишься.

Софи отправила сообщение и вздохнула.

— Хосе, тебе помочь? Ты же ничего не делаешь.

Она пересекла аудиторию.

— Мисс, а что дальше?

Заглянув через его плечо, она увидела, что парень был уже на середине веб-странички, которую они создавали. По заданию ученики должны были заполнить ее фотографиями и информацией о стране, где хотели бы побывать. Несмотря на то, что Софи каждый день раздавала напечатанные инструкции, навыки чтения у Хосе были настолько низкими, что ей приходилось разжевывать каждое задание. Ну, он хотя бы пытался, в отличие от своего одноклассника, который, сидя через два стола от них, играл в компьютерные игры.

— Джером, если ты сейчас же не выключишь игру и не закончишь задание...

— Да-да, мисс, еще секунду, я почти прошел уровень.

Джером яростно застучал по клавиатуре. Именно в этом классе несколько мальчишек ежедневно сводили ее с ума, но она ничегошеньки не могла с ними поделать. И они об этом прекрасно знали.

— Джером...

— Да-да-да!

Он по-прежнему был увлечен игрой.

Софи протянула руку и отключила монитор.

— Мисс! — визгливо запротестовал Джером. — Как вы могли?

Софи прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

Джерома выручало обаяние и обезоруживающая улыбка. К ее беспокойству, он вечно говорил ей о своих проблемах с девочками и рассказывал кучу других историй — что угодно, лишь бы не работать. Да, этот парень с выбритой на голове молнией умел быть очаровательным.

— Выполняй задание, — скомандовала Софи, — или больше не будешь работать за компьютером.

— Мисс, а я вам уже говорил, как чудесно вы сегодня выглядите?

— Цыц! Работай, Джером!

Убедившись, что больше ни у кого нет вопросов, она вернулась к своему столу, чтобы проверить школьную почту. Какими же завышенными были ее ожидания, когда она соглашалась на эту должность. Имея опыт работы с пятиклассниками, она верила, что студенты захотят изучать веб-дизайн, потому что это был факультатив. *А вот и нет.* Позднее она узнала, что ее курс выбирали школьники, которым не доставало подготовки для джаза, гитары или оркестра. Нескольким ученикам ее занятия действительно нравились, но все остальные ныли и жаловались, будто их заставляли читать или решать задачки. Ну и ладно. Все лучше, чем начальная школа. Даже если детям было неинтересно, Софи обожала свой предмет.

Мобильник завибрировал в кармане. Еще одно сообщение от сестры Эвелин: *«Я в порядке. Перестань делать из мухи слона».*

— Ну вот опять, мисс, — сказал Хосе. — Опять вы в своем

телефоне.

— Умолкни, Хосе. Ты же знаешь, что у меня сестра болеет.

— Ладно, ладно, — уступил он, возвращаясь к своему заданию.

Эвелин страдала от волчанки, и у нее бывали хорошие и плохие дни. Как старшая сестра, Эвелин не слишком распространялась о своем самочувствии, но Софи всегда знала, когда ей становилось хуже. После бесконечной череды необъяснимых симптомов, которые чуть совсем не подорвали здоровье Эвелин в юности, диагноз, наконец, был поставлен, когда она училась в старшей школе. Положение дел ухудшало наличие у Эвелин мужа, который вечно хотел, чтобы она заботилась о нем, а не наоборот. Так она и делала, чем безумно раздражала Софи. Да, конечно, Кристиан был подвержен сильным перепадам настроения, но он отказывался принимать таблетки и сильно усложнял жизнь Эвелин.

«Давай я свожу тебя поужинать сегодня», — набрала Софи. — «Мы могли бы и Кристину что-нибудь прихватить».

«Я в порядке! В другой раз. Целую», — ответила та.

Струйка пота сбежала по шее Софи. Кондиционер опять сломался, так что в скором времени компьютеры начнут терять связь с сервером от перегрева. А она останется с группой подростков, которых нечем будет занять.

Средняя школа О'Коннелл находилась в северном Лас-Вегасе и представляла собой своего рода противоречие. Она была расположена в хорошем районе, с прекрасными садами и домами площадью не меньше трехсот квадратных метров. Тем не менее сорок процентов учащихся получали бесплатные обеды, и большинство из них привозили на автобусах из менее состоятельных, преимущественно латиноамериканских районов.

Софи молилась, чтобы компьютеры продержались еще пару часов. От мысли, что ей придется прибегнуть к запасному плану, сводило живот. Разумеется, она могла заранее запастись письменными заданиями. Пару раз она так и поступала, но студенты зачастую наотрез отказывались делать что бы то ни было, если это требовало чтения. Софи еле-еле уговаривала их прочесть описание проектов. Каждое ее занятие включало демонстрацию того, что и как ученики будут делать. Она часами готовила подробные, иллюстрированные материалы, где рассказывалось, как сделать все,

что она объясняла. Но они отказывались ими пользоваться, предпочитая нить:

— Мисс, помогите мне!

— Я сейчас занята, — отвечала Софи. — Посмотри в своей распечатке.

— Не хочу, там слишком много читать надо.

— Мисс Кук, — звал другой ученик. — Я не знаю, как...

— Прошу прощения, ты не видишь, что я помогаю Кашайле? Посмотри в распечатке. Там все написано.

— Не написано, я уже проверил.

— Ты вообще смотрел на бумагу? — спрашивала Софи. — Или только на потолок?

Ответом часто было недоуменное выражение лица.

Этот вопрос ее мать задавала каждый раз, когда ее покойный отец не мог что-то отыскать в кухонном шкафу.

— Эбби! Где арахисовое масло? — кричал он.

— Должно быть на третьем полке!

— Я там уже смотрел.

Тогда ее мать заходила на кухню, отодвигала отца и доставала масло из шкафа.

— Ты на потолок, что ли, смотрел?

Софи наклонилась над маленьким вентилятором на столе так, чтобы он задувал в блузку. Мысли ее переключились на мужчину, которого она встретила в магазине прошлой ночью. Ну что за детский сад — все время думать о ком-то, кого и видела-то секунд тридцать. Тем не менее, она погрузилась в воспоминания о той краткой встрече.

Добросив до дома подругу, Софи выдохнула с облегчением, когда в малознакомом районе увидела заправку. Когда она зашла в ночной магазин, то рассмеялась про себя, увидев в кондитерском отделе подростков с ремнями, спущенными ниже ягодиц. Ну и зачем нужны эти ремни? Она покачала головой, недоумевая, как они вообще передвигались. Ее и тесные джинсы достаточно раздражали. Софи почти скучала по маминым джинсам: по крайней мере, в

девяностые ей не мерещилось, будто у нее штаны сползли.

Она хотела прихватить банку содовой и зашла за угол, где какой-то мужчина изучал ассортимент. Она не обращала на него внимания, пока он не взглянул в ее сторону. Теплые карие глаза. Ее накрыла волна, происхождение которой она сама не вполне понимала.

Обычно она назвала бы происходящее заурядным физическим влечением, но в этот раз все было как-то иначе. Парень, вообще-то, был довольно обычным. Линия его темных волос образовывала букву «М». Он был не слишком высоким, около метра восьмидесяти, и некрупного телосложения. Но и не тощим — в самый раз для его роста. Софи предположила, что он примерно ее возраста, от тридцати до тридцати пяти.

Он мимоходом улыбнулся ей и вернулся к напиткам. Взгляд его тут же вернулся к ней, словно он ее узнал. Еще несколько секунд улыбка оставалась на его лице, пока он не отвернулся. Она не знала, как поступить дальше: он загоразживал полку с напитками. Она засомневалась, не взять ли кофе.

У него были неплохие руки. Рукава его фланелевой рубашки были завернуты и открывали взгляду небольшую татуировку в виде какого-то восточного символа на предплечье. Спohватившись, что он заставляет ее ждать, он отодвинулся в сторону:

— Прошу прощения, — рассмеялся он. — Проходите.

— Извините, — пробормотала она. Они одновременно потянулись к дверце холодильника, и их руки соприкоснулись. Их глаза снова встретились, Софи была обеспокоена своей реакцией. Почему ей казалось, будто они знакомы? Она совершенно точно никогда его не видела. Она нырнула в холодильник за своей содовой и выпрямилась.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил он. — Всего доброго.

— И вам.

По пути к кассе она последний раз оценивающе оглянулась через плечо. Он все еще смотрел на нее.

— Пчела! Пчела залетела! — панический вопль вернул Софи к реальности.

Пчела не в первый раз залетала в комнату: их привлекали растения во дворе.

— Так, все успокоились, — сказала Софи. — Делайте что угодно, только не пытайтесь ее прихлопнуть.

И что же они делали? Каждый раз, когда пчела оказывалась поблизости, они метались как ошпаренные, с отвратительным скрипом вскакивая со своих мест. Некоторые мальчишки вели себя хуже девчонок.

— Боже мой! — воскликнула Софи. — Я не в настроении для всего этого. Отстаньте от этой дурацкой пчелы!

Один из мальчишек встал и прихлопнул пчелу рукавом толстовки. Несчастное насекомое упало и задержалось на полу, пока его не растоптали. Софи обернулась и увидела, что Джером уже играл в очередную игру, совершенно не обеспокоенный разворачивающейся вокруг него драмой. Похоже, сегодня она заслужила пару коктейлей.

Глава 2

— Я кое-что привезла для маминого дня рождения, — сказала Софи, когда ее сестра открыла дверь. В мешковатой, заляпанной краской рубашке и собранными в небрежный пучок темными волосами. Даже делая черную работу, Эвелин была удивительно хороша. Ее сестра всегда была красавицей, а Софи — хорошенькой. Эвелин — длинные каштановые волосы, темные глаза, Софи — голубые глаза и золотистые кудряшки.

Эвелин красила стены в гостиной. Кристофера, конечно же, нигде не было видно.

Софи бросила сумки на пол:

— Ты смеешься, что ли? Почему не он этим занимается? Пусть хотя бы помогает!

— Софи, не начинай, — ответила Эвелин, убирая волосы с лица. — Мне нравится этим заниматься. К тому же, его мама пригласила его на ужин. У него сегодня плохой день, и я решила его отпустить.

«Плохой день? *Да он ничего не делает!*». Софи подняла сумки.

— Не-блин-вероятно, — пробормотала она по пути на кухню. — А почему ты сейчас-то этим занялась, за два дня до вечеринки? Подождала бы чуток, и я бы тебе помогла.

Эвелин прошла вслед за ней и начала разбирать чашки, тарелки и пластиковые приборы.

— Всего-то одна комната, ничего особенного. Мне просто хотелось, чтобы тут было красиво.

— Сиди спокойно, Эви, — уже мягче приказала Софи. Эвелин шлепнулась в черное виндзорское кресло. — Знаешь, ты безнадежна. Что же мне с тобой делать? — Она помахала пучком спаржи.

Ее сестра устало улыбнулась и оперлась головой на руку.

— Помолчи, малявка, и налей мне холодного чая.

Софи так и сделала и села напротив. Она пристально посмотрела на Эвелин. Сколько раз уже они заводили этот разговор?

Эвелин закатила глаза.

— Софи, я сейчас не в настроении. Почему бы тебе не оставить меня в покое?

— Потому что это смехотворно! Слушай, я не то чтобы ему не сочувствую.

— Серьезно?

— Вообще-то, да, — мило, но самую капельку надменно ответила Софи, слегка вздернув подбородок. — Но почему, черт побери, так сложно принять таблетку? Нет, ну правда. Ты делаешь всю работу по дому, да еще и ему помогаешь. А, и еще его мамаша. Не провоцируй меня.

— Я не все делаю, — возразила Эвелин. — И никто тебя не провоцирует, Софи. Я не хочу об этом говорить, помнишь?

Она встала, протопала в гостиную и подняла брошенный в лотке валик.

Софи проследовала за ней, руки в боки, надеясь, что она еще что-нибудь скажет. Глядя, как ее сестра яростно красит стену в серо-зеленый, ей вдруг стало неловко за свои нравоучения. Они столько

раз уже заводили этот разговор, зачастую еще и при матери — такие разы Эвелин ненавидела больше всего, потому что чувствовала себя в меньшинстве. Но все оставалось по-прежнему.

Софи опустила руки, вернулась на кухню и закончила разбирать праздничные припасы. Почему это так сложно?

Глава 3

Вместо того чтобы проверять контрольные, как она намеревалась, Софи отправилась на рынок за продуктами. В последнее время она слишком часто перебивалась фастфудом, и пора было избавляться от этой привычки. Она уже набрала пару лишних килограммов и хотела привести себя в форму.

Софи схватила одну из крохотных тележек возле «Лавки Джо» и вкатила ее внутрь. Ее окутал аромат продуктов и витаминов. Это место нравилось ей своей причудливостью. В конце проходов стояли доски с перечислением всех новых или необычных продуктов.

Стена рядом со входом была заставлена свежими цветами и другими растениями, и она подтолкнула тележку в ту сторону, чтобы изучить ассортимент. Она редко тратилась на ерунду, но все же выбрала несколько подсолнухов. В конце концов, вечером ее мама праздновала день рождения.

Немного дальше она бросила в тележку пакет шпината, когда колеса тележки оглушительно задребезжали. Ну вот опять попалась сломанная. Хитрая тележка заставила ее поверить, будто с ней все в порядке, но начала скрипеть и трещать, как только они достаточно отошли от входа.

Пока Софи изображала механика, что-то заставило ее обернуться. В паре метров от нее стоял тот самый парень, которого она встретила в магазине неделю назад. Он рассматривал мясные закуски, не замечая ее.

Охваченная той же непонятной тревогой, она отъехала назад и сшибла на пол несколько консервных банок.

— Черт! — вздохнула она. Наклонившись, чтобы поднять банки, она увидела, что и он их собирает.

Они оба выпрямились, и на его лице проступило узнавание.

— Привет! Снова ты. — Он улыбнулся и протянул ей две большие банки томатов.

— Да. — Она поставила их на место. — Спасибо.

— Ты... — неуверенно начал он. — Ты живешь в этом районе?

Он смотрел на нее так, словно они были знакомы.

— Да, а ты?

— Вообще, да. Странно, да, что мы встретились в Грин-Валли?

— Довольно-таки.

Софи страдала от мысли о своих потрепанных джинсовых шортах и синяках на ногах. С самого детства ее прозвали Грация, потому что она вечно во что-то врезалась. Она была уверена, что ножки мебели просто-таки поджидают ее мизинцы в засаде.

— В общем, спасибо еще раз. — Она показала на томаты. — Ненавижу помидоры. Они это, должно быть, почувствовали и напали.

— Пожалуйста, — усмехнулся он. — Кстати, меня зовут Сэм. — Он протянул руку.

— Софи, — они обменялись рукопожатием. Это было одно из самых уютных рукопожатий в мире.

— Софи, — повторил он. — Мне нравится... тебе это имя подходит.

Откуда ему знать, что мне подходит? Мы даже не знакомы. Она улыбнулась и промолчала, опуская руку. Несколько секунд прошли в тишине.

Они не замечали, что их тележки перегораживают проход, пока к ним не обратилась женщина средних лет со слишком ярким макияжем.

— Вы не против? — театрально вздохнула она.

Извинившись, они сдвинули тележки. Сэм проследил взглядом за бесцеремонной теткой, когда она проходила между ними:

— Очаровательная женщина, — пошутил он, как только она оказалась вне зоны слышимости.

— Да, не правда ли? — Они оба рассмеялись.

Софи повертела в руках банку томатов, прежде чем поставить ее на место, и неохотно повернулась к своей тележке.

— Ну что ж, было приятно познакомиться. Наверное, еще увидимся, — добавила она, подумав, как странно это звучало.

— Надеюсь, Софи.

Она улыбнулась про себя и подтолкнула свою скрипучую компаньонку.

Глава 4

— Эбби, выглядишь потрясающе! — изливался Эдвард перед матерью Софи, едва придя на вечеринку. На правах лучшего друга он обнял ее и чмокнул в губы. — И я даже не стану добавлять «для своих шестидесяти». Ты просто умопомрачительна, дорогая.

— Ах, лесть далеко тебя заведет, друг мой.

Эбби воплощала собой одно слово — класс. Даже в джинсах и майке она оставалась элегантной. Она охотно улыбалась и смеялась, и самый дерганый невротик в мире смог бы расслабиться в ее обществе.

— А где же твои прекрасные дочери? — спросил Эдвард, оглядывая маленький, но очаровательный дворик Эвелин. Белые огоньки были развешаны на соснах.

— Вон там. Девочки! Поздоровайтесь с Эдвардом.

Эвелин и Софи подошли и обнялись с ним. Обхватив обеих за плечи, он заявил:

— Эбби, твои девочки такие очаровательные, что ради них ориентацию сменить можно!

Услышав это, Эвелин вспыхнула, а Софи неловко хихикнула.

— Эдвард, ну хватит уже! — ответила она. — Что я могу предложить тебе выпить?

— Ты знаешь мои вкусы, милая, — подмигнул он.

— Сейчас будет. — Софи отправилась на кухню, где стоял Кристиан и явно мучился пребыванием в собственном доме.

— Как дела? — спросила Софи, хлопнув его по спине.

— Привет, Софи.

Она действительно немного сочувствовала ему, настолько жалкое зрелище он представлял. Однако она нередко спрашивала себя, насколько его поведение было подлинным. Она предполагала, что наверняка это знает только Эви и, может, еще его мать. Кристиан был довольно симпатичным: темные густые кудри, гладкая кожа. По мнению Софи, в нем совершенно отсутствовала индивидуальность. Должно быть, Эви видела в нем что-то, чего Софи не замечала. Он никогда не пил, что, видимо, было неплохо, учитывая его перепады настроения. Вместе с тем Софи казалось, что ему не помешало бы расслабиться.

— Ну, чем занимаешься, Кристиан?

— Да так, — ответил он. — Помогал маме по дому, кое-что делал во дворе.

— Правда?

Как мило. Ты готов помогать по дому своей мамочке, но не жене! Нет уж, она не собиралась изображать светскую беседу. Теперь она была попросту зла.

— Ну, я отнесу Эдварду его напиток.

Проходя мимо матери, она обменялась с ней многозначительным взглядом. Эбби подошла к зятю, пытаясь завести дружелюбную беседу. Может, ей повезет больше, чем Софи.

Позднее, тем же вечером Софи сидела с Лизой, подругой и коллегой, и ела сухой завтрак прямо из пачки.

— Ну давай, будет весело, — уговаривала ее Лиза. — Я замужем уже пять лет и все равно выбираюсь погулять чаще тебя.

— И что? Почему я не могу просто посидеть дома?

— Ну... — замялась Лиза. — У Джерри есть друг, с которым я бы хотела тебя познакомить.

Софи перестала искать в коробке сухарик и раздраженно вздохнула.

— Просто встретиться с ним, — добавила Лиза. — Он славный парень.

— Я пойду, если ты пообещаешь никого мне не сватать, — настояла Софи. Почему женатым людям вечно было надо перезнакомить одиноких друзей?

— Ты уже шесть месяцев ни с кем не встречаешься, — подчеркнула Лиза, словно речь шла о каком-то злодеянии.

— Лиза, я устала. Мне кажется, ты просто забыла, каково это, и меньше всего я сейчас хочу встречаться в баре с каким-то парнем.

— Да ладно тебе! Это не какой-то парень, это наш с Джерри знакомый, и пойдем мы в ресторан «Мерфи». Помнишь его? — подколола Лиза, ткнув ее пальцев в бок. — Мы туда часто ходили, пока учились в колледже.

Софи застонала.

— Никаких подстав, все должно быть естественно.

— У них теперь караоке есть, — пропела Лиза.

— Я должна обрадоваться или убежать с криками?

— Ладно, там будут еще люди с работы, все будет очень естественно.

Софи потягивала свой напиток и смотрела, как Эви подошла к Кристиану. Казалось, его мутило, он выглядел нервным и смущенным. Эвелин любовно поправила его воротник точно ребенку и сказала что-то, от чего ему словно бы стало легче. Он неловко улыбнулся и обнял ее.

Софи замороженно следила за ними, мечтая стать мухой и услышать их разговор. Что угодно, лишь бы понять, почему ее сестра так дорожила этими отношениями.

Эви наклонила голову вбок и посмотрела на него, что-то спрашивая. Его улыбка пропала, а сам он исчез в спальне. Эви нервно оглядела комнату и, когда она встретилась взглядом с Софи, та опустила глаза, притворившись, будто не заметила их разговор.

Кристиан не появлялся до конца вечера.

Несколько часов спустя Эбби и Софи помогали Эвелин прибраться.

— Чудесный был вечер, девочки. Спасибо вам огромное! — сказала Эбби, задувая свечки на столе.

— Да, все прошло очень здорово, Эви, — добавила Софи, составляя в раковину подносы.

— И правда.

— А что не так с Кристианом? — спросила Софи. — Куда он ушел?

Эбби опустила глаза и продолжила уборку.

— Ах, это... — отмахнулась Эвелин. — Что-то с животом, вот и все.

Она наклонилась, чтобы собрать с пола попкорн.

— Ты уверена? — надавила Софи. Мать глазами показала ей «хватит», и Эвелин заметила.

— Уверена. Слушай, мне кажется, вам пора домой. — Эви высыпала попкорн в мусорное ведро. — Все уже убрано, а я жутко устала.

— Милая, почему бы тебе не лечь, а мы с Софи все доделаем, — произнесла Эбби, поглаживая Эви по спине.

— Спасибо, мам, но я справлюсь. Завтра закончу.

— Я приду с утра и помогу, — предложила Софи.

— Нет. Не надо, — Эвелин подняла ладони. — Просто... все в порядке, окей? Идите домой и отдохните.

Софи и ее мать обменялись еще одним взглядом.

— Хорошо, милая, — сказала Эбби. Она взяла сумочку и направилась к двери. Софи мгновение поколебалась, пока Эбби не подозвала ее к себе.

Эви выдохнула с облегчением, глядя, как уходят ее сестра и мать. Когда она вернулась в спальню, Кристиан неподвижно сидел на кровати. Она молча прошла мимо и направилась в ванную. У нее ныли все суставы, и она хотела только одного — забраться под

одеяло.

— Извини, что ушел сегодня.

— Кристиан, я жутко вымотана. Давай забудем об этом.

Она собрала волосы в хвост и запихнула одежду в корзину для белья.

— Тебе надо бы от меня избавиться, Эви.

Он по-прежнему не шевелился. Эвелин вздохнула, села на постель рядом с ним и взяла его за руку.

— Что я тебе говорила? Никто никуда не уходит, так что перестань нести чепуху. Я даже не представляю жизнь без тебя.

Взгляд его был тусклым.

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Хватит.

Почему бы тебе просто не принять таблетки? Почему?

— Эви, я так хочу. — Она словно задала вопрос вслух. — Просто... они заставляют меня... Мне кажется, будто я умер. Я ничего не чувствую. Я не могу так работать.

Он говорил о своем искусстве.

Кристиан когда-то преподавал в университете, но лишился должности из-за своей неуравновешенности. Он был потрясающе талантлив — с этим все соглашались. Он рисовал карандашом как никто другой. Его рисунки походили скорее на картины маслом. Но он никогда ничего с ними не делал. Он никому их не показывал.

Он осторожно погладил ее по плечу.

— Тебе больно, да? Я же вижу.

Она моргнула, с трудом разлепляя глаза.

— Полежи пока, я наберу тебе ванную, а потом сделаю массаж.

Он направился в ванную.

— Нет, Крис, уже поздно.

— Никаких возражений, — крикнул он из ванной комнаты. — Тебе ничего не придется делать.

Эвелин лежала и слушала, как льется вода, думая, сколько еще она сможет так прожить. Но ее преданность Кристиану была так же глубока, как отчаяние в его глазах. Она мечтала, чтобы он был счастлив. Чтобы он мог быть собой. Просто... быть.

По ее щекам полились слезы, затекая в уши. У человека могли болеть волосы? Потому что сейчас ей казалось, что даже у волос есть нервные окончания.

— Ты готова, малышка?

Эви быстро утерлась и села прямо, вымученно улыбаясь ради мужа.

— Да.

Глава 5

Позднее на той же неделе Софи отправилась в «Мерфи» с Лизой и ее мужем. Она была вынуждена признать, что неплохо проводила время, наблюдая, как все дурачатся на сцене. А те два бокала, что она выпила, определенно добавляли веселья.

Тим, тот самый друг, с которым Лиза хотела ее познакомить, оказался на удивление приятным. По крайней мере, пока не решил уговорить Софи спеть с ним. Он казался уже довольно незакомплексованным, когда просматривал список песен, пытаясь что-нибудь выбрать.

— Как насчет этой песни Принца? «You Got the Look»?

— Не-е-е-ет, — простила Софи. — Хочешь спеть, пой один. Меня ты не заставишь.

— Да ладно тебе, если даже толстый коротышка вроде меня готов туда подняться, то уж такой шикарной девушке, как ты, нечего бояться.

Софи обернулась к Лизе, приподняв бровь.

— Не давай ей себя одурачить, — сказала Лиза. — Она уже пела в караоке. Мы с ней пели «Love Will Keep Us Together» несколько лет назад.

— Мы договаривались никогда больше об этом не вспоминать, — предупредила Софи. Они повернулись, чтобы посмотреть на вдохновенного исполнителя «You Are So Beautiful».

— Некоторые люди так серьезно себя воспринимают, — сказал Тим. — Нельзя петь такие песни в караоке. Надо выбирать что-нибудь веселое. — Он перечитал список песен. — Вот. Вот эта. «Don't Go Breaking My Heart». Пойду закажу.

— Он совсем свихнулся, если думает, что я стану с ним петь, — проговорила Софи. — Как думаете, у них есть что-нибудь из нашего столетия? Бедолага застрял в семидесятых и восьмидесятых!

— Выпей еще. Ты споешь, — ответила Лиза.

— Еще чего.

И конечно же, полчаса и два рома с колой спустя, Софи стояла на сцене и вместе с Тимом безбожно уродовала песню Элтона Джона. Остальные посетители подпевали, пританцовывали и отлично проводили время. Когда песня закончилась, зрители захлопали. Тим сделал в сторону Софи жест, каким ведущий шоу мог бы указать на новенькую машину, чем еще больше развеселил публику. Софи быстро поклонилась и смущенно покинула сцену.

Тим отправился в туалет, а Софи вернулась к концу длинного стола, где расположилась их компания.

— Это было круто, Соф! — заявила Лиза. — Ты прямо Кики Ди.

— Ну что я могу сказать? Музыка говорила со мной.

— Скажи спасибо Тиму, что вытащил тебя. Он веселый парень, да?

— Еще какой.

— Соф, я весь вечер удерживаюсь, чтобы не спросить, — начала Лиза, обменявшись взглядом с мужем. — Но пока Тима нет... что случилось с твоей челкой? Ты специально это сделала?

— С чего бы мне специально ее стричь? Но ты же знаешь, как я не люблю, когда волосы падают в глаза.

— И ты решила искромсать их именно перед встречей с ним? — спросила Лиза. — Да ладно тебе! Сама себе вредишь. Они торчат вверх, и ты похожа на Кэмерон Диаз в той сцене в баре из «Все без

ума от Мэри».

Джерри захохотал.

— Ладно, может, я перестаралась. Но все же не так плохо? — Софи достала из сумочки пудреницу, окунула пальцы в стакан воды и попыталась пригладить волосы. Взгляд ее упал на другой конец стола, и она вздрогнула. Снова он. Рядом с одним из их компании сидел парень, которого она видела в магазине. В двух разных магазинах. Он увидел ее и широко улыбнулся, а потом вернулся к разговору.

— О боже.

— Что такое? — спросила Лиза.

— С кем разговаривает Курт?

Лиза посмотрела в ту сторону.

— А, это наш новый учитель. Стэн? Сэм? Вечно забываю. Преподает английский. Ты его еще не видела?

— Ребят, — окликнул их вернувшийся Тим. — Софи, мне очень жаль, но только что звонила моя сестра. У нее проблемы с квартирой, и я пообещал приехать помочь. Мне пора.

— Ничего страшного, — сказала Софи.

— Тебя подвезут до дома?

— Да, я вернусь с ребятами.

Его вопрос как-то царапнул Софи. Он что, был так уверен, что повезет ее домой?

— Я здорово повеселился, — произнес он.

— Я тоже.

Лиза подождала, пока он уйдет, и набросилась на Софи.

— Ну, что думаешь? По-моему, все прошло неплохо, несмотря на твою прическу. Молодец парень, и глазом не моргнул.

Софи не услышала ни единого ее слова, пытаясь незаметно для него рассмотреть Сэма. Он помахал ей.

— О боже, — с упавшим сердцем повторила она. — Он тут сидел, пока я пела?

— Не уверена. Мне кажется, он пришел где-то на середине. А почему ты все время о нем спрашиваешь?

Сэм встал и двинулся в их сторону.

— Черт! Он идет сюда.

— Софи, в чем дело?

Сердце Софи бешено колотилось. У нее остановка сердца? Нет, вряд ли... Тогда сердце совсем не бьется.

— Привет, — сказал он, встав прямо перед ней.

— Привет, — ответила Лиза. — Извини, не помню твоего имени.

— Сэм, — представился он Лизе и ее мужу. — Ты устроила неплохое представление, Софи.

Она оперлась локтем на стол и прикрыла глаза.

— Спасибо.

— Присаживайся. — Лиза указала на свободное место напротив Софи, где раньше сидел Тим.

— Спасибо. Софи рассказывала, как мы с ней вечно сталкиваемся друг с другом?

— Нет, не рассказывала. — Лиза посмотрела на Софи и игриво встряхнула рыжими волосами.

— Она, наверное, думает, что я за ней слежу, — пошутил он.

— Нет, не думаю, — запротестовала Софи. Хотя после его слов у нее появились сомнения.

— Сколько раз вы уже сталкивались? — спросил Джерри.

— Это уже третий, да? — Софи взглянула на Сэма.

— Должно быть, судьба, — последовал ответ Сэма.

— Софи, да ты покраснела! — воскликнула Лиза.

— Вовсе нет! Лиза сказала, ты преподаешь в нашей школе, — Софи поспешила сменить тему. — Она ведь шутит так? - Она не хотела, чтобы вопрос прозвучал так резко. — То есть... это так странно, вот и все.

— Нет-нет... это правда, — ответил он.

Бодрая музыка остановилась, и посетители закружились в медленном танце.

— Эй, малышка, пойдем потанцуем, — предложил Джерри, беря Лизу за руку. Софи и Сэм помолчали несколько секунд, глядя, как те смеются и болтают.

Она почувствовала на себе взгляд Сэма и недоумевала, почему боится повернуться. Может быть, алкоголь только усиливал его воздействие на нее.

— Ты... — начал он. — Ты не хочешь потанцевать?

— Хорошо...

Она пошла впереди него, споткнувшись по пути об стул. Серьезно? Он, наверное, подумал, что она совсем нализалась. На танцполе они немного замешкались, пока она не положила руки ему на плечи. Откуда эта неуклюжесть? Как еще они могли положить руки? Но затем он взял ее за руку, и она решила, что это было трогательно.

Он притянул ее чуть ближе, стараясь не показаться нахальным, и она сдержала хихиканье. Хихиканье! Она будто опять оказалась в шестом классе, словно снова танцевала со своей первой любовью, прислушиваясь к бабочкам в животе.

Некоторое время они наблюдали за остальными парами, что только добавило неловкости. Расстояние между ними подразумевало, что смотреть нужно друг на друга. Она не могла отрицать, что ощущала странное влечение к нему, но жалела, что согласилась на танец. Ей было невыносимо не по себе — но в хорошем смысле.

Наконец она встретилась с ним взглядом. Почему ей казалось, будто самым естественным будет поцеловать его?

— Я будто тебя знаю, — сказал он, почти утвердительно. Прежде чем она могла ответить, он покачал головой. — Ну вот, я же обещал себе, что не стану этого говорить. Страшное клише.

— Я тебя прощаю, — ответила она. — Но только потому, что и мне кажется, будто я тебя знаю.

— Правда? — он выдохнул с облегчением. — Я пытался придумать что-нибудь еще. Я хотел сказать это при второй встрече, но...

Она ничего не ответила, но поняла, что рассматривает завиток темных густых волос над его ухом так пристально, что все остальное слилось в пятна движения и света. Игравшая песня давно уже была одной из ее любимых, но сегодня словно преследовала ее. Ее взгляд переместился на его плечо, где ее рука сливалась с его хлопковой рубашкой. Она больше не видела его в целом, но замечала лишь отдельные, необъяснимо умиротворяющие детали. Линия челюсти с едва заметной щетиной, движение рта, когда он говорил, мягкий взгляд.

Она моргнула, пытаясь прояснить голову. *Сколько же я выпила?* Спohватившись, что он замолчал, она вырвалась из своего тумана.

— Прошу прощения...

— Может быть, мы уже встречались, только не помним этого, — продолжал он, не обидевшись. — Мы могли учиться в одной школе?

— Не думаю. Я иногда забываю имена одноклассников, но обычно помню лица.

К тому же, тут дело было в ощущении, а не внешности.

— Какую школу ты заканчивала? — спросил он.

— Кларк.

— Тогда нет. Я учился в Вегасе. А старшая школа?

— Я не думаю, что мы встречались в школе.

Она находила очаровательным то, что и он был озадачен их взаимопониманием.

— В любом случае, я рад, что мы наконец встретились где-то, кроме магазина, — добавил он. — Так что ты преподаешь и как так получилось, что я не видел тебя в школе?

— Наверное, потому что я сижу в компьютерном классе, куда редко кто-нибудь заходит.

— Компьютеры. Очень круто.

Неловкость, которую Софи ощущала в начале танца, испарилась, и она чувствовала себя до странного как дома, пусть они и промолчали до конца песни. Они смотрели друг на друга, слабо улыбаясь. Сэм прижал ее руку к груди, а другая его рука оставалась чуть выше банта на спине ее цветочного летнего платья. Софи редко

носила платья, но порадовалась, что сегодня сделала исключение. Она чувствовала себя очень женственной, словно в романтическом кино.

Он посмотрел на ее макушку и, поджав губы, отвернулся, пытаясь, чтобы она не заметила. Она совсем забыла.

— Это все моя челка, да? — Она подняла руку, чтобы хоть как-то ее пригладить. — Господи, все совсем плохо, да?

— Да, она живет своей жизнью, — признал он. Он наклонился, чтобы взглянуть получше, и с очень сосредоточенным выражением попытался поправить непокорные прядки. Пока его лицо было совсем рядом, она сжала губы и уставилась в потолок, переживая этот идиотский момент. Лиза была совершенно права. *«Зачем тебе понадобилось орудовать ножницами сегодня? И ты думала, что отделаешься ворчанием парикмахера»*. Краем глаза она заметила, что Лиза качает головой и смеется.

Глава 6

— Как она себя чувствует? Лучше? — спросила Софи, когда Кристиан открыл дверь.

— Говорит, что боль понемногу отступает, но ты же ее знаешь. Никогда не признается.

Кристиан позвонил Софи, чтобы сообщить, что у Эвелин начались боли в груди — настолько сильные, что ему пришлось забирать ее с работы накануне. Эвелин работала официанткой в очень престижном ресторане на Стрип. Когда-то она была учительницей, как Софи, но после того, как Кристиа

н бросил работу, ей понадобились деньги. По большей части, это было прекрасное место: приличные чаевые и небольшая физическая нагрузка. Тем не менее ей все же приходилось проводить много времени на ногах.

— Она была у врача? — Софи направилась на кухню с пакетом продуктов из магазина здорового питания.

— Да, я отвез ее сегодня утром. — Он забрал у нее пакет и начал складывать еду в холодильник. — Снова плеврит.

Эвелин уже много раз страдала от воспаления оболочки легких.

— Как она питается? Достаточно хорошо? — Софи понимала, что устроила допрос с пристрастием, но ее это совершенно не волновало.

— Нет, — ответил он. — Ест, что попадется под руку. Я ей постоянно твержу, что надо лучше питаться.

Настроение Софи стремительно ухудшалось по сравнению с прошлым вечером. Она встала между ним и холодильником и крепко взяла его за плечи.

— Кристиан, — сказала она настолько тактично, насколько было возможно. — Тебе не приходило в голову что-нибудь приготовить, чтобы ей не приходилось есть что попало?

«Или тебе есть дело только до твоих дурацких рисунков?».

Он непонимающе уставился на нее.

«Боже, я должна найти ей нового мужа!». Она стиснула руки и покачала головой. Он знал. Знал, что волнение ухудшает ее состояние. Знал, что это бывает и от недостатка отдыха. Он все знал!

Софи присела к столу.

— Почему ты не можешь просто ей помочь? Хоть немножко?

— Что происходит? — Эвелин в длинной шелковой ночной рубашке зашла на кухню. — Соф, что ты здесь делаешь?

Кристиан стоял со страдальческим выражением лица, пока Софи пыталась успокоиться. Эви оглядела обоих в ожидании ответа.

— Я решила занести тебе еды, — ответила Софи.

— Это я позвонил ей, — произнес Кристиан. — И сказал, что ты заболела. Думал, ты будешь рада с ней увидеться.

Софи попыталась вслушаться в их безмолвный разговор. Эви явно была расстроена, что он рассказал Софи о ее болезни, но затем на лице сестры проступило понимание. Кристиан развернулся и уставился на микроволновку. Софи была сбита с толку.

— Я пойду прогуляюсь. Посидите с Софи.

Проходя мимо Эви, Кристиан поцеловал ее.

— Крис...

Он печально улыбнулся, закрывая за собой дверь.

Эви осталась на своем месте с опущенными плечами и поднесла руку ко лбу.

— Что ты ему сказала?

— Ничего. Я всего лишь сказала, что ему следует больше тебе помогать, — мягко сообщила Софи. — Как ты себя чувствуешь?

Эви больше не могла сдерживать слезы и кинулась в гостиную. Софи бросилась за ней.

Сестра сидела на диване сгорбившись, когда Софи устроилась рядом и провела пальцами по ее волосам, чтобы успокоить.

— Что такое? Что случилось, милая?

— Что плохого в том, что мне нужно выпустить пар? Я хочу разговаривать с родной сестрой, не боясь, что она станет меня осуждать или давать советы!

Пораженная, Софи выпрямилась.

— Что? В смысле?

— Ты знаешь, почему он тебе позвонил? — спросила Эви. Софи пожалала плечами. Эви обмякла на диване. Руки ее безжизненно опустились. — Он думает, что я должна его бросить.

Она помедлила в ожидании реакции Софи. Софи сделала глубокий вдох, чтобы не выкрикнуть: «Так сделай это!», но сдержала себя.

— Как это связано с его звонком?

Эви убрала волосы с лица и уставилась в потолок.

— Он знает, что ты его недолюбливаешь, и...

— Ну не то чтобы...

— Дай мне договорить. Пожалуйста!

Софи покорно смолкла.

— Он знает, что ты его недолюбливаешь, и надеется, что раз уж ему не удалось убедить меня бросить его, то ты придешь, укажешь на каждый его недостаток, и я тебя послушаю.

Софи опустила глаза.

— Словно я совсем идиотка и не могу сама принимать решения!
— Эви многозначительно на нее посмотрела.

Софи осторожно подбирала слова.

— Прости. Я не хотела.

Последнее, чего ей хотелось — еще больше расстроить сестру, но именно это она и делала. Было очевидно, что Софи сейчас раздражала Эви больше, чем Кристиан. Как такое вообще было возможно?

Она положила голову на хрупкую грудь Эви, точно признавая, что перешла черту. Она мечтала о прежней близости между ними, но ее неприязнь к Кристиану дурно повлияла на их отношения за последние годы. Как бы Софи ни старалась оказывать поддержку или хотя бы держать рот на замке, у нее не слишком получалось.

Эви обняла ее за плечи.

— Вот поэтому я тебе ничего и не рассказываю, — объяснила она. — Я хочу, но тебе не надо пытаться что-то исправить. Я уже взрослая девочка. — Она похлопала Софи по колену. — Я твоя старшая сестра.

Софи села прямо, обдумывая ее слова.

— Мне не нравится, когда ты болеешь, и я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Знаю. Но никто не может быть счастлив постоянно, Софи. Просто будь рядом.

Софи сомневалась, получится ли у нее. Быть рядом с Эви значило постоянно высказывать свое мнение.

Глава 7

— Привет, Карен, вот рюкзак Элайджи. — Софи бросила его на пол возле двери класса. — Он вчера оставил его в моей аудитории, и я решила, что, если занесу его сюда, ему не придется бегать за ним посреди твоего урока.

Карен подняла глаза от заваленного бумагами стола.

— А, спасибо, но я бы не сильно огорчилась, если бы он покинул мой урок ради него.

Софи сморщила нос и кивнула.

— Понимаю.

— Как он ведет себя в последнее время?

— Ну... с ним как на американских горках. То ведет себя почти прилично, а потом раз! — и он совершенно невыносим. Короче говоря, злобный, злобный мальчишка.

Софи присела возле одного из столов.

— Да придурок он! — сказала Карен, начиная писать на доске сегодняшнее задание.

— Почему бы тебе не сказать правду?

— Ну уж извини, но это так.

Карен была улыбчивой, привлекательной женщиной лет двадцати пяти. Она много работала сверхурочно и давала уроки во время обеденного перерыва и после школы, но как только разговор заходил об Элайдже, вся ее доброжелательность моментально улетучивалась.

Карен отвернулась от доски и уперлась рукой в бок.

— Вот на днях, на уроке, он делал все, что только мог, чтобы меня спровоцировать. Это было ужасно! Судя по их виду, и другие ребята так считали. — Ее внимание переключилось на дверь. — Привет, Сэм! Не заглянешь на минутку?

Сэм как раз проходил по коридору. Он сделал шаг назад, чтобы посмотреть, кто его окликнул, и широко улыбнулся, увидев Софи.

— Привет, дамы.

Вместо того, чтобы войти, он прислонился к косяку.

— Элайджа Джонс ведь у тебя? — спросила Карен. — Как он себя ведет?

Когда Карен задала свой вопрос, взгляд Сэма вернулся к Софи. Он осторожно улыбнулся. Они не виделись с того вечера в караоке-баре, в прошлую пятницу. Софи размышляла, как пройдет их встреча на работе, не притворится ли он, что между ними не произошло

ничего серьезного. В конце концов, никогда не знаешь, чего ожидать от людей. Однако она испытала облегчение, увидев, что он и вправду был рад ей.

Наконец он вяло пожал плечами в ответ на вопрос Карен так, словно знал, к чему она клонит, но не хотел критиковать паренька.

— Ну...

— Ага! То есть он и у тебя фигней страдает, — воскликнула Карен. — Ну хоть какое-то утешение. По крайней мере, всем его обаяния достается поровну.

Софи встала и одернула блузку.

— Я пойду к себе. Давайте помолимся, чтобы хоть сегодня Элайджа вел себя прилично.

— Еще чего! — фыркнула Карен. — Спасибо, что занесла рюкзак.

Сэм отступил на шаг, чтобы пропустить Софи, и вышел в коридор вслед за ней.

— Как прошел остаток выходных? — спросил он.

— Неплохо... неплохо. — Она все еще переживала из-за ссоры с Эви. — А где твой класс? Можно взглянуть?

— Прямо по коридору, через пару дверей от Карен, — ответил он.

Когда они подошли к его классу, Софи была поражена количеством плакатов со спортсменами на стенах.

— Любишь спорт?

— Есть такое. А ты?

Она скорчила гримасу и покачала головой.

— Полагаю, вопрос придется опустить, — поддразнил он.

Какой бардак! Она не могла представить, как он вообще что-то здесь находит. Софи бы тут не смогла работать.

— Да, знаю. Грязновато тут, — заметил он, словно читая ее мысли. Его стол стоял в углу рядом с мини-кофемашиной. Он поднял стопку ученических работ, попытавшись сложить их ровнее. — Знаешь, как это бывает. Весь день занят и не успеваешь заметить, как

стол уже завален.

— Раньше и у меня так бывало, когда я преподавала в начальной школе, — признала она. — К счастью, мне больше не приходится возиться со всеми этими бумажками. Все на компьютере: тесты, домашние задания. Говорю тебе: Гугл документы — великое изобретение. — Она сложила руки на груди, разглядывая книги в мягкой обложке на полках. — У тебя есть «Молочай»? — Она сняла книгу с полки.

— Да, замечательная книга.

— Я ее обожаю! Читала своим пятиклассникам. Конечно, они не все поняли. Но там был мальчик-еврей, большой умница, и он знал все о холокосте. Такая грустная история. Мне приходилось просить его читать перед классом вместо меня, потому что я начинала плакать. — Она покраснела. — Дети думали, что это очень странно.

— Уверен, им нравилось, что тебе так небезразлична книга.

— Не знаю, — засомневалась Софи. — В любом случае, не знаю, как ты можешь преподавать английский. Бр-р! Всегда ненавидела сочинения. Их еще надо потом готовить к этому государственному экзамену. Вот честно, мне казалось, что я заработаю язву.

— Все не так плохо. — Он зацепил большими пальцами передние карманы брюк. — Мне, в общем-то, нравится.

— Серьезно? Даже когда они забывают, что в конце предложений ставятся точки? Или не помнят, что такое существительное?

— Да, пожалуй, даже это.

Сэм усмехнулся, прислонившись к столу.

Она прошла между партами, расставленными по две так, чтобы освободить место в аудитории.

— Да вы чудо, мистер Коллинз.

— Неа.

— Я, наверное, пойду, пока первый звонок не прозвенел. — Она взглянула на часы. — Заходи как-нибудь в мой богом забытый уголок.

— Непременно. Слушай, а ты смогла бы стать моим личным

компьютерным экспертом в этом году? Как ни печально, но я с техникой не в ладах.

У всех учителей были свои компьютеры, потому что оценки и посещаемость фиксировались в электронной форме.

— К вашим услугам, — отсалютовала она. *«Вот к чему это было? Жалкий жест»*. — Что ж, хорошего дня.

— Софи? — Он наморщил лоб и потер челюсть.

— У тебя уже есть вопросы по компьютерам?

— М-м-м... нет.

Она наклонила голову, чуть приподняв брови.

— Я знаю, что мы еще недостаточно хорошо знакомы, и, если ты не захочешь, я пойму. Но... я мог бы как-нибудь приготовить тебе ужин?

Софи просияла. В животе у нее запорхали бабочки.

— Как девушка может отказать, когда парень предлагает заняться готовкой?

— Мисс, а почему он теперь там сидит? — спросил Элайджа об ученике, который раньше сидел рядом с ним. Элайджа даже не знал, как его зовут.

— Потому что он попросил его пересадить, — ответила Софи.

Обычно она не поощряла пересаживания, если на то не было веской причины, но тот ученик пожаловался, что Элайджа все время заставляет его делать двойную работу и попросту дурно с ним обращается. По правде говоря, Софи знала в классе только одного мальчишку, который как-то выносил Элайджу, да и там это были отношения любви-ненависти.

— А почему ему разрешили пересесть? — заныл Элайджа.

— Какая тебе разница? Ты сам сказал, что вы не ладите.

«Будто ты хоть с кем-то ладишь».

— Окей, а я могу пересесть?

— Тебе и тут неплохо.

— Так нечестно. Почему ему можно пересаживаться, а мне нет?

Остальные ученики уже работали над заданием, и девочка, сидевшая через три стола от него, оглянулась и закатила глаза.

«Софи, он тебя провоцирует. Не позволяй ему этого делать. Почему ты вообще споришь с ребенком?».

— Элайджа, тема закрыта. Выполняй свое задание. Будут вопросы — позови меня.

— Ва-а-ау, — протянул Элайджа. Это был его любимый ответ и эдакий пассивно-агрессивный способ сказать: *«Ну ты и сучка»*. И если он имел в виду что-то другое, Софи очень хотела бы узнать, что именно: каждый раз, когда он это говорил, ей приходилось уходить в свои грезы. На какой-нибудь очаровательный пляж, с отличным фруктовым коктейлем.

Он встал и прошел мимо остальных студентов.

— Элайджа, что ты делаешь?

— Мне нужно кое-что из рюкзака.

По периметру комнаты были экраном к стене расставлены компьютеры, в то время как парты в центре комнаты были обращены к столу Софи. Конечно же, он выбрал самый извилистый путь от компьютера до парты. Софи уже собиралась обратить на это внимание, но передумала. Оно того не стоило. *«Не то чтобы мы об этом еще не говорили»*. Она не сводила с него глаз все это время, зная, что встал он с одной-единственной целью — позлить по пути остальных учеников.

Разумеется, как только Софи решила переключить внимание на что-то другое, он схватил чей-то листок. Эти его выходки всегда были беззлобными — по крайней мере, она так считала. Словно бы шутка, но Софи так и не поняла, пытался ли он разозлить или просто общался с ровесниками единственным известным ему способом.

— Так, Элайджа, кажется, пора звонить родителям, — с этими словами Софи потянулась к висевшему на стене телефону.

— Нет, нет, мисс! Я уже сел, — заявил он, и пошаркал к своему компьютеру.

Очевидно, ему никогда ничего не было нужно из рюкзака, всего лишь повод всех позлить.

Софи уже пару раз звонила его матери в прошлом году, и та дала понять, что хотела узнавать обо всех его выходках. Наблюдая за его реакцией, она задумалась, почему не разыгрывала эту карту раньше. Софи ненавидела звонить родителям и чувствовала, что должна сама справляться с ситуацией. Она подняла трубку.

— Я не стану терпеть это каждый день, Элайджа. Возьми себя в руки!

— Ладно, ладно, мисс. Я просто пошутил!

Ей очень не хотелось это признавать, но звонок матери ученика обычно ничего не гарантировал, особенно если на горизонте не было отца. Иногда такой звонок помогал поставить подростка на место, но чаще всего толку не было. С другой стороны, когда приходилось звонить отцам... Софи обожала звонить отцам!

В начале прошлого года у нее был ученик по имени Малколм, который сильно портил ей жизнь. Крупный парень, крупнее Софи. Он был дерзким, грубым и шумным. Однажды он решил, что было бы весело швырнуть рюкзак через всю комнату. Софи устроила ему взбучку, и в тот же день позвонила домой. Трубку взял его отец, выслушал ее, извинился и очень спокойно сказал:

— У вас больше не будет проблем с моим сыном. Обещаю.

На следующий день Малколм точно переродился. Он принес Софи искренние извинения, а его отец написал ей по электронной почте, что Малколма на две недели лишили всех поблажек. Никаких видеоигр, никаких прогулок с друзьями, ничего. С того момента Малколм никогда не создавал проблем. Он по-прежнему был шумным, но хотя бы безвредным.

К сожалению, таких результатов удавалось добиться редко. Одно было точно: когда Софи была ребенком, все было совсем иначе. Если у тебя неприятности в школе — молись, чтобы мама или папа не узнали.

Не то что сейчас...

Глава 8

Софи стояла перед входной дверью Сэма и никак не могла

решиться постучать. Господи, как же она волновалась! Но почему? Они уже дважды обедали вместе в учительской, но это другое, ведь там были и другие люди. А это официальное свидание. Она бегло осмотрела одежду, пытаясь разгладить складки на своей блузке, которые могли остаться от ремня безопасности. Потом она отыскала в сумке мятную жвачку и сунула в рот.

Наконец она позвонила. За дверью залаяла собака. Ее низкий лай заставил Софи задуматься, насколько та была большой. Софи покачнулась на каблуках, ожидая ответа.

— Эбби, сидеть! — скомандовал за дверью Сэм. Она была готова быть сбитой с ног лабрадором или, может, немецкой овчаркой, однако была приятно удивлена, увидев всего лишь смиренно сидящую пегую дворняжку, виляющую хвостом. — Входи, — пригласил Сэм.

— Ой, привет, Эбби! — поздоровалась Софи и наклонилась, чтобы погладить ее. — Знаешь, а ведь так зовут мою маму.

Собака не стала запрыгивать на нее, однако лизнула Софи в подбородок.

— Ай, попалась! — Она вытерла слюни с лица.

— Прости, надо было предупредить, — сказал Сэм. — Она любит целоваться и обожает гостей.

— Она чертовски милая. Что это за порода?

— Отчасти питбуль, отчасти кто-то еще. Я не уверен. Может, лабрадор? Я забрал ее из приюта четырнадцать лет назад, и с тех пор мы неразлучны. Правда же, Эбби? — Он потрепал ее по голове.

Простота момента действовала как-то успокаивающе, прямо как когда она и Сэм танцевали. Завороженная, она уставилась на серую морду собаки. В голове что-то промелькнуло, но она не успела понять, что именно. Сидя на корточках, Софи перевела взгляд на Сэма, пытаясь воссоздать ощущение.

Сэмюэл Джозеф, подумала она. *«Какого?.. Откуда это?»*. Он уже назвал ей свое второе имя? Она так не думала.

Когда их глаза встретились, на лице Сэма появилась небольшая дружелюбная морщинка.

— Могу я предложить тебе выпить? Пиво? Холодный чай?

Так же быстро, как и появилось, наваждение испарилось, словно никогда его и не было. Мысль исчезла. Она уже не могла вспомнить имя, появившееся в ее голове мгновение назад. Чем сильнее она старалась вспомнить его, тем труднее это становилось.

— Мне не очень-то нравится пиво, — ответила она. — Холодный чай подойдет.

— У меня есть и другие напитки, — сообщил он, ведя ее в глубь дома. — Что ты обычно пьешь?

— Я выпью что угодно, если там есть содовая.

Сев на барный стул, она повернулась лицом к кухне. *«Черт! Надо спросить про его второе имя».*

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Все под контролем. Энчилада будет готова уже через пару минут.

Она была впечатлена уютом и чистотой его дома, хотя и думала, что обычно он так не выглядит. Увидев его класс, она вообразила себе полный беспорядок со спортивной атрибутикой, разбросанной повсюду, может, старое, выдавшее виды кресло, в котором он смотрел свои игры. Вместо этого она обнаружила маленькую гостиную, видимую с ее места, которая была обставлена двумя кожаными диванчиками, стоящими напротив скромного размера телевизора, по крайней мере, по сегодняшним меркам. Деревянные жалюзи закрывали окно комнаты земляных тонов, и несколько семейных фотографий в рамках стояли на краю стола.

— Мне нравится твой дом. Очень уютный.

— Спасибо. — Он протянул Софи напиток. — Удивлена?

— Вовсе нет! — возразила она, делая глоток.

— Врушка. — Софи виновато пожала плечами.

— Хорошо, ладно, я немного удивлена.

— Садись за стол, — пригласил он жестом. — Время ужинать.

Она направилась к столу, который выглядел, как укромный уголок. Дубовый стол, накрытый кукурузными чипсами, сальсой и гуакомоле, и два стула. Софи надеялась, что сможет сдержать свой аппетит, учитывая, что перед приходом она ничего не ела. Она взяла

салфетку и завернула в нее жвачку.

— Давай, я выброшу, — предложил Сэм, появившись рядом.

— Ты не должен был этого видеть, — она покраснела. — И нет, ты не станешь выбрасывать мою жвачку.

— Можешь выбросить сама. Мусорка под раковиной.

Сэм вернулся на кухню и вытащил из духовки противень с самым сырным и восхитительным кушаньем, покрытым помидорами только наполовину. Он поднес блюдо к столу.

У Софи отвисла челюсть.

— Ты помнишь про помидоры! — воскликнула она, вспоминая день, когда они встретились на рынке.

— Помню.

— Не стоило этого делать. Я уже привыкла их выковыривать.

— Да мне не сложно. — Сэм положил еду на тарелку Софи.

— Так значит, Эбби у тебя уже довольно давно, — Софи сменила тему, думая, что сможет вспомнить то имя, если они снова начнут говорить о собаке.

— У тебя есть животные?

— Нет. У меня была бордер-колли Хейди. Но она заболела, и мне пришлось её усыпить. — Она положила себе немного сальсы. — Она острая? Я не против, мне нравится острая еда.

— Совсем чуть-чуть.

Софи положила немного на чипс и откусила.

— Боже, восхитительно! Тебе нужно приготовить что-нибудь мексиканское. Это моя самая большая слабость.

— С удовольствием.

Софи ждала, что он спросит ее, как ей могла нравиться сальса, если она терпеть не могла томаты. Она сбилась со счета, сколько раз ее об этом спрашивали. «Ты можешь есть кетчуп?», «Тебе нравится соус маринара?», «Ты что, ешь пико-де-гальо?». Вообще-то, ничего из вышеперечисленного не имеет ничего общего со склизкими, брызгающимися сырыми помидорами. Как-то раз, когда она была маленькой, друг попросил ее закрыть глаза и открыть рот. Она

согласилась, и друг положил ей в рот маленькую помидорку. Ее чуть не стошнило, когда она надкусила.

Софи была приятно удивлена, когда Сэм ничего не сказал.

— Ну и, в общем, — продолжила она, — у меня больше никогда не было собаки. Просто я не хотела переживать это заново.

Сэм надрезал энчиладу, чтобы выпустить пар, затем положил на нее ложку сметаны.

— Но подумай о том, что ты упускаешь, если у тебя нет такого пушистика. — Эбби счастливо завиляла хвостом, когда поняла, что речь идет о ней.

— Я только об этом и думала после ее смерти! Это было слишком тяжело. Признаю, я просто большой ребенок.

Все просто. Не заводи животных и не будешь страдать, когда они умрут. Проблема решена.

Сэм встал, чтобы взять из холодильника еще пива и открутил крышечку.

— Так ты учишься с радостью принимать страдания мира. — Он поднял руку. — Это не я сказал. Прочитал где-то.

— *«С радостью принимать страдания мира»*? — повторила она. — Прости, но что это за чушь собачья?

Он засмеялся от ее вопроса и сел обратно.

— Это не так просто понять. Но не бывает без плохого хорошего, правда же? Не знаю... Мне нравится.

Софи положила вилку и прищурилась.

— Дай угадаю. Ты один из тех людей на «Фейсбуке», которые постят философские, воодушевляющие цитаты, да?

Сэм засмеялся, пытаясь проглотить еду, что заставило Софи усмехнуться.

— Надеюсь, ты не обидишься, — начал он. — Но ты чертовски прелестна.

— Что ж, спасибо, — ответила она с усмешкой. — Я просто называю вещи своими именами. Кстати, не смей давать мне рецепт энчилады или скоро увидишь меня во «Взвешенных людях». Ты

великолепно готовишь, Сэм.

— Спасибо. Я действительно хорош. Только не проси меня приготовить мясо на гриле. Будет совсем не классно.

Он взял ее за руку и поцеловал так, будто, не сделай он этого, умер бы от отчаяния. Это первый физический акт симпатии, а его мальчишеская нерешительность делала его еще более привлекательным. Продолжая держать ее руку над столешницей, он изучал ее ладонь, сосредоточенно глядя ее кожу большим пальцем.

Это было очень странно. Не столько его прикосновения, сколько то, как отстраненно он выглядел. Он поднял глаза и встретился с ее взглядом, и Софи подумала, что на мгновение она могла... что это было? Осознание? Осознание чего? Она не знала. Но его глаза будто бы ее разбудили, неважно, что ненадолго.

— Твое второе имя Джозеф? — имя вырвалось прежде, чем она успела обдумать вопрос.

Он сел обратно.

— Да, — пытливо улыбаясь, ответил он.

«Черт возьми! Ты знаешь его второе имя!».

— А ты Сэмюэл Джозеф? Или Самсон? Или просто Сэм?

— Сэ-мю-эл... — медленно проговорил он, пытаясь понять, к чему она клонит.

— Могу я еще выпить? — спросила она, вскакивая на ноги.

— Конечно. — Сэм забрал у нее стакан, и она пошла за ним на кухню. — Как ты узнала? Ты медиум или типа того?

— Ага, называй меня говорящей с собаками. Ты чего! Конечно же, я не медиум.

— Ты про «Говорящую с призраками»?

— Да без разницы, — отмахнулась она. — Ты меня понял.

— Тогда этому есть только одно объяснение. — Он размешал ее напиток, выражение его лица было заинтригованным. — Ты издеваешься надо мной.

— Сэм, я бы так не поступила, — мягко возмутилась она, прислонившись к стойке. — К тому же, это выглядит так, будто я

тебя преследовала. Можно мне? — Не дав ему ответить, она выхватила стакан и сделала большой глоток. — Давай просто забудем. Забудем, что у тебя свидание с чокнутой и начнем все сначала.

Игнорируя его признание в баре, что он чувствовал, будто знает ее, она должна была догадаться, что это намек на нечто большее за обедом.

Сэм забрал у нее напиток и поставил на стойку, затем медленно повернулся к ней. Ее запястье было в его руке, и она была почти уверена, что может почувствовать свой пульс на его кончиках пальцев. Софи задержала дыхание, пытаясь понять, было ли реальным то, что она увидела в его глазах раньше, выискивая любой признак того, что он испытывал то же, что и она. Его рука соскользнула с запястья, он переплел их пальцы. Другой рукой Сэм обхватил ее за талию, притягивая ближе. Ожидание было просто невыносимым. *«Да сделай ты уже это наконец!»*. Он вовсе не был похож на человека, которому нравится вот так издеваться над девушкой, оттягивая их первый поцелуй. Он дышал медленно и глубоко, его губы приоткрылись, словно он собирался что-то сказать.

Софи закрыла глаза и поняла, что кружится на ветру, окруженная высокой янтарной травой. Трава простиралась настолько далеко, насколько она могла видеть в каждом направлении, под небом, синее которого она в жизни не видела. Все цвета были такими яркими. Она смутно осознавала, что губы Сэма мягко касались ее. Она коснулась пальцами травы, и солнце отбросило тень на золотые побеги. *«Каким бы путем я не пошел, я вернусь к тебе»*.

Сэм отпустил ее, прерывая поцелуй, и видение исчезло. Она открыла глаза и увидела недоумение на его лице, его грудь вздымалась и опускалась от коротких вдохов. И, как и в случае с его именем тем вечером, детали предчувствия Софи — вспышка прошлого — были почти как далекое воспоминание, но не были похожи на те, что пережила Софи.

Почувствовал ли он то же самое?

Она сжала его руку.

— Ты?.. — она не знала, как закончить предложение.

— Это было... странно, — он запнулся.

Прекрасно. О таком описании первого поцелуя можно только мечтать. Но ей отчего-то казалось, что он имел в виду вовсе не поцелуй.

Сэм схватил бутылку водки, из которой делал коктейль и запрокинул голову, делая большой глоток. Без сомнений, с ним тоже произошло что-то странное. Софи протянула руку, давая понять, что теперь ее очередь, и он передал ей бутылку.

Софи молчала, пытаясь переварить, стараясь вспомнить. Эти строки, «вернусь к тебе», эта песня играла в тот вечер, когда они танцевали, правда же? Она вспомнила это только сейчас.

С ликером в одной руке и напитком в другой, она вернулась к обеденному столу. Что это, блин, было? Она не видела его там, где бы и когда это ни было, но будь она проклята, если не чувствовала его там. Не здесь. Там. Или это одно и то же?

— Мы просто притворимся, что ничего не было, если ты не против, — сказала она. — Потому что, буду честной, это меня пугает. — Она села на стул и отпила, потом добавила чуть больше водки в содовую. — А я просто продолжу убеждать себя, что ты не подмешал чего мне в выпивку.

— Это шутка, да?

— Конечно же, шутка, Сэм. Я про напиток. Не про забывание.

В отличие от Софи, Сэм к еде не притронулся.

— То, что сейчас произошло, это было... неприятно? — спросил он.

До нее дошло, что он решил, будто она говорит про поцелуй.

— Нет, что ты! — Она взяла его за руку. — Нет, поцелуй был... Этот поцелуй был очень приятным.

На лице выступила испарина. Куда она отсюда уйдет, если не поделится тем, что только что видела?

Софи покосилась на него, прежде чем окунуть чипс в гуакамолу. Она убрала прядь волос за ухо.

— Просто... это было похоже на... — Она не знала, как объяснить это. — Что ты скажешь?

Кажется, он, наконец, ее понял. Она говорила не про поцелуй,

про что-то другое.

— Трудно объяснить, — ответил он, медленно качая головой. — Словно я попал в какое-то незнакомое место, но в то же время оно выглядело знакомым.

Софи покатала чипсом еду по тарелке, избегая его взгляда.

— С тобой такое раньше случалось?

— У всех случаются дежавю, правда же?

— Хм-м-м, — она сгорала от желания спросить, что именно он видел, почувствовал ли то же, что и она, но сама только мысль об этом пугала ее. Все может кончиться тем, что он скажет что-нибудь запредельное, и произведенное им на нее впечатление будет разбито вдребезги. И если уж этому суждено случиться, лучше раньше, чем позже. Как бы то ни было, она просто не могла заставить себя сделать это. — Давай сменим тему.

— Наверное, мы просто перепили, — предположил он.

Все было не совсем так. Она только допила первый стакан.

Долгое время был слышен только звук приборов о тарелки. Софи пыталась успокоиться, задумавшись, а потом оттолкнула это, просто потому что эта мысль была отвлечением. Ей было интересно, случится ли что-то подобное в следующий раз, когда они поцелуются, и уголки ее губ поползли вверх.

— О чем задумалась? — поинтересовался он.

— Ни о чем, — ответила она, уставившись на татуировку на его руке. — Что это за знак?

Он посмотрел вниз так, словно забыл про татуировку.

— Ах, это. Сделал ее по молодости. Расскажу как-нибудь в другой раз. Хватит уже для одного вечера.

Сейчас она было заинтригована как никогда, но оставила это до момента, пока он не будет готов поделиться.

— Я объелась. Ни кусочка больше не влезет. — Она положила салфетку на тарелку. — Спасибо за чудесный ужин.

— Надеюсь, у тебя освободится место до десерта. Шоколадный торт.

— О-о-ох, — застонала она, схватившись за живот.

— Может, выведем Эбби на прогулку? На улице чудесная погода.

То был чудесный вечер в начале октября. Любимое время года Софи. Один из двух месяцев года в Лас-Вегасе с идеальной температурой. Не слишком жарко и не слишком холодно.

Сэм живет в Саммерлине, этот район намного зеленее, чем тот, где живет Софи. Жители здесь платят взносы, чтобы наслаждаться видами, несвойственными для Вегаса. Много-много деревьев, например. Деревья неподалеку составляли навес над дорожкой, а щебетание птиц было невероятно громким.

— Ого, они всегда такие шумные? — задала вопрос Софи.

— Большую часть года, — ответил он, беря ее за руку. Эбби, которая дома вела себя довольно-таки спокойно, увлеченно бежала рядом.

— Хотела спросить, — начала Софи. — Элайджа ведет себя лучше в твоём классе?

— Он все еще заноза в заднице, — не увиливал он.

Софи не знала, почему, но она ожидала от него более дипломатичного ответа, учитывая последний разговор о мальчике.

— Я просто игнорирую его большую часть времени, — добавил он.

— Почему я так не могу? Я пытаюсь, но мне просто хочется... — Она изобразила сворачивание шеи. — Он спорит обо всем. Обо всем! Даже детей раздражает!

— Знаю, — мягко сказал Сэм, качая головой. Они остановились, выжидая, пока Эбби сосредоточенно обнюхивала гидрант.

— Я часто спрашиваю себя, ту ли профессию выбрала, — вздохнула Софи. — Не думаю, что у меня достаточно темперамента для преподавания.

— А кого не посещают такие мысли? — признал Сэм. — Просто не принимай это на свой счет.

— Конечно же, я это понимаю, — ответила она, взмахивая руками. — Но попробуй объяснить это моему давлению!

Софи было трудно удержаться от жестикуляции во время разговора. Эви всегда говорила ей, что она просто клон Мэг Райан с ее характером и манерностью. Софи сходства не видела. Она бы никогда не смогла симитировать оргазм посреди ужина, как Мэг¹. Ей было бы очень стыдно.

— Сколько ты уже преподаешь? — спросил Сэм.

— Начала сразу после колледжа. Около десяти лет. А ты?

— На пару лет больше. — Он посмотрел на Эбби, которая определенно собиралась узнать тот гидрант получше в течение следующих минут пятнадцати, а то и больше. — Эй, Эбби! Может, мы уже пойдем?

Эбби сердито уставилась на него, будто он ее оскорбил, затем побежала вперед.

— Кажется, ты вывел ее из себя, — засмеялась Софи.

— Да, наверное, ты права, хотя она уже не впервой вот так со мной. Женщины.

Он так спокоен. Полная ее противоположность. Она понимала, почему он так ладит с детьми. Она не могла представить что-либо, что могло бы вывести его из себя. В этом причина ее странной необходимости его совета? Было что-то в Сэме, что заставляло ее считать, что он может разобраться с тем, с чем она не способна.

Пара последних цикад гудели на деревьях, когда они проходили мимо. Очарованная непринужденностью, Софи не могла перестать смотреть на него. Тишина совсем его не напрягала, он был расслаблен и умиротворен. Многим нужно было бы продолжать разговор, исключением были те, что знали друг друга на протяжении долгих лет, словно старая женатая пара. Софи была одной из тех многих, поэтому она пыталась придумать тему для разговора, которая не выносила бы мозг.

— Что такое, Софи? — Сэм улыбнулся, не поворачивая головы.

— Я молчала.

— Я чувствую, как ты сверлишь взглядом... Мочку уха, кажется, — уточнил он, потирая ухо.

— Если не хочешь говорить о работе, просто скажи.

— Мы можем говорить, о чем хочешь.

Они приближались к соседнему торговому центру, который находился по другую сторону улицы от бейсбольной площадки. Сэму будет трудно поверить, что она преподает уже так давно, учитывая, что она хотела обсудить вещи, которые уже давно должна была выяснить сама, как, например, опять же, почему ее волнует вопрос, место ли ей в классе.

— Ты когда-нибудь спрашивал себя, насколько твое общение с учениками... уместно? — решила она.

Увидев смятение и тревогу на его лице, она поняла, как прозвучали ее слова.

— Нет, нет, нет! — Она замотала головой и зажмурилась. — Я не это имела в виду. Я о том, что я постоянно сомневаюсь в том, чего от них ожидаю.

Сэм расслабил плечи.

— О!

— Ты же понимаешь, да? Иногда я думаю: «Ай, да они всего лишь дети». От их слов, действий и прочего особого вреда не будет. Потому что ты же знаешь, какие они. Они хотят внимания, а если ты начинаешь поднимать шум из-за этого, это только раздражает их.

— О, да. Им это нравится.

— Но в то же время я просто... нет. Это неприемлемо. А потом я думаю, может, я наделала столько шума из ничего. И я спрашиваю себя, если бы в моем классе были другие учителя, решили бы они, что я слишком вспыльчива, или наоборот, слишком добра? Из-за этих детей у меня постоянно каша в голове.

Сэм остановился и положил руку ей на плечо, легонько встряхнув.

— Ты чересчур переживаешь!

— Знаю, — смущенно согласилась она, скрещивая руки на груди. — Моя сестра все время так говорит.

Он провел ладонью по ее щеке и руки Софи покрылись мурашками от неожиданного прикосновения.

— Она права, — мягко продолжил он. — Перестань так

переживать, прекрати размышлять над тем, что подумают о тебе другие. У всех свои пределы терпения, свои личные методы, а если учесть, что я слышал о тебе от детей, думаю, ты прекрасно справляешься.

Ей показалось это немного нелепым, и она надеялась, что он не решил, будто она напрашивается на комплименты.

— Спасибо.

— Теперь, — продолжил он, — я собираюсь поцеловать тебя. Просто хотел предупредить. Не хочу снова напугать тебя, как в прошлый раз.

У Софи расширились глаза.

— Ладно.

— Ты хоть представляешь, какие у тебя красивые голубые глаза? — Он провел большим пальцем руки у нее за ухом.

Она очистила разум от всего остального. Казалось, будто у них есть тайна, только Софи не была уверена какая. Луна светила ярко, придавая белой накрахмаленной рубашке Сэма сияние, Софи бездумно игралась с его карманом. Эбби тихо скулила и старалась протиснуться между ними, когда Сэм наклонился. Его губы были теплыми, а поцелуй более нежным, чем первый. В этот раз никаких видений, никаких снов наяву. Только простое блаженство от бытия с предметом ее симпатии.

Глава 9

— Уже не терпится расслабиться в эти выходные, — сказала Эвелин, неся пакеты с покупками. — Пусть даже мы и останемся в городе.

— Кристиан будет в восторге, когда увидит тебя в этом платье, — восторженно заявила Софи.

Эви взволновано пожала плечами, ухмыляясь в предвкушении. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, как она и Кристиан выбирались куда-то на романтический отдых. Они отпразднуют годовщину в отеле «Париж».

— Нужно отдать вам должное. — Софи отпила свой фраппучино. — Тринадцать лет — настоящее достижение в наши дни.

Они шли по торговому центру. Сестры спланировали день так, чтобы Софи могла помочь Эви с выбором платья по этому поводу.

— Расскажи мне все о своём новом парне, — попросила Эви.

Лицо Софи засияло.

— Он мне нравится. Очень нравится.

— Ого! Так, когда я познакомлюсь с этим счастливчиком?

— Не знаю, — вздохнула Софи. — Новые парни почти всегда замечательные поначалу. Я вроде как хочу понять, всегда ли он будет таким. Боже, надеюсь, что да. Потому что это будет действительно отстойно, если ничего не получится и мне придется видеть его каждый день на работе.

Эви посмотрела на вход в арт-галерею, затем замедлила шаг и застыла, когда кое-что привлекло ее внимание. Софи, должно быть, не заметила того, что она остановилась, потому что налетела на Эви, ткнув себе в лицо соломинкой.

Кристиан был внутри, разговаривал с очень привлекательной женщиной с длинными рыжими волосами и фарфоровой кожей. Эви уставилась на них, пытаясь понять, что происходит. Возможно, это была профессиональная беседа, связанная с работой Кристиана, но это определенно так не выглядело. Женщина кокетливо смеялась, а Кристиан стоял очень, очень близко к ней. Эви стало плохо. Она взглянула на Софи, чтобы проверить, не одна ли она это видит. Софи смотрела на галерею, ее внимание было приковано к ним. Эви повернулась обратно как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кристиан кладет руку на ее локоть, а потом наклоняется и шепчет ей что-то на ухо.

Грозным шагом Эви постаралась как можно быстрее покинуть это место, не желая больше наблюдать это зрелище.

— Эви! — окликнула ее Софи.

Она проигнорировала сестру и зашагала по направлению к стоянке, когда Софи догнала ее.

— Эви, иди и поговори с ним!

— И что именно я должна сказать?

— Может, ты поторопилась с выводами. Все может быть совсем не так, как ты думаешь.

— Софи, хватит опекать меня. Прошу.

Она знала, Софи защищала его только ради неё, потому что не хотела видеть ее страданий. Единственной причиной, почему Софи резко поменяла позицию касаясь Кристиана, было их разногласие, случившееся пару недель назад. Эви знала, что-то было не так с тем, что они видели. Они обе знали.

Эвелин молчала по дороге домой, пока Софи продолжала играть с соломинкой в стакане, болтая ею, пытаясь разломать последний кусочек льда на дне, который издавал раздражающий пищащий звук. Эви бросила на нее быстрый взгляд.

— Прости. — Софи разглядывала многоэтажки, пока они ехали по I-15. — С тех пор, как мы выросли, этот город просто неузнаваем, правда? Я не знаю и половины этих зданий.

Эви глядела прямо перед собой, следя за дорогой.

— Эви, — начала Софи. — Кристиан не упоминал, что пытается выставить свою работу в галерее?

— Нет.

— Может, в этом все дело. Может, он ничего тебе не сказал, чтобы ты не расстраивалась, если ничего не получится.

— М-хм.

«За исключением того, что он смотрел на ту женщину так же, как он смотрит на меня». Она была признательна Софи за попытку выставить все в позитивном свете, но это не работало.

— Софи, я знаю, ты пытаешься помочь, но я не хочу сейчас об этом говорить. Я просто пытаюсь понять, что скажу ему.

Эви заплатила бы за три бокала вина, как только пришла домой, но тогда, возможно, ей пришлось бы иметь дело с волчанкой. Сейчас, когда у нее было немного времени, чтобы успокоиться и все обдумать, она не была полностью уверена, что он мог бы так поступить. Но опять же, может быть, она просто отказывалась

принимать это. Последние пять лет между ее и его болезнями были тяжелыми. Как же часто она жалела, что у нее все еще оставались чувства к нему. Так же сильно, как ненавидела признавать, что эти отношения вредили ей.

Она легла на диван, держа в одной руке бокал вина, а другую вытянув вверх, когда Кристиан вошел через входную дверь.

— Привет, красавица, — поздоровался он, прежде чем заметил бокал в ее руке. Обойдя диван, он сел на кофейный столик напротив нее и нахмурился. — Как дела?

Она ничего не ответила, только потерла голову.

Он забрал у нее бокал и поставил на стол.

— Малышка?

Эви глубоко вздохнула, надеясь, что ее голос не дрогнет, когда она заговорит.

— Мы с Софи были в торговом центре сегодня и видели тебя в галерее, ты разговаривал... с кем-то.

Он сморщил лоб на мгновение.

— Высокая рыжая?

Она сжала губы и прикрыла глаза.

— Эви. — Он нежно взял ее руку в свою. — Не знаю, что ты там себе напридумывала, но это называется «заводить полезные знакомства». Я не хотел ничего говорить. Тара, та девушка, директор галереи и мамина знакомая. Мама убедила ее согласиться встретиться со мной, чтобы я смог показать ей мои работы и, возможно, выставить их в галерее.

Эви должна была ему поверить, но не хотела быть одураченной.

— Если ты просто заводил полезное знакомство, то какие были условия?

— Ты это серьезно?

Она села.

— Ты сказал мне, что мне нужно тебя бросить, так, может, ты просто пытаешься облегчить дело.

— Не могу в это поверить. — Разозлившись, Кристиан встал и

начал расхаживать. — Я думал, ты обрадуешься, что я начал хоть что-то делать.

— Выглядело это неправильно.

Кристиан мотнул головой так, будто она сошла с ума, заставляя ее насторожиться еще больше.

— Эви, я бы так не поступил, — возмутился он, посмотрев ей в глаза. — Я и так принес тебе достаточно горя.

— Перестань так говорить! Если ты хочешь уйти, уходи. — Она взяла бокал и прислонилась боком к спинке дивана, подтянув колени к груди.

Кристиан вздохнул. Сел рядом с ней, положил подбородок ей на плечо и рукой обхватил ее за талию.

— Ты правда думаешь, что существует кто-то настолько чокнутый, чтобы меня терпеть?

— Выглядело, будто вы неплохо проводите время.

— Да брось, — прошептал он. И стиснул её сильнее, прежде чем убрать её волосы за ухо. — Это всегда была ты. Со средней школы. Как ты можешь этого не понимать?

Она помнила. Тогда он был так сильно в нее влюблен. Это было так неловко и очаровательно. Она с нежностью вспомнила тощего мальчишку, таскавшего повсюду свой скетчбук.

Однажды после урока он вручил ей согнутый листок. Решив, что это записка, она развернула его и увидела мастерски нарисованный ее портрет, который он набросал, пока сидел за партой. Кристиан ускользнул прежде, чем она успела хоть что-то сказать.

Но он успешно оставил свой след в ее сердце.

Эвелин выдохнула и повернулась к нему лицом.

— Прости. — Она внезапно почувствовала себя так, словно раздула из мухи слона.

— За что? — Он чмокнул ее в ушко. — А теперь давай избавимся от этого, — сказал он, унося ее бокал на кухню.

Глава 10

Софи вышла на школьный двор на пару минут раньше, чтобы расставить напитки для обеда с пиццей, которым награждали горстку учеников каждый месяц. Ученики могли заработать марки, на некоторые из них можно купить себе разные награды, как этот обед. Она выстроила в линию красные пластиковые стаканчики, наполненные разными видами газировки.

Ее мысли были далеко отсюда. Она нарочно воздержалась от звонка Эви, позволив ей начать разговор о Кристиане, и это было просто невыносимо. Невыносимо! Еще она думала о Сэме и о том блаженном и странном первом поцелуе, который не могла выкинуть из головы. Хотя с тех пор ничего из ряда вон выходящего не происходило, воспоминания той ночи часто всплывали в ее голове. Это было абсолютно бессмысленно. А то, как она угадала его второе имя? Это что такое было?

Даруя себе головную боль, она решила сосредоточиться на рутине и попыталась придумать способ, чтобы привести своих громкоголосых восьмиклассников после обеда к нормальному уровню звука, не вопя на них. Много лет спустя она поняла, что чем громче она была, тем громче становились они. Через некоторое время они переставали воспринимать крики. Кроме того, от продолжения в том же духе Софи становилось хуже. За эти дни она свела свои крики к минимуму. Когда же ей приходилось прибегнуть к этой мере, ее ученики, как правило, сидели в тишине, ведь это было редким явлением.

Что же произошло с детьми? Или же это были изменившиеся взрослые? В конце каждого года некоторые из ее учеников дразнили ее тем, каким облегчение будет для нее их уход. Ее ответом всегда было то, что она будет скучать по некоторым. Но по всем ли? Не так уж и сильно. Это относилось не ко всем ее классам, конечно. Вся правда была в том, что большинство детей были позитивно очаровательными, когда разговариваешь с ними один на один.

С другой стороны, то, как они общались друг с другом, нередко было отвратительно. Грубо и легкомысленно, и неважно, сколько нотаций прочитала им Софи. Это было в те времена, когда она переживала, не слишком ли серьезно к ним относится, ведь они всегда говорили, что это они так играют. Софи было плевать, ну или она не покупалась на это. Почему игра должна включать в себя

рассечение?

Софи просто была благодарна, что ученики в этой школе вели себя относительно хорошо по сравнению с теми ужасными историями, которые она слышала о других, по-настоящему жутких местах. Как однажды сказала их директор, самое худшее здесь — неугомонные ученики.

Один за другим ученики потянулись во двор, занимая места и ожидая, когда их позовут за пиццей. Ребят всегда было немного, около тридцати человек.

Софи отвечала на редкие «спасибо», пока ученики забирали еду, а она складывала пустые коробки из-под пиццы под стол. После того, как все ученики расселись и приступили к еде, Софи тихонько села, прислонившись к окну.

Она наблюдала за одним мальчиком, который сидел за одним столом с девочками, но не разговаривал ни с одной из них. Он был тихим, не очень крупным. За соседним столом сидели трое парней, смеющихся над чем-то между собой. Софи не была уверена, но у нее сложилось впечатление, что они говорили о том мальчике. Один ученик из маленькой группы, в красной куртке, встал, чтобы взять еще пиццы и на полпути остановился, сказав что-то мальчику. Софи не понравилось угрожающее выражение Красной Куртки.

Сидящий мальчик не выразил никаких эмоций, затем встал и отнес свою тарелку со стаканом к мусорному контейнеру. Он был выше, чем ей казалось, но довольно тощим. Явно не желая возвращаться на свое место, парень с волосами русого цвета, чья толстовка была на два размера больше, приблизился к Софи.

— Как у вас дела? — спросил он.

— Хорошо, — улыбнулась она. — А твои как?

— Все просто замечательно. Я Йен. — Он протянул ей руку.

— Приятно познакомиться, Йен. Я мисс Кук. — Она была приятно поражена вежливостью и зрелостью этого мальчика.

— Сегодня довольно жарко. — Он был одет в черное, а погода была необычно теплой для осени. — Вы не против, если я останусь здесь с вами, в теньке?

— Вовсе нет. — Понадобилось не много времени, чтобы

заметить каплю женственности в его голосе, и до Софи быстро начал доходить смысл того, что она видела.

— Так что вы преподаете мисс Кук? — с искренним интересом спросил он.

— Информатику. Мой кабинет рядом с библиотекой.

— А, да. Я знаю, где это. Вам нравится преподавать информатику?

Он все продолжал и продолжал разговаривать с ней, спрашивая, как долго она преподает, давно ли она в школе и нравилось ли ей это. Он был совершенно очарователен. Ученики в этом возрасте редко сами выражали интерес к взрослым. Ей не нравилось цинично раздумывать, не было ли в этом скрытого мотива. Как бы то ни было, он не ее ученик, так что вряд ли он подлизывался, по крайней мере, она ничего не заметила. Хотя она и понимала, что он избегает компании своих ровесников, он мог запросто гундосить о видеоиграх или телешоу. Вместо этого он любезно сосредоточил разговор на ней.

Подул легкий ветерок, и несколько стаканов упало на клумбу.

— Извини меня, — сказала Софи, собираясь поднять их.

— Я соберу. — Йен ринулся подбирать стаканы с клумбы.

«Откуда взялся этот парень? Да он же ангел!». Он остался помочь ей с уборкой, хотя большинство студентов просто ушли бы, помог убрать скатерти и отнести оставшиеся в учительскую.

— Йен, было приятно встретиться и пообщаться с тобой сегодня, — сказала Софи, еще раз пожав ему руку, прежде чем вернуться в свой класс.

— С вами тоже приятно было пообщаться, мисс Кук. Счастливо!
— Он выкинул оставшиеся тарелки в мусорный бак и помахал, выходя за дверь.

«Вот на таких детях нужно концентрироваться, когда кажется, что все пропало». Иронично, что именно об этом они с Сэмом и говорили. Один раз она была у него на уроке, чтобы увидеть его в действии, и ей было очень интересно, как ему удастся оставаться таким спокойным. Не то чтобы дети творили что-то ужасное, но его сдержанность определенно обладала волновым эффектом.

— Не обманывайся, — сказал он. — Всякое случается, как и со всеми. Кроме того, опять ты слишком много себя анализируешь.

— Не знаю.

— Постарайся думать о хороших, даже если другие преподносят тебе дерьмо. Такие везде есть, но из-за тех, с кем трудно, мы их не замечаем.

Йен был хорошим, а Софи была необычно расслаблена, идя на урок к пятому классу, который был основной причиной ее стресса. Странно, но она поняла, что ее ученики были совсем другими. Ни разу за все время ни один из них не сказал ничего обидного или неприятного. Они даже были добры друг к другу. Это был чудесный день.

Как бы то ни было, она постарается приглядывать за своим новым другом, Йеном.

Глава 11

— У меня никогда не получалось. — Софи подбросила другую попкоринку, повторяя за Сэмом.

Они лежали лицом друг к другу, каждый на своем конце дивана. Сэм наклонился и поймал еще одну.

— Нужно быть быстрее, — похвастался Сэм, словно это был особый талант. — Попробуй.

Одна попала ей по носу. Другая в глаз. Она чувствовала себя душой, пытаясь поймать этот чертов попкорн.

— Не могу я!

Сэм засмеялся. За все время ее побиле десять или даже больше попкоринков.

— Перестань!

— Может, у тебя получится поймать хоть одну, если ты подбросишь сразу несколько? Хотя, очевидно, у тебя просто нет дара.

— У всех нас есть свои слабости, — сказала она.

Сэм перестал смеяться над ней и поставил тарелку на пол.

— Иди сюда.

Софи подползла к нему и легла на его живот. Ее носки терлись о его голые ноги. Тихо на старой джазовой радиостанции играла песня «La Vie En Rose» Луи Армстронга, которую они оба любили. Софи всегда считала, что родилась в неправильное время. У нее было пристрастие к музыке и моде сороковых еще с детства. Билли Холидей, Элла Фицджеральд, Бенни Гудмен — она просто обожала джаз и свинг.

Когда ей было примерно лет десять, у нее в комнате стоял один из тех старомодных куполообразных радиоприемников, и она не могла понять, почему в нем играл Билли Айдол, а не джазовый оркестр. Когда Сэм впервые включил свою стереосистему, она никак не могла поверить в это. Она никогда не встречала кого-то своего возраста, увлекавшегося тем же музыкальным жанром.

— Тебе стоит носить челку покороче. Не нужно прятать такие прекрасные глаза. — Он отбросил ее волосы в сторону. Софи поднялась чуть выше, чтобы поцеловать его, и ощутила вкус салата на его губах.

— Я могу снова ее отрезать, если хочешь, — предложила она.

— Прощу, не надо, — фыркнул он. — Оставь это профессионалу, умоляю.

— Уверен? — Она села, поднимая челку вверх.

Он внимательно изучал ее.

— Если подумать...

— Я могла бы ходить с прической «только встала с постели». И тогда они точно не закрывали бы глаза.

— Или я мог бы одолжить тебе свой домашний гель, — предложил он, вскинув брови. — Он богат протеином. Как раз для твоих волос.

В ответ Софи выдавила странный звук.

— Сэм! — Она схватила подушку и кинула ему в лицо. — Какой ты злой!

Он быстрым движением перевернул ее на спину, безжалостно щекоча, заставляя визжать и смеяться. Только когда она попыталась дать отпор, он наконец сжалился. Он лежал на ней так, что их лица были совсем близко друг к другу.

— Ты хоть представляешь, как часто я думаю о тебе? — спросил он.

— Ты думаешь обо мне?

— Да, но не думаю, что это не вредит мне. — Он нахмурился. — Я просто не могу больше сосредоточиться на работе. Дети постоянно говорят... — он перешел на фальцет. — *«Мистер Коллинз, вы не могли бы перестать мечтать о мисс Кук? Нам еще столько нужно узнать! Вы нужны нашим жаждающим умам!»*

Софи округлила глаза и фыркнула:

— Боже милостивый!

— Так и есть. — Его губы задевали ее кожу прямо возле выреза ее топа на бретельках. Затем он медленно покрыл поцелуями ее шею. Она закрыла глаза и улыбнулась, обхватив его руками. *«Черт, не торопиться будет очень трудно!»*.

Не много времени понадобилось, чтобы невинный флирт превратился в давление его тела на ее. Она извивалась под ним, противореча сама себе, притягивая его ближе.

О, как она его хотела! Прямо здесь и сейчас. Его блуждания перешли к ее голым плечам, ключицами, подбородку. Их желание быстро росло, ее рот жадно приветствовал его, и Софи попыталась успокоиться. Безуспешно. Может, стоило отбросить сомнения, подумала она, только в этот раз. Как только она поддалась этой мысли, Сэм заставил себя разорвать поцелуй, вяло отступив, позволяя рукам свеситься на пол.

— Ты меня убиваешь! — простонал он.

— Я? — Она стукнула его по плечу, давая ему понять, чего

хотела, затем встала с дивана и начала обмахиваться руками. — Ты это начал!

Он провел рукой по волосам.

— Ага, наверное, я, да?

— Ты игнорируешь наше соглашение, — сказала она, погрозив пальцем. Раз они работали вместе, они решили, что будет неплохо повременить с серьезным интимом, пока они оба не будут уверены, что это приведет к чему-то еще. Софи представляла, каково будет ей видеть его в корпусе, если они расстанутся после столько решительных действий. Она понимала, что не было никаких гарантий, но хотела проявить хотя бы *некоторую* сдержанность.

Она не была готова к тому, как быстро привязалась. Они встречались всего только месяц, но провели рядом все это время либо переписываясь по телефону, либо будучи вместе. То есть в основном все протекало довольно сентиментально.

— Ты права. Права, — кивнул он. — Мне жаль. — Его кивок превратился в мотание головой с усмешкой. — А вообще-то нет. Мне не жаль.

Она села рядом с ним и шутливо его толкнула.

— С Эбби все в порядке? — спросила Софи, посмотрев на нее. Та развалилась возле дивана. — Не верится, что она не запрыгнула, когда ты щекотал меня. Она просто лежит там все это время.

Он опустился на пол рядом с Эбби, чтобы погладить ее.

— Ненавижу это признавать, но, похоже, ее время на исходе. Последние несколько месяцев у нее были проблемы с почками. Я давал ей лекарства, но, думаю, они не особо помогают.

Софи опустилась рядом с ним на ковер.

— Мне жаль, Сэм. Бедная Эбби.

Она положила голову рядом с собакой, чьи глаза были полуприкрыты. Эбби не выглядела так, будто ее волнует забота, которой они ее окружили, пока она пыталась вздремнуть. Софи провела рукой вдоль всего ее тела. Она не могла описать или выразить это, но было что-то в этой старой дворняжке, что порой усиливало ее связь с Сэмом. Софи не могла этого понять; это было просто странное чувство. Может быть, это из-за того, что она бывала здесь так часто, что Софи начала считать Эбби своей собакой, как и его.

Заиграла песня Коула Портера, и в этот момент она подумала об австралийской овчарке рядом с собой, бежавшей рысью рядом с ней. Она мельком заметила свои атласные туфли и подол темно-синей юбки, когда толкнула дверь, которая, как оказалось, была амбарной. И за этой дверью была та же золотая трава, те же насыщенные оттенки. С ней был кто-то еще. Ну, не совсем с ней, но недалеко. Он стоял к ней спиной, работая над чем-то. Над трактором?

Прикосновение пальцев Сэма к ее волосам вернуло ее к реальности.

— Ты в порядке? Мне показалось, у вас с Эбби возникла телепатическая связь, — поддразнил он.

— Оу. — Софи села по-турецки. — Кажется, я выпала из реальности. — Она похлопала себя по щекам, но не смогла скрыть волнения.

— Уверена? — спросил он.

«Да скажи ты ему! Чего ты так боишься?».

«А, да только того, что он подумает, что я больная!».

«Но он сказал, что тоже видел что-то, когда вы впервые поцеловались. Почему ты так боишься поговорить с ним об этом?».

— Так ты готов рассказать мне про ту татушку? — перевела она тему.

Сэм прислонился к дивану и вытянул ноги перед собой.

— Ничего особенного. Попробуешь угадать, что она означает?

— Хммм. Ты сказал, это банально. Это связано с мамой?

— Неа.

— Эм-м-м... — Она постучала пальцем по подбородку. — «Чем больше сила, тем больше ответственность». Это из «Человека—паука».

— Знаю. Снова мимо.

— Э... — Она подумала немного дольше, скрещивая и перекрещивая ноги. — «Делать. Или не делать. Не пробовать», — сказала она, подражая голосу Йоды.

Сэм осклабился.

— Это что вообще такое?

— Что? Все знают, что у Йоды лучшие цитаты.

— Это очень длинные предположения. Думаешь, этот маленький символ обозначает так много?

— Откуда мне знать? Я не умею читать по-китайски. Я думала, одна из этих маленьких линий может быть целым словом.

— Одно.

— Одно? — повторила она.

— Этот знак означает «одно».

— О-о-о! — Она покачала головой, прежде чем непонимающе нахмурилась. — Что «одно»?

— Все мы одно, — сказал он, делая короткие круговые движения пальцем. — Всё одно.

Софи, впечатлившись, вскинула брови.

— Очень глубоко, — прокомментировала она. — И классно. Сколько тебе было, когда ты набил тату?

Он посмотрел в потолок и задумался.

— Около двадцати.

— Так... — Софи подползла к нему, взяла за руку и переплела их пальцы. — Давно ты такой непростой, задумчивый парень? Был таким еще ребенком?

— Ну, я бы не назвал себя непростым. Я считаю себя *очень даже* простым. Но задумчивый? — Он наклонил голову, как если бы был

согласен с этим определением. — Давай просто скажем, что я был очень любознательным ребенком. Всегда таким был.

— Я заметила.

— Я хочу тебя кое о чем спросить. — Он поднес ее руку к губам и поцеловал костяшки. — Как так случилось, что ты не замужем? Так, что никто не предложил? Сколько, говоришь, тебе лет? Пятьдесят два? Пятьдесят три?

— Очень смешно. — Она знала, что этот разговор когда-нибудь случится, потому что у нее у самой был к нему тот же вопрос. — Это вовсе не длинная темная история. Для начала, у меня было не так уж и много парней. Добавь к этому тот факт, что сложно найти кого-то, кто тебе подходит, и получишь ответ.

Сэм поджал губы, внимательно слушая, и кивнул.

— И сколько это «не так уж и много»?

— Совсем немного, — повторила она, начиная чувствовать себя странно из-за этого разговора. — Не знаю. — Она мысленно посчитала. — Пять... шесть... за последние десять лет. И я бы даже про половину не сказала «встречались». Так, сходили на три-четыре свидания. — Почему она чувствовала себя так неловко из-за этого? — Это плохо?

Она что, правда, спросила его, плохо ли это? Ой! Почему ей нужно было его одобрение?

— Не знаю! — засмеялся он. — Это не плохо или хорошо. Мне просто интересно.

— Ну а ты? Почему ты до сих пор не остепенился?

— Может, я ждал тебя.

Она забралась к нему на колени и провела рукой по лицу так, словно собиралась сказать что-то очень приятное.

— Хорошая попытка, но тебе не удастся вот так просто уйти от вопроса.

— Ладно. — Он выдохнул, проведя руками по бедрам и обратно. Казалось, он тянул время. — Я был помолвлен с той, с кем мы были вместе много лет.

Сердце Софи пропустило удар. Ей это не понравилось. Совсем

не понравилось.

— Долго вы были вместе? — спросила она.

— Четыре года.

— И долго вы были помолвлены?

— Год, — ответил он.

Ауч. Было больно! От мысли о том, что он почти был женат на ком-то. На ком-то, кто не был ею. Она слезла с его колен и села рядом.

— Что же произошло?

Он пожал плечами, уставившись на свои руки.

— Мы хотели разного. Я хотел детей. Она нет. И каждый из нас верил, что сможет изменить другого. — Он безразлично усмехнулся. — Урок усвоен, да?

Она пыталась придумать, что такого ответить, чтобы он не понял, как она раздавлена, ведь у нее не было на это причин. Эта тяжесть внутри такая глупость!

— Если я скажу, что мне жаль, что ничего не вышло, это будет ложью, — призналась она. — Но мне жаль, если это причинило тебе боль.

— Все в порядке, Софи.

Теперь она чувствовала себя просто *отвратительно*. «Ты что, серьезно позволишь этому испортить тебе вечер? Забудь об этом!».

Сэм не обратил внимания на смену в ее настроении и сжал ее руку.

— Это было уже очень давно. Мне тогда было примерно двадцать восемь. — Он чмокнул ее в нос. — Только не начинай думать, будто ты девушка на замену.

— Это не так.

— Так, ты не хочешь рассказать что-нибудь о своих отношениях?

— Что ж, мне никогда предложения не делали, если тебя интересует. — Она нехорошо себя чувствовала из-за его откровенности, и она совсем *не хотела* быть собственницей, ревнуя

ко всему, что произошло до их встречи. *«Возьми себя в руки, Софи!»*.

— Совсем ничего серьезного в твоём прошлом? — настаивал он.

— Я бы так не сказала.

Был Джеймс. Он казался идеальным во всем, и поначалу она была просто без ума от него. Но как-то она тогда осознала, что он не тот, с кем она хотела бы провести свою жизнь. Он был прекрасным человеком, в компании которого ей было очень приятно.

— Был один парень, с которым я встречалась пару лет назад, — призналась она Сэму. — Мы были вместе месяцев девять, но он не был тем самым. Понимаешь?

— И с тех пор ничего?

Она покачала головой и нахмурилась.

— Не совсем. Был кое-кто, кем я по-настоящему увлеклась, но это не было взаимно.

— Что он такое курил? — поинтересовался Сэм. — Он потерял, я получил.

Такова была история ее жизни. Мужчины, которым она нравилась, но которые были не интересны, и те, кто едва ли знали о ее существовании. Это продолжалось все то время, что она помнила. До этого момента.

Сэм поднялся с пола, затем протянул руку Софи, помогая ей подняться.

— Я хочу кофе. Тебе сделать?

— Давай.

Она прошла за Сэмом на кухню и прислонилась к барной стойке, наблюдая за ним. Он сказал что-то про встречу на работе, но она особо не слушала. Решив выкинуть новости о Сэме из головы, ее мысли обратились к Эви. Ей было интересно, как у них обстоят дела с Кристианом. Они поговорили после инцидента в торговом центре, произошедшем две недели назад, но Эви и словом не обмолвилась об этом. Софи хотела узнать подробности, но Эви стала чрезвычайно скрытной и гиперопекающей во всем, что касалось Кристиана, а Софи очень сильно старалась не начинать снова спорить. Она чувствовала, что их с Эви отношения тянули ее все ниже и ниже, но

глубоко в душе она понимала, что это все делала она.

— Что-то ты совсем притихла, — заметил Сэм.

— Мне нужен совет.

— Я постараюсь.

— Ты знаешь про мою сестру и ее болезнь, — начала Софи. — И ты знаешь, насколько я не в восторге от Кристиана.

— А, да. Ты упоминала об этом чуть больше одного раза, — поддел он. Сэм достал пару кружек из подвешного шкафа. Здорово, широкие кружки, как раз такие, из каких Софи любила пить кофе, но никогда не встречала в магазинах.

— Я никогда не ненавидела этого парня, не думала, что он плохой человек, но... Мы с Эви видели кое-что, показавшееся изменой. — Сэм протянул ей полную чашку и оперся руками о стойку. — И... О-о-ох! Если он изменяет, мне придется сделать ему больно.

— Это довольно грубо.

— И дело в том, — добавила она, ее глаза расширились от разочарования. — Думаю, даже если он изменил, она его не бросит!

— Хм-м-м.

— Хм-м-м? — повторила Софи.

— Наверно, я все еще жду вопроса. — Держа в руке кофе, он пошел в сторону задней части дома и открыл стеклянную дверь. — Пойдем. Посидим на улице.

Прежде чем присоединиться к нему на улице, Софи схватила легкую толстовку, брошенную ею на табурет, чтобы чувствовать себя комфортно на веревочных качелях у него на террасе.

— Наверное, это и не вопрос вовсе. Просто Эви говорит, что я постоянно осуждаю ее. И что она не может доверять мне из-за этого. Мне так не кажется, я просто хочу для нее лучшего.

Сэм подбросил дров в кострище, затем остановился.

— А ты, конечно, знаешь, что для нее лучше, — дружелюбно проговорил он.

Софи выпрямилась в кресле.

— Я не совсем это имею в виду.

— А что тогда?

— Парень! Ты разве не должен быть на моей стороне? Я имею в виду, она же моя сестра, — возмутилась она, приложив руку к груди.

— Софи, я ни на чьей стороне. — Он отряхнул джинсы, зажег спичку и кинул в кострище. В результате появилось только слабое свечение, так что он взял кочергу и подвигал дрова, чтобы разжечь пламя. — Ты точно знаешь, что он ей изменяет?

— Ну, нет.

— Она его любит?

— Что странно, да, — ответила она.

Он помотал головой и улыбнулся.

— Нет, я не вижу ни одной причины, почему она считает, что ты осуждаешь ее. — Он кинул еще пару спичек в огонь, который потихоньку разгорался.

Софи уже хотела возразить, но затем остановилась. Она приложила руку ко рту.

— Боже... — пробормотала она, впервые осознав это.

— Я понимаю. — Сэм присоединился к ней на качелях. — Как ты сказала, она твоя сестра, и ты просто хочешь защитить ее.

— Хочу! — решительно согласилась она.

— Понимаю, это трудно, но тебе станет намного проще, когда ты поймешь и примешь то, что это ее жизнь, и она будет жить так, как захочет. И неважно, что ты об этом думаешь.

— Похоже, никто из тех, кого ты любишь, не принимал плохих для них решений.

— Ага, — промычал он, ставя кофе на стол. — О, точно. Ты же еще не знакома с моей мамой.

Мысль о знакомстве с его мамой, которое когда-нибудь произойдет, тревожила ее. Что если Софи ей не понравится?

— А что такое с твоей мамой?

— Ничего, если не считать того, что она стереотипная старуха,

прикованная к кислородному баллону, по-прежнему попыхивающая сигаретой.

— О. — Софи поморщилась, сочувствуя, прежде чем сделала глоток из своей кружки.

— Пять лет назад врачи сказали, что у нее эмфизема, но она до сих пор не бросила. Сейчас она едва может передвигаться по комнате, в больницу и из нее, — он вздохнул. — Что поделать? Устал уже беситься из-за этого.

Софи положила руку ему на колено.

— Забавно, но не кажется, будто ты устал.

— Честно, все так. Я понял, что по какой-то причине она просто не может это сделать. Не буду лгать и говорить, что это просто — наблюдать за тем, что она с собой творит. — Он поднял руки. — Может, по некой причине ей просто необходимо пройти через это. Кто я такой, чтобы говорить?

— Так ты думаешь, что все предопределено.

Он пожал плечами.

— Иногда только это и имеет смысл. Ты видишь столько застрявших людей, не способных выбраться из паршивых ситуаций, прекрасно понимая, что все паршиво.

— Я не совсем понимаю, — промолвила Софи. — Это как-то нелепо, на мой взгляд. Всегда есть выбор.

— Уверен, что даже ты, мисс Принятие-Ответственности-Приводит-к-Гармонии... — он потрепал ее под подбородком, прежде чем поцеловал. — ... можешь припомнить хотя бы один случай, когда ты была частью чего-то, не приносящего тебе пользы, неважно, как недолго. Но ты все равно делала это, потому что чувствовала себя вынужденной.

— Это не так, — отрезала она. — Я очень осмотрительна. Чересчур разумна. Понимаю, это наверняка довольно скучно.

— Я не о чем-то плохом говорю. Твоя сестра не делает ничего плохого. Она просто решила остаться в ситуации, которая может быть плохой *для нее*. Но опять же, может и не быть. — Он ласково ткнул ее пальцем в грудь, высказывая свою точку зрения.

— Мальчик, определись уже, наконец! — воскликнула она. Она вдруг поняла, что, если бы кто-то еще сказал ей это, она была бы оскорблена, словно она была ребенком, которого нужно образумить. Но он говорил с ней так успокаивающе, совсем не снисходительно, даже когда ему приходилось возиться с ней.

— Что я могу сказать? — ответил он на ее замечание. — Я не из тех, кто делит все на черное и белое.

Глава 12

Приблизившись, Софи заметила Кристиана, ждущего ее возле галереи. Он попросил ее встретиться там, не объяснив по телефону зачем. Она предположила, что это из-за того дня, когда они с Эви видели его, но понятия не имела, зачем он попросил ее встретиться с ним.

— Спасибо, что пришла.

— Зачем это все, Кристиан? — настороженно спросила она. — Я не понимаю, зачем ты меня сюда позвал и о чем мы можем говорить.

— Просто пойдем со мной. Ладно? — попросил он, протянув руку, приглашая ее войти в галерею.

Она сунула руки в карманы своего пальто и тревожно оглянулась, прежде чем войти в «Кентавра». Так называлась галерея, то самое место, в которое она подавала заявление на работу во время учебы в колледже.

В дальнем конце галереи, за письменным столом из красного дерева, сидела та самая очаровательная рыжая девушка. У Софи свело желудок.

— Тара! — позвал Кристиан.

Сияя, Тара вскочила с кресла и вышла из-за стола.

— Кристиан, как ты, любовь моя? — Они обменялись поцелуями в щеку, как часто делают люди искусства.

— Это Софи, моя свояченица. — Кристиан положил руку на ее плечо.

— Очень приятно познакомиться, Софи, — сказала Тара, протягивая руку. — Вы пришли посмотреть на великолепную работу Кристиана, что украшает нашу галерею?

— Я, э... Наверное. Я не знаю.

— Пойдем, пойдем! — Тара взяла Софи за руку и провела мимо нескольких абстрактных бронзовых скульптур.

— Ты немного преувеличиваешь, тебе не кажется, Тара? — догоняя их, спросил Кристиан.

— Он такой скромняга, — бормотала Тара уголком рта. — И, скажу вам, это редкость в мире искусства. Эго! — Она закатила глаза. Софи уже была симпатична эта женщина, в противоречие самой себе. — А вот и они.

Тара жестом указала на стену, на которой были выставлены десять картин, составляющие работу Кристиана. Все они были довольно небольшими, примерно по тридцать-тридцать пять сантиметров. Софи годами не видела его работы, но, едва увидев их, остановилась как вкопанная. Она не могла поверить, что они были созданы человеком, а не камерой или компьютером. Не говоря ни слова, она подошла ближе, желая изучить детали, цвета и реальность изображенного.

Софи повернулась к Кристиану.

— Это твоя работа? — восторженно спросила она.

— Именно так, — ответила Тара.

— Они замечательные. — Софи рассматривала каждую, и только потом переходила к следующей.

— Спасибо, Соф.

Все картины имели атмосферу Старого Света, в основном это были пейзажи. Затем она увидела портрет Эви. Он был прекрасен. Каким-то образом ему удалось изобразить не только ее ранимость, но также и силу. Она смотрела прямо на нее.

— Это любимая картина моего мужа, — вставила Тара. — Похоже, он влюбился в Эвелин, а ведь они даже не знакомы! Ты знаешь, что она даже не позировала? — спросила она Софи. — Это образ из его головы.

Софи повернулась в сторону Кристиана и заметила, что он наблюдал за ее реакцией, прежде чем нервно отвел глаза. Она опустила взгляд, не желая признавать, что могла ошибаться насчет него. Она вновь переключила внимание на портрет и поразилась, насколько живым он выглядел. Софи немного увлекалась скетчами, пока изучала искусство в колледже, но никогда не была близка к такой достоверности, тем более без модели или фотографии.

Кристиан с Тарой обсуждали показ его работ, и Софи слышала напряжение в его голосе от мысли о столпотворении.

Ей наконец удалось оторваться от созерцания портрета Эви и перейти к другим рисункам. Ей дыхание сбилось, когда она дошла до последней картины. Она осторожно подвинулась, чтобы разглядеть получше.

Длинное золотое поле, блестящее бирюзовое небо, и амбар вдалеке. Все то же самое. В точности.

Слезы навернулись на глаза, и она не могла понять почему. Она вновь украдкой взглянула на Кристиана, надеясь, что это избавит ее от замешательства. Он по-прежнему был увлечен разговором с Тарой, но остановился, когда заметил ее странное выражение.

— Софи? Что такое? — нахмурившись, спросил он.

— Ничего! — Она мигом повернулась лицом к картине, пытаясь сморгнуть слезы. Она почувствовала, что Кристиан с Тарой уставились на нее.

— Мы еще не все обсудили, — продолжала Тара, явно озадаченная поведением Софи. — Я позвоню тебе, Кристиан. Было приятно познакомиться, Софи, — попрощалась она, махнув рукой, прежде чем вернуться обратно к своему столу.

— Спасибо. Мне тоже. — Софи была сфокусирована на рисунке.

— Софи, — позвал Кристиан за ее спиной. — Мы уже можем идти.

Она поднесла палец к глазу и потерла, притворяясь, будто в него что-то попало.

— С тобой все хорошо? — поинтересовался Кристиан, когда они уходили из галереи. — Минуту назад ты вела себя довольно странно.

— Нет. — Софи покачала головой. — В смысле, да! Я в полном

порядке. — Чувствуя себя глупо, она приложила руку ко лбу, пытаясь собраться с мыслями. — Так зачем ты просил меня прийти? — задала она вопрос, пытаясь остановить его.

— Пойдем к ресторанному дворику, там мы сможем поговорить. Я куплю тебе лимонад.

Софи стояла неподвижно, размышляя.

— Ну же.

Пока они шли рядом в неловком молчании, она не могла выкинуть из головы ту картину. Она была готова сорвать ее прямо со стены и забрать с собой. Ее связь с этим местом становилась не только все более интригующей, но ещё и тревожащей.

Позже, когда они наконец сели с напитками, Кристиан перешел прямо к делу.

— Нам нужно найти способ сосуществования ради Эви.

— Ладно, — согласилась она. — Но зачем понадобилось для этого вести меня в галерею?

Он откинулся на стуле.

— Брось, Софи. Ты знаешь ответ. Я хотел, чтобы ты поняла: между мной и Тарой ничего нет.

Софи сложила руки на груди и закинула ногу на ногу.

— Только ты это знаешь, я — нет. Кроме того, почему я должна была это увидеть, а не Эви?

— Эви верит мне на слово, потому что любит, и потому что это то, во что она хочет верить. Я хочу, чтобы она поверила, потому что это правда. Да и с другой стороны, мы оба знаем, что ты меня недолюбливаешь.

— Господи, Кристиан! — Она поставила свой лимонад на стол. — Я тебя не ненавижу. Почему я такой ужасный человек из-за того, что желаю сестре заботливого человека? — Она вздохнула, а затем мягко добавила: — Это все, чего я хочу. И да, я в курсе, это не мое дело.

— Ты права. Не твое. Но Эви вовсе не хочет, чтобы о ней все время заботились. А если ты так не думаешь, то, может быть, не знаешь ее так, как знаю я.

Софи не ответила и не взглянула на него, делая глоток и нервно качая ногой.

— Ты прав. — Она наклонила голову. — Ты прав. Я увлеклась, и у меня нет права говорить вам, ребята, как проживать свои жизни.

— Послушай, Софи. Я не идеален. Никто из нас не идеален. Не все всё делают так, как ты. Признаю, когда Эви становится плохо, я задыхаюсь. — Он скрестил руки. — Я не знаю, что делать, потому что все, о чем могу думать, потеряю ли я ее в конце концов? Ты не представляешь, каково это...

— Что, прости? — перебила она его и положила ладони на стол. — У нее была ремиссия, когда вы познакомились. Ты не знаешь, через что прошла моя семья, прежде чем они, наконец, выяснили, в чем проблема! — ее голос дрогнул. Ей никогда не забыть отца, беспомощно стоящего в дверях комнаты, когда Эви лежала на кровати, плача от боли, увядая. Софи с мамой держали ее, рыдая вместе с ней. Та агония в глазах ее отца навеки останется с ней.

Кристиан провел рукой по лицу.

— Прости. Ты все прекрасно понимаешь.

— Конечно, я понимаю! Почему ты думаешь, я так настырна, когда дело касается ее? Каждый раз... — Она так сильно сжимала кулаки, что ногти впились в ладони. — Она моя лучшая подруга.

— Она и моя лучшая подруга тоже, — произнес он, расправляя плечи. — Могла бы и попытаться вспомнить об этом.

Софи глубоко вздохнула, согласно кивая. Она посмотрела на вывеску «Молочной Королевы». Ей пришлось признать, что было довольно утомительно постоянно спорить с ним. Она была уверена, что многое было бы по-другому, если бы Эви была здорова. Но в этом все и дело — если.

— Твои картины... Они прекрасны, Кристиан.

Взгляд Кристиана просиял.

— Спасибо, Софи. Это много значит для меня.

— Я это от чистого сердца. А Эви видела эти рисунки?

— Видела.

Недалеко от того места, где они сидели, толкая пустую коляску,

шла молодая женщина, стараясь удержать свои пакеты и руку ее малыша. Видимо, тот не хотел оставаться в коляске или оставаться здесь в целом, потому что мальчик вырвался от матери и побежал в другом направлении. Пакеты выскользнули у нее из рук, а содержимое одного из них вывалилось, когда она помчалась за своим сыном. Различные косметические бутылочки и баночки покатались по полу, прямо к ногам Кристиана. Он взглянул на кавардак, затем на мать, пытающуюся поймать своего убежавшего ребенка, прежде чем изумленно посмотреть на Софи. Однако он не изъявил никакого желания подобрать вещи, валяющиеся у него под ногами.

Женщина возвращалась уставшая, таща за собой мальчика. Софи принялась собирать вещи и складывать их обратно в пакеты. Казалось, только потом до Кристиана дошло, что нужно сделать то же самое. Он наклонился, поднимая оставшуюся баночку крема для глаз, и передал ее Софи. словно на автомате, его движения казались почти механическими.

«Ну что за чудик», — подумала Софи.

— Мне так жаль! — воскликнула женщина, пытаясь усадить своего неуправляемого ребенка обратно в коляску.

— Ничего страшного, — Софи отдала женщине ее сумки. — Выглядело так, будто вы профессиональный бегун на короткие дистанции.

— К сожалению, да, — ответила она, забирая пакеты. — Огромное вам спасибо! И мне правда очень жаль за причиненные неудобства, — добавила она, посмотрев также на Кристиана из-за плеча Софи. Она быстро ушла — мальчик выл, словно банши.

Кристиан был какой-то загадкой. Когда они сели обратно, Софи удивилась тому, каким искусным обольстителем он казался в тот день, когда они с Эви увидели их с Тарой через окно, и в то же время он, казалось, понятия не имел, как общаться с людьми, что побудило ее спросить:

— Так ты согласишься выставить свои картины?

— Эм, я не знаю. — Он провел руками по штанам. — Тара уж очень крепко ухватилась за одну.

— Но ты этого не хочешь.

— Эх... нет, не хочу, — подтвердил он, почти с болью.

Софи стало интересно, бросает ли его в жар от одной только мысли об этом.

— Понимаю. Думаю, это одна из причин, почему я не пошла в искусство. Я никогда не была хороша в игре по правилам, понимаешь?

— Да, — он тяжело вздохнул. — Не могу поддерживать разговор о работе. Ощущение, будто мне нужно выдумывать, чтобы просто быть принятым.

— Понимаю, — поддержала его Софи. — У меня почти случился нервный срыв на критике в колледже. Она продолжалась два часа, потому что нам нужно было разобрать детали каждой работы. В один момент мне просто захотелось заорать: *«Это чертов цветок! Что тут можно обсуждать?»*.

Кристиан хмыкнул.

Софи отказалась от критики, чтобы сменить группу. Она вышла на улицу, шагая по вечернему воздуху, готовая рвать на себе волосы. Неспособная забыть разочарование, она решила пройтись вокруг здания. Софи вовсе не была одной из тех, кто использовал физическую активность для снятия стресса.

На следующий день она сменила специальность на педагога.

— Такое чувство, будто ничего нельзя принимать за чистую монету, — сказал Кристиан. — Во всем должен быть заложен какой-то грандиозный смысл. Иногда это так, но большую часть времени — нет. Что есть, то есть. — Он снял крышечку со стакана, чтобы погрызть лед. — Ненавижу это.

— Ага, но если хочешь, чтобы люди посмотрели на твою работу, придется подыграть.

Он застонал, положив руку на шею.

— Не знаю, смогу ли я.

— Ну, конечно же, сможешь.

Кристиан был ошеломлен.

— Твоя вера в меня... довольно необычна.

Софи одарила его дружелюбной улыбкой.

— Кристиан, почему ты не принимаешь лекарства?

Ее вопрос, очевидно, застал его врасплох, учитывая, как он дернулся на стуле.

— Тебе необязательно отвечать... Понимаю, это личное. — Ее руки были скрещены, она наклонилась к столу и бездумно провела пальцами по рукавам куртки.

Кристиан поджал губы.

— Эви говорит, тебе не нравится то, что ты чувствуешь из-за них... Они не делают тебя счастливее? — надавила Софи. — Потому что на самом деле ты выглядишь счастливее, принимая их, по крайней мере, для меня.

Его глаза остекленели, он сложил руки на груди и отвернулся.

— Я не знаю.

— Чего не знаешь?

— Не знаю, почему не принимаю их.

— Почему я тебе не верю?

— Без понятия, Софи! Почему же? — огрызнулся он.

Она выдержала его взгляд. Она так просто не отступит.

Было видно, как пульсирует жилка на его шее, и он накрыл горло рукой, как если бы его тело предало его. С напускной уверенностью он сдавлено ответил:

— Я не болен.

Софи сжала губы в тонкую линию, пытаясь придумать, что сказать. Теперь все стало ясно. Дело было не в действии некоторых таблеток, а в принятии слабости, по крайней мере, в его глазах. И не было ничего, что она могла бы сказать, чтобы изменить это.

— Ладно, — отступила она.

С тех пор, как у Кристиана пять лет назад начались проблемы, у Софи были сомнения насчет подлинности этой «депрессии», хотя она не смела озвучить свои предположения Эви. Но сейчас? Сейчас она впервые испытала приступ симпатии к нему, и ей это не понравилось. Просто легче было представлять его болваном, женившимся на ее сестре.

— Теперь у меня *к тебе* вопрос, — заговорил Кристиан. — Раз уж ты без проблем задаешь мне такие вопросы.

— Да? — Ей было интересно, к чему это он.

— Что это было в галерее? Твоя реакция на мой рисунок.

— А, пф! — ее голову покалывало. — Да глупость. Он почему-то напомнил мне один фильм, который я когда-то видела.

«*Это было слабо, боже!*».

— Что за фильм?

Она изобразила задумчивость, словно пыталась вспомнить.

— Я... Я не... не уверена. Наверное... это было что-то... с Киану Ривзом?

— А, ну да. — Он купился на ее ложь не больше, чем она на его. — Все нормально. Понимаю, это личное.

В ответ она прищурилась. Однако впервые за долгое время она почувствовала родство с ним.

— Считаешь себя самым умным, да?

Он просто пожал плечами.

— Ладно, раз уж я задала тебе такой личный вопрос, — начала она. — Я *расскажу* тебе кое-что личное. И это касается той картины.

— Ты расскажешь *мне* что-то личное. *Мне*, — повторил он.

— По сути дела, да, — ответила она, вскинув подбородок. — Кто знает? Может, это станет чем-то вроде терапевтического прорыва для нас.

В ее сарказме проскользнула улыбка.

— И это не просто личное, я никому об этом не рассказывала. Никогда.

— Теперь я действительно заинтригован, — произнес Кристиан.

— То изображение, с травяным полем. Я видела его в моей голове. Оно просто появляется там, и это случалось не единожды. Твоя картина идеально его отражает. *Идеально*.

— Серьезно? — Он наклонился вперед, придвигая стул ближе. — Это довольно странно. Но почему это тебя расстроило?

Она медленно помотала головой, пытаясь найти объяснение.

— Я не расстроилась. Она просто вызвала странную эмоциональную реакцию. Мне кажется, она должна что-то значить, но не знаю что. И это раздражает. Что вдохновило тебя нарисовать ее?

— Вообще-то, песня.

— О, — ее голос дрогнул. Она почти ожидала, что он скажет, будто у него было то же видение, что она вовсе не странная. Хотя, это вовсе не было бы свидетельством нормальности, скажи подобное Кристиан.

— Знаешь песню «Золотые поля»? Она довольно-таки визуальная. Я всегда мог вообразить ее в своей голове и перенести на бумагу.

Софи опустила плечи.

— Что ж, похоже, я просто приняла это за огромное совпадение.

— Может, и нет. — Кристиан выгнул бровь и улыбнулся. — Может, тебе стоит перестать волноваться и просто жить с этим. Если это что-то важное, ты это выяснишь.

Она почувствовала какую-то легкость внутри, радуясь, что он пригласил ее сюда. Похоже, во Вселенной случился дисбаланс. Продолжение этого родства сомнительно, но сегодня, пусть и ненадолго, у нее был брат.

Глава 13

Было начало декабря, и Эви неоднократно жаловалась на то, что все еще не познакомилась с Сэмом, особенно учитывая то, что Софи больше всего говорила именно о нем. Это должно было измениться. Сэм пригласил их обеих на утреннее занятие в общественном центре, находящемся в нескольких милях от его дома.

— Он даже не намекнул тебе, какого рода занятие это будет? — спросила Эви, когда Софи везла их в центр.

— Нет, и я не знаю, почему он был таким скрытным. Знаю, это странное требование, но, в конце концов, ты все-таки встретишься с

ним. Остальные члены семьи познакомятся с ним на рождественском ужине.

— Тебе нужно углубиться в эти отношения, — призвала Эви. — Я не становлюсь моложе и все еще жду, когда ты подаришь мне племянника или племянницу.

— Притормози, малышка! — ответила Софи. — У нас даже не было секса.

— Бедный парень. И он все еще не сбежал? Возможно, это станет твоим рождественским подарком.

— Заткнись.

Софи припарковалась возле общественного центра. Была суббота, одиннадцать часов, и здесь было много разных людей — молодые и старые, входящие в здание и покидающие его. Когда они подошли к центру, Сэм ждал снаружи.

Софи представила мужчину своей сестре.

— Я ужасно много слышала о тебе. Приятно наконец познакомиться, — сказала Эвелин.

— Взаимно, — ответил он, пожимая ее руку. — Софи говорила, что ты очаровательна. Она была права.

— Спасибо. — Эвелин покраснела и повернулась к Софи. — Пожалуйста, скажи, что ты его оставляешь.

— Надеюсь на это. — Софи ласково посмотрела на него. — Так что это за занятие, о котором мы говорим?

Сэм придержал для них дверь.

— Веселая йога.

— Ты шутишь, — удивилась Софи. — Веселая йога? Никогда о такой не слышала.

— Ее преподает моя тетя Руби.

— Звучит интересно. — Эви поправила резинку на своем хвостике. — Учитывая твою любовь к комедиям, Софи, ты определенно должна быть обеими руками за.

Они остановились перед стойкой регистрации и Сэм заплатил

символическую плату за них троих.

— Ну конечно, кто не любит смеяться? Но для моего смеха должна быть причина. В смысле, мы просто сидим в круге и смеемся. Ни с чего? — Софи не поняла смысла.

— Увидите. — Ответил Сэм.

Они прошли по длинному коридору, ведущему к комнате, где было запланировано проведение занятия. Добравшиеся туда участники, большинство которых составляли пожилые женщины, выстроились в коридоре. Оглянувшись, Софи поняла, что они трое были самыми молодыми.

Женщина с короткими седыми волосами пробралась к ним.

— Ты сделал это! — Она обняла и поцеловала Сэма. Женщина была одета в спортивные штаны и розовую футболку с надписью, гласившей, что *смех — это язык души*.

— Тетя Руби, это Софи и ее сестра Эвелин.

— Добро пожаловать! — Руби обняла Эви прежде, чем передвинуться к Софи. — Так это ты Софи. — Сказала она, положив руки на плечи девушки.

Софи понравилось, что Сэм упоминал о ней.

— Она просто прелесть, Сэм. Обе девушки красавицы! Ладно, пойдемте, куколки. Нас переместили, так что нам нужно захватить несколько стульев из меньшей комнаты дальше по коридору и принести их сюда.

Ученики схватили черные складные стулья, принесли их в пустой зал и расставили по кругу. Вначале комната выглядела большой, но по мере заполнения учениками начало казаться, что всем не хватит пространства.

Наконец настало время начинать. Кроме Сэма здесь было еще двое мужчин, и оба были старше него. В другой стороне зала сидела женщина примерно сорока лет с тремя подростками — двумя девочками и мальчиком.

— У нас сегодня такой большой класс. Потрясающе! — начала Руби. — Итак, есть множество поводов для смеха.

Она наклонилась вперед на своем стуле, глаза были широко

распахнуты от энтузиазма. Было в ней что-то, напомнившее Софи Бэтти Уайт, хотя внешнего сходства не было.

— Смех уменьшает выработку гормона стресса, — продолжала Руби. — Может помочь уменьшить боль и повышает наш иммунитет.

Софи наострила уши, когда услышала этот кусочек информации. Она будет возить сюда Эви постоянно, если это поможет ее иммунной системе.

— И... — Руби подняла вверх указательный палец, чтобы привлечь внимание к следующим словам, — самая потрясающая то, что для наших тел нет разницы между настоящим смехом и принудительным.

Софи начала представлять, как это работало. Ожидалось ли, что каждый из них будет выходить в центр круга и смешить остальных?

— Смысл в том, чтобы отпустить себя и немного повеселиться, — наставляла Руби. — И последнее: на протяжении всего занятия мы будем повторять небольшую мантру. Мы поднимаем наши пальцы вверх и говорим: «Очень хорошо! Очень хорошо!», затем поднимаем наши руки вверх и кричим «Йе-е-е-ей!». — Она замахала руками.

Серьезно? Софи повернулась к Эви в ужасе и одними губами сказала: «Прости». Эви поджала губы. Софи повернулась в другую сторону, где сидел Сэм, и наклонилась к нему.

— Я уже стараюсь не засмеяться, — пробормотала она.

Он ухмыльнулся, глядя прямо перед собой.

— В этом и суть.

Занятие началось, и они выполняли небольшие упражнения. Одно из них состояло в том, чтобы посмотреть, как долго они могли смеяться принудительно. Софи пришлось признать, что смех был заразителен, особенно если слушать тетю Руби. У нее был настолько заразительный хохот, что Софи рассмеялась раньше, чем сама поняла это. Она осматривала лица людей, сидящих по кругу, и остановила свое внимание на пожилом мужчине, которому определено было сложно, что само по себе было смешно. Его вынужденный смех был практически гримасой, возможно, даже мышечным спазмом.

Затем тетя Руби подняла руку и расставила пальцы. Это должно было быть упражнением, задачей которого было заставить учеников

почувствовать, будто они на американских горках. Указательный палец другой руки был тележкой, которая поднимается и опускается по «холмам» между пальцами. Когда «тележка» поднималась на холм, они должны были выдохнуть «А-а-ах», изображая предвкушение. А когда «тележка» падала с вершины, они должны были кричать «Уииии!», как будто несутся вниз по колее.

Руки Софи были наготове, когда она снова повернулась к Сэму.

— Мы же не собираемся на самом деле это делать?

— Давай. Ты утверждаешь, что любишь американские горки.

Она продолжала играть, радуясь, что никто из ее учеников не может видеть ее. Затем отметила, что трое подростков, находящихся в комнате, наслаждаются этим. К слову, она бы скорее предположила, что дети этого возраста считают себя слишком крутыми, чтобы участвовать в такой глупости.

Снова и снова они играли, словно дети. Во время следующего упражнения они изображали, будто разговаривают по телефону и с того конца провода слышат что-то уморительное. Они ходили по комнате, держа воображаемые телефоны возле уха друг друга, будто делаясь шуткой, смеясь над историями. Софи уловила, что Эвелин была в паре с мужчиной с мышечным спазмом и смеялась так сильно, что на ее глазах выступили слезы — над тем, чего она не знала. Мужчина все ещё не выглядел так, будто хорошо проводит время.

В другой части зала изящная пожилая испанка держала свой невидимый телефон у уха Сэма. Телефон, должно быть, был микроскопическим, потому что держала она его двумя пальчиками, а не целой ладонью. Сэм взял телефон так же двумя пальцами, поднёс его к уху и сказал:

— ¿Que pasa?

Сэма разрывало от смеха, как будто только что ему рассказали самую похабную шутку, которую он когда-либо слышал.

Софи развернулась, когда мальчик-подросток приложил телефон к ее уху.

— Чувиха! Ты должна это услышать!

Он держался за грудь, делая вид, что пытается отдышаться. Она прислонила ухо к его ладони, когда снова послышался громогласный

рёв Сэма.

Это было оно. Она больше не могла поддерживать своё самообладание и начала неудержимо гоготать над смехотворностью всей этой сцены. Эви с Сэмом стояли друг напротив друга, и Эви складывалась от смеха. Из двух сестёр именно она была сдержанной, но девушка действительно растворилась в процессе. Ее тушь размазалась и собралась в уголках глаз. Она нуждалась в этом сильнее, чем Софи могла себе представить.

Теперь зал легко можно было принять за тропический лес, таким он стал липким. Однако Софи не могла перестать смеяться в эпицентре душного хаоса. Она оттянула рубашку и махала ею в попытке уменьшить влажность. Вскоре у неё заболели от смеха мышцы живота, и она перегрелась, нуждаясь в холодном душе.

Сэм поймал ее взгляд через весь зал, и они смотрели на то, как Эви смеялась всем своим маленьким сердцем. Он подмигнул Софи. Она обняла себя руками прежде, чем поднести к своим губам руку в попытке подавить изумление, и молча поблагодарила его.

Этот день был приятным подарком. От него. Это заставило ее задуматься, как много дней, похожих на этот, она упустила в прошлом. С того момента, как он вошёл в ее жизнь, она приобрела новый взгляд на такие моменты, которые раньше не замечала, воспринимала как нечто само собой разумеющееся.

Толпа и шум вокруг исчезли. Наверное, это случилось; она могла наконец найти богатство. Что такого увидела она в его лице, что заставляло ее чувствовать, будто она единственная девушка на планете?

Выражение его лица смягчилось, когда он тепло улыбнулся ей. Она восхищалась этим искренним, задумчивым взглядом, выражающим любовь так неподдельно и бескорыстно, что она была исполнена благодарности, о существовании которой и не догадывалась. Ее сердце билось ровно, спокойно, размеренно, заблокировав все страхи, какие она когда-либо испытывала.

Глава 14

Утром после весёлой йоги Софи почувствовала себя более отдохнувшей, чем за все последнее время. Обычно она просыпалась

несколько раз за ночь. После прошлой ночи она не помнила ничего с того момента, как коснулась подушки. Если бы только она могла смеяться так каждый день — можно было только представить, как бы она тогда спала.

Когда она позвонила Сэму, чтобы договориться о месте для обеда, то услышала в его голосе подавленность, что-то, чего она не могла понять.

— Все в порядке?

— Нет. — Ответил он. — Нам придется отменить обед.

Эмоции в его голосе напугали Софи. Возможно, вернулась его мать.

— Что случилось, Сэм?

— Мне нужно отвезти Эбби в ветеринарную клинику. Время пришло.

— О, нет. Ты уверен?

— Она в плохом состоянии, Соф. Я не могу смотреть на нее такую.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Ты не должна этого делать. Все будет в порядке.

— Вообще-то, я хочу, — пробормотала она сквозь ком в горле.
— Я тоже хочу попрощаться.

— Ты уверена? — с сомнением спросил он. — Я не хочу, чтобы ты снова проходила через это.

— Я еду, чтобы забрать тебя.

Они ехали в тишине. Сэм сидел на пассажирском сидении, держа на руках собаку размером с гончую, и поглаживая ее шерсть. Софи задумалась, было ли Эбби больно; она не скулила и не выла, хотя животные редко это делали, когда были больны.

Глупые собаки! Почему бы им не идти к усыплению как положено?

— Ты же знаешь, это необязательно, — сказал Сэм. — Я знал о приближении этого времени. Не то чтобы это было сильным потрясением.

— Мне все равно. Ты не сделаешь это в одиночку.

Когда пришло время хоронить Хайди, Софи попросила свою маму пойти с ней.

Когда они вошли в ветеринарную клинику, там уже сидел крупный мужчина, одетый в бейсболку и кофту CUBS², ожидая своей очереди вместе с мальчиком. Мужчина держал поводок своей чихуахуа, которая начала дрожать, как только вошли Сэм и Софи. Всегда было забавно видеть крупного мужчину с собакой такой мелкой породы.

— Папа, что случилось с этой собакой? — любопытствовал мальчик, заметив Эбби.

Мужчина бросил на Сэма сочувственный взгляд.

— Вероятно, приятель, она нуждается в медицинской помощи.

— Могу я погладить ее?

— Нет, я думаю, тебе стоит оставить ее. Почему бы тебе не поддержать Рэмбо, пока мы ждём?

«Рэмбо. Какая подходящая кличка для трясущейся словно мексиканский прыгающий боб собаки», — подумала Софи.

Ассистент, одетая в халат с изображением Скуби Ду, вышла из-за стойки регистрации.

— Здравствуйте, мистер Коллинз, — поздоровалась женщина средних лет. Они уже ждали его. — Привет, Эбби, малышка. — Она погладила морду Эбби. — Ваша подруга тоже будет присутствовать? — уточнила она у Сэма.

— Не знаю. Зависит от неё.

Софи осенило, что, возможно, Сэм хотел сделать это в одиночку и не хотел ранить ее чувства, озвучивая это. Она предположила, что раз уж ей нужно было, чтобы кто-нибудь был с ней в такой момент, значит, нужно и ему.

— Я даже не спросила, хочешь ли ты, чтобы я пошла. Как пожелаешь.

— Софи, мне всяко удобно. Если бы я хотел остаться один, я бы сказал тебе. Правда.

— В таком случае я хочу пойти с тобой.

Ассистент проводила их в смотровой кабинет, где Сэм положил Эбби на стол, а Софи присела в уголке.

— Прямо сейчас я введу Эбби инъекцию, чтобы расслабить ее, и положу на спину. Мы введем ей катетер, который будем использовать для введения лекарства, — поясняла она. — Затем я снова поверну ее и дам вам время для прощания, после чего придет доктор и даст ей седативное, а в конце — раствор для эвтаназии.

— Понял. — Сэм потер край своего глаза.

Она положила руку ему на плечо.

— Это спокойно и безболезненно. Она ничего не почувствует.

Он кивнул, когда она мягко подняла Эбби со стола. Он открыл дверь, ведущую в заднюю комнату, а затем закрыл ее за ней.

Софи не была уверена в том, что ей делать. Она хотела успокоить его, но боялась ухудшить ситуацию. Он задержался у двери, опустив голову. Свои сжатые в кулаки руки он ненадолго прислонил ко лбу прежде, чем повернуться к ней. С вымученной улыбкой он засунул руки в карманы. Она не собиралась спрашивать его о самочувствии, и был ли он в порядке. Это было бы глупо. Конечно, он не был в порядке. Когда он присел возле нее, она просто взяла его за руку.

Некоторое время они сидели тихо, затем Сэм поцеловал тыльную сторону ее ладони, и крепко сжал ее руку своими.

— Все хорошо, — наконец выдавил он. — Она была отличным другом.

Сопровождая ассистента, вошел другой сотрудник и без единого слова положил на пол пушистое одеяло. На одеяле лежала Эбби.

— Что ж, мы дадим вам несколько минут.

Сэм и Софи присели на полу возле лежащей на боку собаки. Теперь она выглядела более сонной, хотя глаза все еще оставались открытыми. Пальцами Эбби чувствовала жесткий мех и выступающие ребра. Она не ела достаточно и потеряла вес.

Софи думала о том, что было в мыслях у Сэма, когда он смотрел на Эбби, держа руку на ее морде. Софи склонила голову, незаметно

глядя на него. Это было не столько попыткой подглядывать за ним, сколько старанием не разрыдаться. Она была не в силах не сводить глаз с на Эбби. Сэм мечтательно улыбнулся, казалось бы, не подозревая, что Софи все еще была в комнате.

— Все хорошо, девочка. Я не забуду тебя.

Когда Софи смотрела на него, в голове мелькали мысленные образы мужчины, играющего с собакой на траве, которая была с ней в сарае. Австралийская овчарка бегала вокруг него, а мужчина держал руки вытянутыми, будто собирался бороться с ней. Софи не могла рассмотреть его черты, но знала, что это тот же человек, что работал на тракторе. Он повернулся.

Это был Сэм. У него было другое лицо, но это был Сэм.

Она судорожно вдохнула. Сэм поднял взгляд, намереваясь спросить, что было не так, но в этот момент вошел ветеринар со шприцем.

— Здравствуйте, мистер Коллинз, — мягко сказал он. — Мы готовы?

После мрачной поездки домой Софи последовала за Сэмом к его парадной двери. Она решила рассказать ему о своем странном дневном видении, но это могло подождать до следующего раза.

— Ты хочешь попрощаться на сегодня? Вероятно, ты не в настроении для компании.

Он отпер дверь прежде, чем повернуться и подарить ей короткий поцелуй.

— Я в порядке. И хочу, чтобы ты осталась.

Заведя ее внутрь, он плюхнулся на диван и игривым жестом пригласил ее присоединиться. Он на самом деле выглядел нормально, но уверенности в том, что Сэм не храбрится, у нее не было.

На мгновение его взгляд задержался на кровати Эбби, стоящей в углу комнаты. Он прочистил горло.

— Ты, вероятно, думаешь, что я слишком много избегаю, — произнес он. — Откровенно говоря, я испытываю облегчение. Каждый день я питался надеждой, что она станет самой собой. Больше она не испытывает боли, и мне более чем хорошо от этого.

«С радостью принимать страдания мира». Он действительно был способен следовать своим поучениям, по крайней мере, в данном случае. В мире происходили события гораздо страшнее потери щенка, но, когда собака была с тобой так долго, это все-таки тяжело. Когда Софи была вынуждена отпустить Хайди, она горевала неделю.

— Спасибо, что пошла со мной, — заговорил он.

— А я снова благодарю тебя за то, что ты привел нас с Эви на то занятие. Это было удивительно полезно. Именно то, в чем она нуждалась.

— Не знаю. В последнее время ты сама выглядишь немного напряженной. Я подумал, возможно, тебе это тоже будет полезно.

— Я была слишком увлечена детьми, не находишь? — спросила она. — Прости.

— Прекрати извиняться, ладно?

О, ему пришлось посмотреть на неё особым приятным и искренним взглядом, который растворял ее органы.

— Знаешь, я в самом деле готова найти в тебе что-то неправильное. Мне не по себе, вдруг я узнаю, что у тебя пять жён или ты серийный убийца, ну или еще чего похуже.

— Раз уж ты завела об этом речь... — Его пародия на Энтони Хопкинса была не слишком хороша. — Я питаю страсть к твоей печени с гарниром из бобов и хорошим кьянти.

Она почесала лицо и рассмеялась.

— Ладно, это было прямо-таки жутко.

— О боже, — произнес он с опаской, — скажи, что ты видела "Молчание ягнят".

— Ох, да. Если бы не видела, то уже рванула бы через эту дверь, — ответила она. — И я действительно верю в то, что мой Йода был лучше твоего Хопкинса.

— О-о-о-ох, — усмехнулся он. — Я позволю себе не согласиться с тобой, красавица.

Софи наклонилась и прикоснулась к его лицу, молча выражая свое сожаление по поводу Эбби. В таком положении они оставались несколько секунд, прежде чем он притянул ее в свои объятия. Они

достаточно долго держались друг за друга, его объятия были крепки. Его тело сковало напряжение, и она подумала, что, в конце концов, он сдерживал свое горе. Она надеялась, что Сэм не плачет. Если же плачет, то она к нему присоединится, потому что она — самая сочувствующая плакса в мире.

Он выпустил ее из объятий и взял за руки.

— Тебе холодно? Ты холодная словно лед.

— Может, самую малость.

Сэм перепрыгнул через спинку дивана. Он был задумчив и молчалив, набрасывая одеяло ей на плечи. Она медленно придвинулась ближе, настолько близко к нему, насколько могла, прежде чем попытаться поцелуями исправить несчастливый день. Его однодневная щетина покалывала щеку Софи. Запах его кожи возрождал к жизни, она похоронила бы себя внутри его сердца, если бы могла. Приветствуя ее инициативу, он лег спиной на диван, мягко потянув ее за собой. Желая выдержать взгляд этих карих глаз, она прильнула к его губам, и их дыхание смешалось.

Она устала заставлять себя ждать. Время пришло. Раз уж все рассыпается в прах, то так тому и быть.

Черт. Все могло быть идеально, если бы только не умерла его собака.

— Сэм, я знаю, что сейчас неподходящее время, но не является ли непочтительным с моей стороны желание соблазнить тебя?

Он по-мальчишески ухмыльнулся.

— Ты шутишь?

— Значит, ты говоришь, что это странно.

— Ну, да. Это странно, — поддразнил он. — Но я имел в виду, что ты наверняка издеваешься, раз думаешь, что я могу не хотеть тебя. Я хочу тебя... всегда.

То самое осязаемое чувство узнавания пронзило ее, но в этот раз это произошло слишком быстро, слишком мимолетно, чтобы картинка закрепилась в памяти.

— Это был хороший ответ.

Сэм подхватил ее и унес в спальню. Когда они вошли в комнату,

и он положил ее на кровать, Сэм добавил:

— Я уверен, Эбби одобрила бы.

— Мне нравится, что ты такой дурашливый.

— И я... — Он сделал паузу, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. — Ах, к черту это. Я собираюсь просто открыться. — Он прижал свои губы к ее. — Я люблю тебя.

Она могла бы запищать как школьница, но все, что она смогла из себя выдать:

— Правда?

«Серьезно? Это все, что ты ему ответишь, тупица?».

Он решительно кивнул.

— Правда.

Он потянулся, чтобы включить радио, затем поиграл своими бровями с озорным огоньком в глазах.

«Господи, может ли он быть еще более восхитительным?».

— Ну, это делает меня очень счастливой. Потому что я тоже люблю тебя. Но совсем немного, — добавила она, показывая на маленькое пространство между большим и указательным пальцем.

Он медленно расстегнул пуговицы ее блузки, пока в радио шумел старый таймер.

— Тогда мне придется исправить это. Это несправедливо, что у меня в руках только половина твоего сердца в то время, когда ты владеешь моим целиком.

Его ладонь покоилась на груди Софи, пока он нежно целовал ее. Ее сердце бешено стучало под его пальцами. Но она знала по опыту, что в начале так было всегда. Гонка, волнение, но она не была и близка к тому, чтобы позволить своим словам вырваться, выпаливая все, что она чувствовала. Даже если он заслуживает обожания.

Она лежала на теплой траве, и он был с ней. Они были молоды, в возрасте примерно двадцати лет. Под ней лежало что-то мягкое — одеяло. Шел дождь, и оба они были обнажены до пояса. На его губах был след ее красной помады, когда его лицо нависало над ней. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и холодный армейский жетон,

висящий на его шее, коснулся ее кожи. Она дрожала. Она не была уверена, был ли причиной холодный металл на ее коже, летний дождь или его прикосновение. Они были женаты? Или просто любовники?

— Сэм!

— Что? — испуганно спросил он.

Она села на кровати.

— Мне нужно сказать тебе кое-что. Или спросить кое о чем.

Он облокотился на одну руку, на лице застыла заинтересованность.

— Валяй.

Вот и все. Она наконец собиралась поднять эту необычную тему и понять, возможно, он просто играл во время их первого поцелуя, когда она так странно отреагировала. Что, если на самом деле он ничего не видел, а просто выдумывал, чтобы она поверила в некую особенную связь между ними? Или вдруг она ему рассказала обо всех своих чувствах, а он подумал, что она чокнутая?

— В тот вечер, когда ты водил меня на ужин, — начала она, — тогда мы впервые поцеловались, и ты сказал, что видел какое-то место, в котором не бывал прежде, но оно было знакомым.

— Да.

— Расскажи мне об этом.

— Прямо сейчас? — встревожился он слегка.

— Пожалуйста.

Он потер затылок.

— Можешь объяснить, почему это так важно для тебя?

— Обязательно расскажу сразу после тебя.

— Ла-а-адно, — протянул он.

— Мне кажется, Сэм, я никогда не видела, чтобы ты так себя вел. Очень нервозный. Почему?

— Не важно, — ответил он. — Это была ферма. — Он смотрел вверх, воспроизводя картинку. — Поле... поросшее пожелтевшей

травой. Я не видел тебя. — Он прервался, пока не встретился с ее взглядом. — Но ощущение было такое, словно ты там была.

Она позволила себе упасть спиной на кровать, и снова пришли необъяснимые слезы.

Сэм положил свою ладонь на ее обнаженный живот.

— Что? Расскажи мне, черт возьми. — Он покачал головой. — Я знал это. Это не было похоже ни на что... Я смотрел на тебя, Софи. Ты что-то скрывала. Ты придавала слишком большое значение моему ответу, а теперь думаешь, что я тебя разыгрывал.

Внезапно она начала смеяться. Он произнес это. Это было именно то, чего она так боялась, за исключением того, что его ответ спровоцировал реакцию, отличную от той, которую он увидел.

Она села и взяла его за руку.

— Нет, — мягко произнесла она. — Я хочу знать, как много раз ты видел то место?

Волна осознания скользнула по его лицу.

— Почему? Зачем ты хочешь это знать?

— Потому что я видела то же самое место. Несколько раз! — По непонятной для нее причине он нахмурился. Вероятно, он подумал, что она нелепа. — Послушай, Сэм, я никогда не была человеком, увлекающимся случайностями, или приверженцем веры в прошлые жизни. Но, черт возьми! Я видела тебя. И я не могу понять, почему ты, мистер Прогрессивный взгляд «мы-все-одно-целое», так встревожен?

— Я не встревожен. Мне нелегко говорить с тобой об этом.

Она действительно пребывала в замешательстве.

— Но почему?

Он зарыл свою руку в ее волосы и лег на кровать, глядя в потолок.

— Ты неправильно воспримешь это.

— Нет, это не так. Просто расскажи мне.

Он повернулся лицом к ней и выдохнул.

— Это потому что ты женщина.

— Что-о-о-о? — Она рассмеялась. — Что это значит?

— Это значит, что у меня нет проблем с принятием того, что мы могли быть знакомы в прошлом. Я не знаю, что между нами, без обид. Но по той причине, что ты женщина, и я прошу на это не обижаться, ты подумаешь, что нам суждено было быть вместе навсегда из-за того, что ты видела.

Сейчас она ощутила боль. Он говорил о том, что ему все равно, будут ли они вместе?

— Видишь? Ты уже обижаешься. — Он сел, положив свою руку ей на затылок, и притянул ее лицо ближе к своему. — Я пытаюсь сказать, и это у меня не очень хорошо выходит, что я бы хотел, чтобы ты думала, что мы должны быть вместе из-за твоих чувств ко мне. Не из-за фермы, которую мы оба видели во сне.

Они кивнула с легкой улыбкой.

— Хорошо. Мне кажется, я поняла. Только... Могу я задать тебе еще один вопрос?

Его пальцы ласкали ее шею.

— Раз уж ты сняла свою блузку, да, ты можешь задать мне еще один вопрос.

Подарив ему хмурый взгляд, она толкнула его на спину. Затем сама расположилась на его животе, опираясь на свои локти.

— То поле. Ты видел его больше одного раза?

— Нет. Но ты говорила, что ты видела его не раз?

Она описала все виденные ею сюжеты, включая тот под дождем.

— Стоит заметить, что этот мне нравится больше всего, — поделился он, услышав все детали.

— Этот был, несомненно, и моим фаворитом, — согласилась она. — Значит, у тебя это было только один раз? И все?

— Только однажды с видением.

Он повернулся на свою сторону, захваченный другими мыслями, слегка поглаживая кончиками пальцев ее спину.

— Это щекотно, — сказала она, содрогаясь.

Он бесконечно терпеливо относился ко всем ее вопросам,

особенно учитывая то, что беседа прервала такой интимный момент.

— Но, — продолжил он, — более того, у меня было ощущение, будто я уже знаю тебя. Ты, вероятно, не помнишь ту ночь в круглосуточном магазине. Наши руки соприкоснулись, когда я открыл для тебя холодильник. Тогда-то я это и почувствовал.

Она была молчалива с минуту.

— Не-черт-возьми-вероятно. Это как будто мы в кино или что-то типа того. Ты не чувствуешь себя, как в кино?

Он поднес руку к подбородку, навевая флер какой-то задумчивости.

— Я правда чувствую себя, как в кино. И почему-то думал, что это та часть, в которой мужчина и женщина совращают друг друга.

Губами он коснулся ее спины.

Она улыбнулась.

— Не волнуйся. Я еще задам тебе жару.

Она лежала щекой на прохладных простынях, наслаждаясь тем, как он поглощал ее.

— Ты бы удивилась, как легко распяляешь меня. — Его озорной тон послал мурашки по ее коже, когда он переместил ее волосы, чтобы поцеловать плечи и заднюю часть шеи. — Не думаю, что хочу тебя совратить. Возможно, смаковать — более подходящее слово.

Да, он был хорош в соблазнении.

— Я должна была пойти учиться на учителя английского, — простонала она. — Ты прекрасно управляешься со словами, Сэм, и твои действия что надо. — Она повернулась, чтобы видеть его. — Как компьютерный гик может соперничать?

Она была первой, кто признал, что была не очень хороша в самовыражении, даже невербальном. Боясь быть банальной или неискренней, когда дело касается сердечных вопросов, она предпочитала держать рот на замке.

— Не с чем соперничать, — ответил он. — Если бы у всех компьютерных гиков были такие глаза, я бы серьезно влип.

Он был очарован, словно впервые разглядел ее, и Софи не знала,

как вынести этот пристальный взгляд. Но ей это удалось. Она надеялась безмолвно выразить силу своей влюбленности в него. В конце концов, это было гораздо безопаснее и исключало риск прозвучать по-идиотски. Ей стоило оставить красноречие тому, кто справлялся с этим лучше и молиться, чтобы он не чувствовал себя в подвешенном состоянии.

Уголки его губ приподнялись, когда он уловил посыл.

Время и пространство испарились, когда она потерялась в этом мужчине. Ох, как же она скучала по нему. *Скучала?* Было ли это подходящим словом? Как ни странно, оно было первым, пришедшим на ум. Его сердце находилось в дюймах от ее, их пальцы сплелись, а губы встретились в легком поцелуе, глаза говорили то, чего не могли передать слова.

Он наполнил и захватил ее одним махом. Под его прикосновениями она принуждала себя не закричать. Ее грудь набухла от удовольствия, делая дыхание затрудненным, а восторженные слезы — готовыми сорваться из глаз. Как и когда она превратилась в это желеподобное существо? Так вот, как это было...

Сэм успокоился и закрыл глаза, коснувшись ее лба своим. «As Time Goes By» разливалась по комнате, пока своими пальцами он легко касался ее волос, и значительность момента была гораздо больше, чем она могла принять. Софи оказалась не готова к такому. Как она могла подготовиться к чему-то, чего никогда не знала? Не потеряй это, Софи. *«Необходимо сдерживать эмоции»*.

Сэм все еще оставался неподвижным, своим лицом он прижимался к ее.

— Софи, — прошептал он, — ты меня уничтожаешь.

Боль в его голосе пронзила ее до самой глубины, грохот в его груди вторил ее собственному. Она жаждала увидеть его глаза, но он держал их закрытыми. Сэм тяжело сглотнул, а затем заскользил кончиками пальцев по ее подбородку.

И именно тогда выступили слезы. Ей всегда казалось, что рыдать во время секса весьма комично, а сама плакала, готовая отдать ему все. Даже свои нелепые слезы. Если бы ее мать задала свой извечный вопрос: *«Если бы Сэм попросил тебя прыгнуть с моста, ты сделала бы это?»*, ее незамедлительным ответом было бы: *«Да, мама. Да, я бы сделала это»*.

Сэм большим пальцем погладил ее по щеке, рукой обхватил ее лицо и скользнул в девушку.

Это ни в коем случае не было игрой. Никто никогда не заставлял ее себя так чувствовать. Никто. Какой дурак бы поверил, что она была бы в порядке, развались все это.

Глава 15

Мать Софи устраивала один из своих сказочных рождественских ужинов. Была приглашена вся семья сестры Эбби, а также пара друзей. Ее тетя Дорис тоже присутствовала. В свои девяносто четыре года у нее оставалось целых два зуба. Как она собиралась есть праздничный ужин — одна из загадок жизни, но она точно была на это способна.

— Милая, не могла бы ты приглядеть за соусом? — спросила у Софи Эбби, доставая из духовки индейку.

— А я чем могу помочь? — поинтересовался Сэм.

— Ты не помогаешь. Ты же гость. — Она прищурилась, глядя на него. — Бери свою выпивку и приземляйся куда-нибудь.

Он проскользнул Софи за спину и обнял ее за талию.

— Я собираюсь посидеть с пивом. А ты будешь мешать соус.

— Заметано, чувак. Потом я заставлю тебя мыть посуду, — ответила она.

Эбби отвлеклась от индейки.

— Нет, не заставишь.

Сэм пожал плечами и ушел в гостиную.

Эбби сновала между кухней и гостиной, накрывая на стол, и между делом потягивала вино.

— Эви пьет? — тихо поинтересовалась у Эбби Софи. Она заметила явное напряжение между Эбби и Кристианом, хотя Эви и изображала напускной энтузиазм.

— Да. — Эбби искоса глянула на Эви. — Думаю, они с

Кристианом поругались. От вина ей легче не станет.

— О чем болтаем? — Эви подошла к ним со стаканом в руке. — И, Софи, не надо на меня так смотреть. Я *никогда* не пью, но сегодня праздник.

— Ладно. — Софи подняла руки, сдаваясь.

— Итак, — продолжила Эви. — Нам еще не выдавалось возможности поговорить с глазу на глаз, а я умираю от любопытства. Вы с Сэмом сделали это, ведь так?

Софи уронила ложку в соус.

Эбби придвинулась ближе и шепотом спросила:

— Правда?

Софи улыбнулась и с помощью вилки выловила ложку.

— Я знаю, мам, — ответила Эви. — Могу рассказать.

— Ох, прошу тебя! — Софи услышала, как повысился ее голос. — Откуда ты можешь знать?

Ответом был тихий понимающий смех Эви.

— О, это же очевидно.

— *Пф-ф!* Не преувеличивай.

— Ну так? — не унималась сестра. — Предполагаю, было круто?

Эбби снова наклонилась поближе, не желая пропустить ни единого слова из-за индейки.

— Пожалуйста, мы можем просто... — начала Софи. — Я *не собираюсь* сейчас об этом рассказывать.

В кухню влетел юный племянник Софи, Аарон, держа в руках маленькую черную коробочку.

— Тетя Эбби, посмотри на мою подушку-пердушку. — Он нажал кнопку на пульте управления, и игрушка стала издавать пукающие звуки.

— О, как мило, — безразлично произнесла Эбби. — И где ты ее взял?

— Санта положил в мой носок.

— Санта принес тебе подушку-пердушку... Прекрасно! А мама позволила принести ее на ужин. Еще лучше.

— Нет, — с ухмылкой возразил Аарон. — Она не знает, что я взял ее с собой. Ты должна помочь мне разыграть тетю Дорис. Где она будет сидеть?

— О нет, нет, нет, — слабо запротестовала Эбби. — Не думаю, что это хорошая идея.

— Да ладно, мам, — вступилась Эви. — Будет очень забавно. — Вино явно ударило ей в голову.

Софи кивнула в знак согласия.

— И вы туда же? — в шоке спросила Эбби. — Девочки, у меня здесь друзья. И, Софи, а как же Сэм? Он впервые встречается с твоей семьей. Не боишься, что он сочтет нас чокнутыми?

— Неа. У него извращенное чувство юмора.

Эбби задумалась, прижав руку к груди.

— Пожалуйста, тетя Эбби? — умолял Аарон.

Она махнула рукой, сдаваясь, и вернулась к готовке.

Позже вечером все расселись по своим местам в гостиной. Мать Софи учла все до мелочей — свечи, пуансеттии, хрустальные бокалы, элегантные карточки для рассадки. Как-никак, Эбби была дизайнером интерьеров.

— Ого, твоя мама умеет создать настроение. — Сэм уселся рядом с Софи, пока та с любопытством наблюдала за сидевшими напротив Эви и Кристианом. Она отметила, что при случайном прикосновении Кристиана к плечу или колену сестра неуютно ежилась. За весь вечер они едва перекинулись парой слов.

— Итак, Кристиан, — начала Эбби. — Извини, я не могла присутствовать на твоей выставке, но как все прошло?

Эви проглотила остаток вина и отправилась на кухню с пустым стаканом.

— Эм, хорошо. Я даже продал две...

Фррумммф! В разговор ворвался звук подушки-пердушки.

Кристиан запнулся на мгновение, а затем продолжил, словно

ничего не слышал:

— Эм, я продал две штуки.

Эдвард, друг Эбби, взглянул на Дорис и снова уставился в тарелку.

— Отличные новости, Кристиан. Эбби, ты не думала приобрести несколько его работ для своих проектов...

Пррррееееуу! На этот раз звук вышел негромким свистом.

Сэм поперхнулся и тихонько постучал себя кулаком по груди.

Эдвард сосредоточился на намазывании масла на булочку.

— Ты-не-думала-насчет-его-работ-для-проектов? — быстро выпалил он в попытке закончить свой вопрос.

Аарон хихикал, а его мать бросила на него сердитый взгляд.

— Я не думала об этом, — ответила Эбби.

Устройство было установлено под столом, прямо перед тетей Дорис, но никакая глупость не могла отвлечь ее от еды. Сэм повернулся к Софи, выглядя смущенным. Софи задалась вопросом, а слышала ли та вообще что-то, потому как не выказала ни единой реакции. В конце концов, она была глуховата.

Эбби продолжала:

— Кристиан, тебе было бы интересно...

Фффррррраааааф!

Вилка Дорис наконец остановилась на полпути ко рту.

— Кто, черт возьми, пердит?

Комната залилась хохотом, а Эбби встала, чтобы достать из-под стола подушку.

— Тетя Дорис, это всего лишь игрушка, видите?

— Ох! — закудаhtала она в ответ. Она была не из числа ханжей и всегда обладала приземленным чувством юмора. — Я думала, это Кристан.

Когда почти все гости разошлись, пришло время Софи отвезти тетю Дорис домой. Сэм открыл для нее пассажирскую дверь, а сам сел сзади.

Сначала разговор шел о том, какая вкусная была еда, какие блюда попробовать не успели, и как они сожалели об этом. А потом, ни с того ни с сего, Дорис спросила:

— Ну и когда у вас свадьба? — Дорис познакомилась с Сэмом всего несколько часов назад и уже интересовалась предстоящей свадьбе.

— Мы встречаемся всего пару месяцев, — ответила Софи.

— Знаешь, я была замужем пять раз.

Большое количество выпитого пива развязало тете Дорис язык. Она закатала рукава свитера, стряхивая кошачью шерсть.

— Хотя от первого мужа мне пришлось избавиться.

— Почему? — поинтересовался Сэм.

— Все, чего он хотел, это только есть ее.

Софи оглянулась на Сэма. Ни один из них понятия не имел, о чем она говорила.

— Есть ее? — спросила Софи. — Ты о чем?

— Ну о ней же! — повторила она, начиная раздражаться, что ее не понимают. — Он был тот еще лизун!

У Софи отвисла челюсть. Сэм фыркнул, давась от смеха на заднем сидении.

— Тетя Дорис! — в ужасе воскликнула Софи.

— А что, так и было. Едва ли он вообще хотел спать со мной. Кунилингус ему подавай.

— Не думаю, что это проблема, — пошутил Сэм.

— Сэм!

— Мне жутко не везло с мужчинами, — продолжала Дорис. — Помнишь своего дядю Рэкса? Уверена, ты слышала, что он знал, как загипнотизировать человека.

«О нет, нет, нет, — подумала Софи. — Куда она клонит?».

— На свидании он гипнозом подвел меня к низкому и грязному сексу. Я до сих пор не могу вспомнить деталей, но у него остались фотографии. Поэтому мне пришлось выйти за него замуж, только

чтобы заполучить эти чертовы фото.

Софи скривилась и почувствовала себя больной, представив их содержимое. Да, она осознавала, что в молодости Дорис была привлекательной девушкой, но женщина, сидевшая рядом, обладала жидкими белыми волосами, большим пузом и всего двумя зубами. Она попыталась придумать какую-нибудь тему, лишь бы сменить разговор, но на ум не приходило ни одного слова. А Сэм, кажется, думал, что интереснее он ничего не слышал и только поощрял ее, спросив про другого мужа.

— Как вы познакомились с вашим вторым мужем?

— О, мы встретились на танцах, — ответила Дорис. — Он тоже был хорошим танцором.

«Наконец-то другая тема», — подумала Софи.

— Но мы совсем немного танцевали, — продолжила Дорис. — Он был очень большой, ну, понимаешь, там, внизу, так что было больновато...

— Ладно! Мы на месте, — прервала ее Софи, когда они свернули на подъездную дорожку к дому Дорис.

Вдвоем проводив ее до двери через большой заброшенный двор, усеянный сорняками, Софи обняла ее.

— Счастливого Рождества, тетя Дорис.

— Счастливого Рождества, — пропела Дорис в ответ. Она повернулась к Сэму. — Хочу, чтобы и ты меня обнял, красавчик.

Он радостно повиновался.

— Счастливого Рождества, красотка.

— Ты это слышала? — спросила она Софи. — Он назвал меня красоткой.

Она захихикала и зашла в дом. Прежде чем дверь за ней закрылась, можно было увидеть завал из кучи картонных коробок. Сэм вскинул брови.

— Она жуткая барахольщица, — пояснила Софи.

— Похоже на полосу препятствий.

Она вздохнула, осознавая, насколько была напряжена, ожидая,

что еще выдаст тетя Дорис. Они с Сэмом остались на крыльце.

— Не знаю, что с ней сегодня. То есть она всегда говорила непристойности, но поверить не могу, что ей было так необходимо все это вываливать. Обычно она не настолько красноречива.

Сэм заботливо приподнял воротник ее пальто, укутывая от холода.

— У тебя классные родственники. Надеюсь, у моих детей семья тоже будет нормально воспринимать подушку-пердушку под столом на рождественском ужине. — Он коснулся ее лица и поцеловал.

— Правда?

— Правда, — мягко произнес он, практически касаясь ее губ. — Хотя, вероятно, я бы прикрыл их ушки, когда начнется обсуждение кунилингуса.

Софи хохотнула.

— О боже.

Улыбаясь, он спросил серьезным тоном:

— Тебя это пугает?

— Термин «лизун»? Честно говорят, немного.

— Плохая девочка, — усмехнулся он. — Ты знаешь, что я имел в виду. — Он провел ладонью по ее шее, пальцы были холодными от ночного воздуха. — Тебя беспокоит, что я думаю о нас с тобой... и детях?

— Нет, — невозмутимо ответила она. — Это меня совершенно не беспокоит.

Тетя Дорис рывком открыла входную дверь, испугав их обоих.

— Может, займете комнату?

Глава 16

Когда Софи, свернувшись, рождественской ночью лежала в кровати, зазвонил телефон.

— Софи? — Это была Эви. — Можешь приехать? — спросила

она дрожащим голосом, шмыгая. Похоже, произошла чудовищная ссора.

— Скоро буду.

Эви открыла дверь в халате, ее лицо покраснело и покрылось пятнами, а глаза опухли.

— Его здесь нет. — Она прижала руку к горлу. — Он уехал в отель.

— Что случилось?

Софи проследовала за сестрой в спальню. Эви плюхнулась на разобранную кровать и с прикроватного столика схватила наполовину пустой бокал вина. Софи выхватила бокал из руки Эви и направилась в ванную, чтобы вылить напиток в раковину.

— Ты серьезно? Завтра ты будешь чувствовать себя дерьмово!

— Плевать. — Ее руки безжизненно покоились у нее на коленях.
— Мне уже дерьмово.

— Да скажи уже, что случилось.

Эви подняла взгляд, и выражение страдания на лице сестры поразило Софи, как если бы ей в грудь зарядили кувалдой.

— Он переспал с другой.

— Что? Ты уверена?

Эви кивнула и рукой вытерла нос.

— Он сам признался.

— Нет, он не мог! — *Лжец! Я почти поверила ему!* — С кем? С Тарой?

Она покачала головой.

— И я так подумала, но он встретил кого-то на своей выставке.

— Я думала, ты пошла с ним.

— Пошла. Но не осталась. Ты же знаешь, какими продолжительными могут быть выставки, а я так вымоталась.

От вида Эви в подобном состоянии у Софи просыпалась такая ненависть к Кристиану, о которой она и не подозревала. В мыслях всплыла реплика из фильма Мэдлин Кан, та, над которой Софи в

прошлом смеялась. *«Языки пламени... на моем лице... обжигающие... разгорающиеся...»*³. Она часто вспоминала ее, когда ученики доводили или когда ей было грустно — эта реплика вызывала у нее улыбку. Сейчас Софи было не до смеха. Слова Кристиана о чувствах к Эви оказались грязной ложью.

Софи поднялась с края кровати, обошла ее, чтобы лечь рядом с Эви, на месте Кристиана, и взяла сестру за руку.

— Что будешь делать?

— Не знаю, — прошептала Эви.

«Не знаешь?! — завопила Софи про себя. — Выход очевиден! Это должно быть последней каплей!».

— Софи, спасибо, что спросила, что я буду делать, а не настаиваешь, чтобы я бросила его.

Эви прочитала ее мысли?

— Милая, у меня нет слов. Когда он признался? Сегодня вечером?

Эви потянулась за бокалом вина и на мгновение застыла, когда поняла, что того больше нет на месте.

— Нет. Он сказал мне тогда же, когда это случилось.

— Почему ты не рассказала мне?

— Не хотела, чтобы ты знала во время рождественского ужина. Кристиан не хотел приходить, а я не хотела весь вечер выслушивать вопросы о том, почему он не явился. Так было проще.

— Что он сказал?

Эви снова поморщилась, и фонтан слез возобновился. Она со стола схватила коробку с бумажными платками, но та уже была пуста. Софи достала другую из-под раковины в ванной и передала сестре.

— Сказал, что совершил огромную ошибку. Что сильно напился.

Софи изо всех сил старалась не закатить глаза и вместо этого закрыла их на несколько секунд. Удовлетворенная способностью держать свои эмоции при себе, она молчала, когда Эви продолжила.

— Он набрался еще до того, как я ушла, жутко вымотался на

выставке, а ты знаешь, что он не пьет. В общем, он признался, что там была девица лет двадцати, и она без конца восторгалась его работами.

Языки пламени теперь лизали щеки Софи. Да сколько Кристиану лет? Ему еще рано испытывать всем известный кризис среднего возраста, а даже если бы и не было рано, это не оправдание. Ему всего тридцать пять, а вся эта история — сплошное клише.

— Я же восторгаюсь его работами, разве нет? — спросила Эви.

— Это не имеет никакого значения! Не смей винить себя. Он взрослый мужчина!

— Я знаю, знаю. — Эви улеглась на спину. — Просто... Он пытался убедить меня уйти, потому что считал, что делает меня несчастной. Софи, не думаю, что он знает, насколько сильно я его люблю. Даже сейчас, после всего, что он сделал, мне тошно от мысли о жизни без него.

— Еще бы. Ты же с ним со старшей школы.

— Не из-за этого! Не только поэтому. — Мнение сестры разозлило Эви. — Я не такая, как ты, Софи. Я не практичная. Глубоко внутри я безнадежный романтик, и, хоть у нас и сложные отношения, у меня ощущение, будто мы созданы друг для друга.

— Ладно, я просто хочу, чтобы ты обдумала кое-что, и тогда я не заикнусь на эту тему. — Она нежно сжала ногу Эви. — Если он подстрекал тебя уйти от него, и я понимаю, как это больно, милая, но... Может, он пытался вынудить тебя сделать то, чего сам хочет, но на что у него не хватает смелости?

— Конечно, я думала об этом. Само собой. Вот только он думал, что это конец. Что его поступок означает разрыв. Он не может забрать свои слова обратно, уже слишком поздно, но он понял, что не хочет, чтобы я ставила точку.

Что, если он проверяет, сколько ты можешь вынести?

— Я не знаю, что делать. — Эви в агонии прижала предплечье к глазам.

Маленькая фотография, лежавшая на столике со стороны Кристиана, привлекла внимание Софи, и девушка взяла ее.

— Что это? — На самом деле она знала, что это. Фото Эви,

сделанное в старших классах. Ей было интересно, откуда оно здесь.

Эви избегала смотреть на сестру и вздохнула.

— Ничего. Ты подумаешь, что это глупо.

С фотографии на нее смотрело ясное юное лицо Эви, украшенное широченной искренней улыбкой. Софи перевернула снимок. *«Следующему Микеланджело, ты возьмешь этот мир штурмом. Твой друг, Эвелин.»*

Прочитав пожелание, Софи ощутила мучительную печаль.

— Кристиан сказал, что хранил его в кошельке все эти годы. Как напоминание о моей вере в него.

Перед глазами Софи возник портрет Эвелин, нарисованный Кристианом, потрясающее произведение искусства, созданное им по памяти. Он должен любить ее. *Должен*. Но, господь всемогущий. Он был таким кретином!

— Мне жаль... — произнесла Софи. — Прости, что не могу просто выслушать, не раздавая указаний. Я пытаюсь.

— Все нормально, — заговорила в нос Эви. — Я понимаю. Если бы я была на твоём месте, то, уверена, поступала бы так же.

Она кончиками пальцев надела на веки, после чего ладонями провела по лицу. Её лицо было похоже на яблоко сорта «Гала»: с красными полосками поверх золотистой кожи, искажающими её обычно наполненные жизнью черты.

— Ты останешься на ночь?

— Конечно, останусь. Я даже приехала в пижаме. Тебе принести чего-нибудь? — Софи расправила красно-белый клетчатый плед и накрыла им Эви, после чего села рядом, скрестив ноги.

— Не нужно, — ответила Эви вяло. Замолчала, на мгновение призадумавшись. — Хотя... Как думаешь, сможешь вернуть отца? Я так по нему скучаю...

— Я тоже. — Софи рукой провела по пледу. — Кристиану реально повезло, что здесь не было папы.

Эви широко распахивает глаза.

— Софи, пожалуйста, не говори ничего маме. Если мы с

Кристианом решим наладить отношения, не хочу, чтобы она думала о нем хуже.

— Я ничего не расскажу. Обещаю.

— Папа никогда не понимал Кристиана. — Эви закрыла глаза и потерла висок. — Как и ты. Но он всегда был добр к Кристиану. Давал ему почувствовать себя частью семьи.

— Папа ко всем был добр. Это и делало его папой.

— Софи, ведь мало каких браков не касается измена? — Она бросает короткий взгляд на свадебное фото, мостившееся на комод.

— Не знаю. Наверное. Слушай, мы будем обсуждать все это, пока ты не поймешь, что для тебя правильно. Может, тебе следует составить список за и против?

Эви застонала.

— Я ни о чем другом не думаю вот уже три дня, больше не могу. По крайней мере, сейчас. Мне просто нужно было выговориться.

— Ладно. Хочешь посмотреть фильм? Что-нибудь веселое?

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне о тебе и Сэме.

Они обе легли на бока, лицом друг к другу, как делали в детстве, когда не могли уснуть.

— Что ты хочешь знать?

— Ты любишь его?

— Да, — ответила Софи с едва заметной улыбкой.

— А он любит тебя?

— Сказал, что любит.

Эви вздохнула.

— Это замечательно, Софи.

— Еще он любит нашу чудачковатую семью. Ты не поверишь, что тетя Дорис сказала, когда он вез ее домой.

Софи дословно пересказала всю историю, вызывая у Эви произвольный хохот. Она и не слышала, чтобы Эви так смеялась, разве что на веселой йоге.

— Она *так* сказала? — переспросила изумленная Эви. — Это бесценно! Что сделал Сэм?

— Ох, он подумал, что это фантастика.

Эви, не в силах сдержаться, продолжила хихикать, держась за живот.

— Могу представить выражение твоего лица!

— Ага, было что-то вроде этого. — Софи изобразила самое настоящее страдание, плотно сомкнув губы и прищулив глаза. У нее было такое же лицо, когда она смотрела некоторые тревожащие сцены сериала «*Секретные материалы*», но все равно не отворачивалась.

— А-а-а-ах! — наконец выдохнула Эви, утомившись. — Мне это было нужно.

На несколько минут между ними повисла тишина.

— Ты когда-нибудь интересовалась прошлыми жизнями? — вдруг выпалила Софи. Она не собиралась поднимать эту тему, но слова вылетели сами собой.

Эви приподнялась на локте.

— Прошлыми жизнями? Ты имеешь в виду людей, которые считают, что были Клеопатрой или Наполеоном?

— Не совсем.

— Тогда, о чем ты?

— Ух... — Софи скорчила гримасу. — Ты подумаешь, что я перепила.

— Похоже, ты забываешь, что я тоже перебрала, и я тебя не понимаю, — ответила на это Эви, с сомнением качая головой.

— В общем, дело вот в чем. — Софи замолчала, чтобы подготовить себя к реакции Эви. — Я думаю, мы с Сэмом знали друг друга в другой жизни... в 1940-х.

Эми обескураженно посмотрела на сестру, переваривая ее слова, и, разомкнув губы, весело выпустила воздух.

— Как же я рада, что ты пришла! — выпалила она. — Ну и к чему ты клонишь?

Софи не присоединилась к ее радостному смеху, и до Эви дошло, что та не шутила. Она приложила руку ко лбу Софи, проверяя, нет ли у сестры жара.

Софи вскочила с постели.

— Вот! Так и знала, что ты подумаешь, будто я спятила!

— Ну, прости, дорогая, но, *естественно*, я думаю, что это безумие. Ты знала Сэма? В *сороковых годах*?

— Сама знаю! — Софи расхаживала туда-обратно. — Это... абсурдно!

Эви уселась на колени.

— Ладно, иди сюда. Для начала уточним один момент. Ты точно не издеваешься надо мной?

— Да нет же. — Софи скрестила руки на груди. — Не издеваюсь.

— Хорошо-о-о-о... Хорошо-о-о. — Эви многозначительно кивала, а из ее рта вылетало только это «хорошо-о-о».

— Иногда случаются вспышки, — начала пояснять Софи. — Они почти всегда одинаковые. И я вижу то же место, что однажды видел Сэм. И хочешь верь, хочешь нет, но Кристиан его нарисовал. Еще мне всегда было интересно, откуда у меня такая любовь к старомодному джазу. То есть тебе не кажется, что это немного странно? К тому же Сэм жутко мудрый, словно он знает и понимает многое из того, чего не знаю и не понимаю я, но не говорит мне!

Эви слушала, разинув рот, начиная беспокоиться о сестре. Софи прекратила тараторить.

— Я знаю, как это звучит. Правда.

Эви почесала нос и скривила губы.

— Точно?

Софи пожалела, что начала этот разговор. Именно поэтому она ничего не рассказывала Эви. Она понимала, как по-идиотски все звучит.

— Знаешь что? Просто забудь. Ты явно думаешь, что я все придумала. Ну или *замечталась*! — Она взобралась обратно на кровать и накрылась одеялом, прежде чем выключить свет.

— Да ладно тебе. Не будь такой. — Эви коснулась плеча сестры, как будто между ними случилась размолвка любовников.

— Нет! — огрызнулась Софи ворчливо. — Тебе самой нужно было поговорить с кем-то, чтобы тебя не осуждали, но, когда мне захотелось поделиться с тобой *важными*, хоть и сбивающими с толку событиями, происходящими в моей жизни, ты смеешься надо мной. Просто забудь. — Она отвернулась лицом к стене.

Эви тихонько села и уставилась на спину Софи.

— Ты права. Не очень-то я поддержала. Но, Софи, я на самом деле подумала, что ты разыгрываешь меня.

Софи некоторое время не отвечала, но в итоге повернулась к сестре лицом.

— Я тебя не разыгрываю.

— Расскажи мне все.

Софи колебалась. Она не торопилась делиться с Эви, ведь сложно было все объяснить. Как вы опишете то, чего никогда не испытывали и в чем ничего не понимаете?

— С первой встречи с Сэмом я чувствовала, что знала его, и думала, что такое случается с многими людьми. Но потом начались эти... видения, где мы с ним были в другом времени. Они возникали так быстро и мимолетно, что временами сложно было что-то вспомнить.

— И это были не сны?

— Нет. Когда это происходит, я не сплю. А одно из видений... — от воспоминаний ее лицо стало пунцовым, — было очень возбуждающим.

— Ты сказала, что Кристиан *нарисовал* то, что ты видела?

Софи кивнула, а потом поняла, что ей придется объяснять, при каких обстоятельствах она увидела картину. Хорошо это не закончится.

— А как?..

Ох, и зачем она упомянула эту треклятую картину? «*Думай перед тем, как открывать рот, Софи!*». Ей не выпутаться. Даже если бы она сменила тему, Эви так легко бы не сдалась. Софи,

испытывая неловкость, прорычала.

— Я встречалась с Кристианом в галерее.

Брови Эви сошлись на переносице.

— Он хотел пояснить, почему мы тогда видели его в галерее, и доказать, что между ним и Тарой ничего нет.

— Доказать тебе? И ты поверила ему? — На ее лице читалось ожидание.

Софи поразмышляла мгновение.

— Поверила. Правда поверила.

Она не могла решить, делиться ли чувствами, что охватили ее при виде портрета, ведь не знала, поможет эту информация или навредит.

— Твой портрет, Эви. Он ошеломляющий.

Эви рукой потерла в области сердца и отвернулась, ее лицо окаменело, словно маска манекена.

— Нет. Этот разговор должен быть о тебе. Не обо мне.

— Все нормально, — возразила Софи. — Твоя ситуация поважнее моей. Спрашивай меня о том дне что хочешь.

— Почему ты не рассказала?

Софи покачала головой, пытаясь найти причину.

— Не знаю. Не имею ни единого понятия.

Эмоции на лице Эви сменяли одна другую, пока она просчитывала, что делать с новой информацией и стоит ли развивать эту тему. Софи ждала и надеялась, что Эви не захочет говорить об этом. Иначе она только сильнее запутается.

— Что было на той картине? — спросила Эви. По всей видимости, она решила отложить главную тему на потом.

— Ты уверена?

— Что за картина?

Софи описала картину и пересказала объяснение Кристиана, почему он ее нарисовал.

Эви вздернула голову.

— Ты обсуждала ее с Кристианом?

— Я понимаю, — ответила Софи хрипло, осознавая, насколько это удивительно. — Мне в каком-то смысле пришлось. Я довольно странно на нее отреагировала. Я пыталась отшутиться, но с ним фокус не прошел.

По некой причине при этих словах в глазах Эви проскользнула веселость.

— Ты рассказала Сэму?

— Мы говорили о ней, но недолго. Самое странное, что он отнесся к тому, что я рассказывала, настолько спокойно, как будто это абсолютно нормально. Типа: *«А, да, мы знали друг друга в прошлой жизни, но какое значение это имеет сейчас?»*.

— Серьезно? Хм-м-м... Ты не думаешь, что он издевается?

Софи перекатилась на живот и кулаком подперла подбородок.

— Он описал место, что я видела, еще до моего рассказа. Может, — продолжила она, размышляя, — он загипнотизировал меня, чтобы я увидела все это, и вскоре мне придется выйти за него, лишь бы вернуть компрометирующие фото.

— Не знаю, что и сказать, Соф. Может, тебе стоит сходить к гипнотизеру, чтобы устроить сеанс путешествия в прошлое. — Эви засмеялась.

— Не собираюсь я этого делать! — Софи вздрогнула.

— Кто знает? — Эви пожимает плечами. — Может, окажется, что ты была Клеопатрой.

В три ночи Эви пялилась в потолок, она снова не могла заснуть. Софи бормотала во сне, так что Эви выскользнула из кровати и направилась в гостиную посмотреть телевизор. Вот бы она могла выключить свой мозг. Она ждала эмоционального истощения, чтобы наконец отдохнуть, но ничего не выходило.

По телевизору шел фильм *«Эта прекрасная жизнь»*, но Эви выкрутила звук на минимум и уставилась в экран, не обращая внимание на знакомую рождественскую классику. Что она

собиралась делать? Ей отчаянно хотелось, чтобы Кристиан был с ней, как прежде. Ей было интересно, что он делал, о чем думал. Мучило ли его чувство вины или он был с другой? Очередной юной обожательницей либо даже с той, с которой уже спал.

Эви не могла понять. Единственный человек на этом свете, завладевший ее сердцем, вместо того чтобы беречь его и лелеять, превратил в искромсанный и деформированный орган. Всего три дня назад ее мир был совсем иным. Он не был простым, о нет, но в том мире она могла доверять Кристиану, несмотря на сложности. Что же им осталось теперь? Она с одинаковой силой хотела простить его и начать все сначала и никогда его больше не видеть.

Эви закрыла глаза, представляя, как Кристиан касается другой женщины, как глядит на нее так же, как когда-то смотрел на Эвелин. Для нее это было слишком. Она молилась, чтобы у него была обыкновенная ночь пьяного оцепенения. Да, она все представляла себе так: на протяжении вечера он размышлял о влюбленности в молодую, красивую девушку и страдал, страшась неудачи. Эви даже захихикала.

Но, скорее всего, все было совсем иначе.

Она была уверена, что у девицы была большая грудь и изгибы, которыми не могла похвалиться Эви, а также экзотическая татуировка на пояснице или, может, на плече. Или и там, и там. Студентка-художница. Эви почти слышала обожание, которым девица, флиртуя, окутывала Кристиана. Как он может устоять при таком напоре? Когда дома его ждет серая, милая, плоскогрудая жена.

В одном Эви была уверена — он был не тем, кем она его считала. Кристиан всегда был тихим, замкнутым и неуверенным с незнакомцами. Когда им было по семнадцать, он в своей скромной манере поднял ее на руки и отнес к своей кровати, хотя инициатором была она. В сравнении с пристававшими к ней развязными придурками, так яростно ее лапавшими, сдержанный и относящийся к ней с уважением Кристиан казался неотразимым.

Эви не могла вообразить, чтобы он был льстивым, лишь бы заняться случайным сексом. Кристиан был привлекательным, но ему не доставало уверенности.

Эви верила, что Кристиан относился к ее преданности с трепетом. Может, тот человек давно исчез? Исчез еще тогда, когда

начались его эмоциональные проблемы.

Глава 17

Кристиан рухнул в гостиничное кресло, одиноко наблюдая за огнями ночного города. Ему нужно было напиться до беспамятства, но он не смог решиться на это. А что бы изменилось? Ничто не избавит от когтей раскаяния, впивавшихся в его грудь и сдавливавших, словно тиски. Он и не подозревал, что такая боль возможна. Если бы он мог кануть в лету, он бы с легкостью это сделал, означай это освобождение от чувства вины.

Эвелин сказала, что больше не знает его. Он сам себя не знал. Ведь с того самого момента, как положил на неё глаз, он боготворил землю, по которой она ходила, и никогда не переставал удивляться, как ему удалось заслужить ее любовь. Она могла выбрать кого угодно, *любого*, и всё же вышла замуж за него — абсолютно бесполезного мужчину, неспособного позаботиться о ней. Как этим отношениям удалось не закончиться ещё до их начала? Он всегда был уверен, что их дни сочтены; в конце концов, она осознает свою ошибку и уйдет. А пока он пытался ценить моменты, прожитые с ней.

Эви ускользала. А как она могла остаться, если он был не способен справиться с ее болезнью и прокормить семью, а ее сестра постоянно напоминала, что Эви вышла замуж за неудачника? Несмотря на его влечение к Эви, даже либидо взяло отпуск, тем самым сделав чувство вины острее.

Он был готов к злости, возможно, даже *облегчению* со стороны Эви, когда признавался в своем предательстве. Кристиан ни в коей мере не был готов к опустошению в ее глазах. Печали. Он не ожидал этого. А теперь это был образ, который он не мог стереть из памяти.

Он проигрывал в памяти последовательность событий, приведших к необратимой ошибке. Нельзя не признать, что он употребил гораздо больше алкоголя, чем обычно, но он не мог винить *опьянение* за свое поведение.

Она появилась из ниоткуда с бокалом шампанского в руке. Нешаблонно привлекательная, но при этом и близко не такая красивая, как Эвелин. У неё были коротко остриженные прямые

черные волосы, слегка грушевидная фигура. Она была в свитере, мини-юбке, колготках и сапогах.

— Знаю, я не первая, кто скажет тебе это, но твои работы — гениальны.

Она взглянула на одну из картин.

— Спасибо.

— То есть мне кажется, будто я могу шагнуть прямиком в неё.

Она обратила взор зеленых глаз на него.

— К слову, я — Бэт.

— Кристиан, — пьяно ухмыльнулся он.

— Знаю. Твоё имя указано на табличке у входной двери.

— Разумеется.

Жар прилил к его щекам.

— Бэт, ты уверена, что достаточно взрослая, чтобы пить?

Она прижала ладонь к груди так, как если бы была дамой бальзаковского возраста.

— Ты льстишь мне.

Проплыв мимо его произведения, её пальцы задержались на одной из витиеватых рам с портретом Эвелин.

— А это кто?

— Жена.

Бэт придвинулась к картине, чтобы внимательнее рассмотреть.

— Она великолепна, — многообещающе заявила Бэт, с ухмылкой озираясь на Кристиана.

Кристиан откашлялся.

— Согласен.

— Итак...

Она немного приблизилась, слегка касаясь пальцами воротника его рубашки.

— Здесь есть другие твои работы, в кладовке или еще где?

Она смотрела на парочку хихикающих девушек, наблюдавших за ними с другого конца зала.

Тотчас до него дошло, что происходило. Это была какая-то игра, в которой подруги бросили ей вызов соблазнить героя дня.

Хорошо. Он подыграет. Он *наслаждался* вниманием. Кто знал, выпадет ли ему еще когда-нибудь шанс вкусить восхищение молоденькой девушки? Его эго, то малое, что от него осталось, подтолкнуло на тернистую дорожку. Без намерения сделать что-либо аморальное, он отведет её в заднюю комнату, лишь бы она смогла сохранить лицо перед своими друзьями. И быстро охладит её пыл, как только они окажутся наедине.

— Разумеется. У меня есть парочка картин, которые я могу показать тебе.

«Что за грандиозный болван». Даже если бы это не зашло за рамки дозволенного, разве ему не приходило в голову, как плохо все выглядело бы, застукать их кто-нибудь?

Именно это и произошло. Тара стала свидетелем того, как они направлялись в заднюю часть галереи, и встретила взглядом с Кристианом. Она безмолвно задала вопрос, какого чёрта он делает, на что Кристиан пренебрежительно встряхнул головой, давая понять, что не о чем беспокоиться.

— Слушай, — начал Кристиан, как только они оказались в заваленной кладовке. — Я люблю свою жену.

— Конечно любишь.

Бэт наклонила голову, игриво надув губки.

— Это ясно любому, кто хоть раз взглянет на ее портрет в твоём исполнении. Я понимаю.

Она лениво подошла к нему, замешкалась на несколько секунд и прижалась губами к его шее.

Кристиан оттолкнул ее, неловко рассмеявшись.

— Нет, я думаю ты *не поняла*. Я знаю, что ты со своими подружками затеяла, но этого не произойдет. Поверь, я ценю твой комплимент.

Она вновь приблизилась к нему, прижавшись губами к уху.

— Все хорошо, — прошептала она. — Великолепная никогда не узнает.

Он почувствовал улыбку на её губах.

— Я буду знать.

Но его слова не остановили Бэт, и в мгновение ока её руки были там, где никогда не должны были быть. Несомненно, он попал в безвыходное положение, но его тело уже сделало выбор, который должен был принадлежать его разуму. Он был ошеломлен, что, вопреки отсутствию какого-либо влечения к этой незнакомке, его тело так неистово отреагировало.

Так или иначе, она понятия не имела о его многочисленных недостатках и слабостях. В этот момент он был совершенно другим человеком, потерянным в очаровании заманчивой мысли.

Ну вот и все. Где-то в закоулках его разума скрывался мотив совершения такой глупости, мотив, который он никогда не признает. Он отпустит Эви, тем самым дав ей то, чего она наверняка жаждала. Если она так и не смогла избавиться от унылого, апатичного существа, которым стал Кристиан, то он поможет ей в этом. Закончится ее постоянное подчинение его недостаткам, а ему больше не придется напряженно ожидать неизбежного, постоянно думая, когда это произойдет.

Он не мог отрицать, что его тело наслаждалось прикосновениями этой девушки, ее молодостью и пылкостью. Но этот выбор также означал принятие эгоистичного и трусливого пути и дороги назад уже не было.

Глава 18

Бирма, 1944

Был жаркий летний день, когда солдаты вышли на реку Иравади с досками, чтобы постирать одежду. Часть пошла купаться в реке, и это было сущим удовольствием по сравнению с душем из каски посреди джунглей.

Мэттью, мальчик из Канзаса, пошел в армию в девятнадцать лет, когда же оказался в Бирме, ему уже стукнуло двадцать. Он был членом 164-ой Сигнальной фото-фомпании в ранге боевого оператора. Ему необходимо было сообщать все новости, связанные с Китаем-Бирмой-Индией.

Мэттью привлекала красота бирманских храмов, большинство из которых были в руинах после военных действий, он фотографировал их с превеликим удовольствием. Во время его пребывания там он много времени проводил с китайскими солдатами, один из которых был буддистом. Он подружился с ним, и тот даже немного знал английский, но этого было достаточно для их бесед. Его звали Пинг, что означало *спокойствие*, он был старше Мэттью на два года. Любопытство у Мэттью зашкаливало, поэтому он часто спрашивал у Пинга о его вере, и Пинг с удовольствием отвечал на все его вопросы.

— Пинг, — начал Мэттью, снимая сапоги. — Как ты миришься со всей этой войной вокруг, когда ты буддист?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну как же, разве буддисты не против насилия?

— Конечно, — ответил Пинг. — А христиане разве за?

Мэттью рассмеялся.

— Ты прав, Пинг. — Он сел на землю, подобрал камешек и бросил его в воду. — Когда я был ребенком, я узнал об учениях Иисуса все: что нужно подставлять другую щеку, любить своего врага и прочее дерьмо. Признаюсь честно, сейчас мне чертовски тяжело любить японцев.

— Когда ты был ребенком, — повторил Пинг с усмешкой. — Ты и сейчас еще ребенок. И я тоже.

— Да? Но в то же время мы уже достаточно взрослые для того, чтобы сидеть здесь, пока японцы бомбят нас, а потом бегать и фотографировать последствия взрывов.

Пинг смотрел на детей из деревни, которые играли чуть ниже по реке:

— Война — часть этого мира. Иногда так складывается, что боев не избежать, возможно, они даже необходимы. — Он выжал рубашку и положил на доску. — Но не ненависть.

Мэттью понравился ответ Пинга. Он, конечно, никогда не скажет об этом вслух, но он был благодарен за этого маленького мудреца, появившегося в его жизни.

— Ладно, Пинг. У тебя хорошо получается. Теперь мне просто необходимо, чтобы ты помог мне смириться с тем, что моя Натали далеко. — Он вытащил из кармана потрепанную фотографию своей возлюбленной, которая ждала его дома, и протянул ее Пингу. — Помоги вызвать в памяти что-нибудь хорошее и теплое о японцах, потому что мне кажется, они мешают мне думать о ней.

Пинг улыбнулся.

— Она красивая. — Несколько секунд он размышлял, затем его лицо поменялось, потому что он уже знал, что скажет — Когда я был младше, я выучил один отрывок. — Он сел на доске рядом с Мэттью.

— Ну что же ты ждешь? — спросил Мэттью, не отрывая глаз от фото. — Порази меня.

Тот, кто настойчиво ступает по Пути

Видит не ошибки мира;

Если мы придираемся к другим

То сами тоже ошибаемся.

Когда ни ненависть, ни любовь не нарушают наш покой

Мы невозмутимо спим.

Глава 19

Софи с нетерпением ждала Сэма дома из двухдневной поездки на футбольный матч со старым другом. Едва открыв входную дверь, она бросилась к нему, обхватила ногами его бедра и стала целовать.

— Я тоже по тебе соскучился. — Он усмехнулся и перенес ее через порог, пока она висела на нем.

— Извини. Я просто рада тебя видеть. — Она опустила ноги на пол и заметила, что через его плечо перекинут ремень с фотоаппаратом. — Сэм, зачем тебе фотоаппарат? — спросила она,

несколько удивившись.

— У меня там несколько снимков игры, которые я хотел тебе показать.

Она покачала головой.

— Ты фотографируешь хуже, чем это делал мой отец, а я даже не думала, что такое возможно. — За то недолгое время, что они были вместе, он, должно быть, сделал сотни фотографий в ее присутствии.

Софи забрала у него фотоаппарат и поставила его на край стола.

— Покажешь мне их позже, — сказала она, ведя его по коридору. — Это были очень долгие два дня.

— Ты же знаешь, как говорят о разлуке. Хм, куда вы меня ведете, мисс?

— М-м-м. Тебе чертовски хорошо известно, куда я веду тебя. — Когда они дошли до спальни, там уже горели зажженные ею свечи и играла музыка. Она толкнула его на кровать и набросилась сверху.

Сэм застонал так, будто она раздавила его своим весом.

— Смотри там, поосторожнее.

Он заглянул ей под майку.

— О, я смотрю.

— Ну, тогда, давай я облегчу тебе задачу. — Она улыбнулась, снимая свой топ.

Сэм поднял брови, довольный.

— Стоит уезжать почаще, если я смогу рассчитывать на такой прием.

— Нет необходимости. — Она запустила руки в его волнистые волосы. — Знал ли ты, что мое увлечение тобой пробуждает мою внутреннюю похотливость?

«Ой-ой». Она начинала терять свой словесный фильтр, который так упорно старалась сохранять.

— Можешь спросить любого из моих прошлых кавалеров. Такое поведение нехарактерно для меня.

— Увлечение? Я надеялся, это больше, чем просто увлечение.

Кроме того, я лучше не буду думать о других твоих друзьях. Мысль о том, что кто-то другой касается тебя, тревожит меня.

Они помолчали несколько секунд, кончики ее пальцев покалывало, когда их губы соприкоснулись. Софи ждала, когда он овладеет ею, в кровь выбросило адреналин, внизу живота она ощущала знакомое волнительное чувство. Она свесила голову и театрально вздохнула.

— Почему всегда не может быть так, как сейчас?

Сэм погладил ее щеку.

— Потому что мы бы поубивали друг друга, вот почему. Мы же не кролики.

Софи прыснула от смеха.

— Может, мне нравится быть кроликом.

— А мне нравится, когда тебя так легко рассмешить. — Он убрал волосы с ее лица, глядя на нее. — И все же, никакого смеха в постели. Это запрещено.

Она нежно улыбнулась, а он посмотрел на нее еще пристальнее.

— Боже, Софи. — Он выдохнул так, словно задерживал дыхание. — Когда ты смотришь на меня вот так...

— Как?

— Есть хоть какие-то мысли? — Он изучал ее глаза. — А?

Его руки начали путешествовать по ее телу, пробуждая каждый нерв. На какое-то мгновение слова застряли у нее в горле.

— Больше, чем ты думаешь, — прошептала она. Софи положила голову ему на грудь, и биение, которое она почувствовала, подарило ей чувство восторга.

— Знаю, что это не оригинально. — Его пальцы следовали по краю ее плеча. — Но когда я прикасаюсь к тебе... я дома.

«*К черту его и его красивые слова!*». Софи обняла его так крепко, как могла, прежде чем взять его лицо в свои ладони и поцеловать с такой страстью, о которой она и не подозревала.

Позже этим днем Софи лежала в объятиях Сэма. Его рука покоилась на ней, а сам он зарылся лицом в ее волосы.

— Так чем бы ты хотела заняться в Новогоднюю ночь?

— Тем, что у тебя перед глазами.

— Уверена?

— М-м, ага. — Она кивнула.

— Ты уверена?

Она села, прижав к телу одеяла. На ее вкус, в комнате было несколько прохладно. Она прищурилась.

— Почему ты все спрашиваешь и спрашиваешь об этом?

— Ну, — начал он, выбравшись из кровати, затем потянулся за своими брюками и достал кошелек. — Я подумал, поскольку ты говорила, что Диснейленд твое любимое место в мире... — Он достал два билета и поднял их, прежде чем отдать ей.

— О-о! — Она прижала их к груди. — Это будет замечательно! Диснейленд так прекрасен на Рождество.

Он присоединился к ней в постели, и она привлекла его к себе, чтобы поцеловать.

— Спасибо. Мне нравится.

— Тебе спасибо за то, что ты предпочитаешь Диснейленд дорогим украшениям.

— Что ты хочешь сказать? Диснейленд не дешевый, поэтому мы поделим на двоих...

Сэм закрыл ей рот рукой, чтобы она не смогла договорить.

— Фто? — пробормотала она.

— Просто заткнись, — приказал он.

— Я ос оворю!

— Ш-ш!

В конце концов, она бросила попытки говорить и стала лежать спокойно. Он медленно убрал руку, она молчала еще несколько секунд.

— Я просто говорю, что мы разделим...

Он снова прикрыл ее рот ладонью.

— Боже, женщина! Ты когда-нибудь прекратишь?

Она покачала головой, улыбка достигла ее глаз, и потом она начала хихикать.

— Читай по губам, — произнес он, его лицо находилось в нескольких сантиметрах от ее. — Мы больше не будем об этом говорить.

Она взяла его руку и убрала от своего лица.

— Ладно! Но могу я, по крайней мере, купить тебе толстовку с Микки Маусом? Может, какие-то уши?

— Да. Да, можешь.

— Блин, такой властный!

— Ну, — сказал он, пробегая пальцами по ее плечу. — Теперь, когда наше приветствие окончено, валяй, рассказывай мне все грязные подробности о твоей сестре.

— Уф. — Софи скорчила недовольное лицо. Так как Сэм уехал утром после Рождества, она не успела рассказать в подробностях о разбитом сердце Эви. Они недолго разговаривали, пока он был в отъезде, но она не хотела грузить его своей семейной драмой во время его поездки.

— Из-за чего они поссорились? — Он говорил о явных разногласиях между Эви и Кристианом тем вечером. — Что он теперь-то сделал?

— Козлистиан?

Сэм подавил усмешку. Его, очевидно, не могла не позабавить ее всеобъемлющая неприязнь к свояку.

— О, Козлистиан изменил ей.

— Подожди минутку. То есть он на самом деле ей изменял?

— Нет, не когда я говорила с ним. Хотя, кто знает? Может, и изменял. Но, видимо, это случилось *после* того, как я встретила его в тот день. С какой-то женщиной, которую он встретил на выставке в галерее.

— Черт. — Сэм скорчил гримасу. — Какой удар. Как Эви?

— Полностью раздавлена, конечно же.

— Как она узнала?

— Похоже, он ей сказал в ночь, когда это произошло. Вот почему на Рождество между ними словно кошка пробежала.

Сэм задумчиво кивнул.

— Ну так вот, — продолжила Софи. — Она пытается решить, хочет ли она, чтобы все между ними наладилось.

— Угу... И?

— И? И что?

— То есть ты считаешь, это станет поводом расстаться.

— А ты так *не* считаешь?

— Я думаю, это станет поводом расстаться, если Эви так чувствует. И не станет, если она чувствует иначе.

Софи покачала головой, не в силах поверить своим ушам.

— Как ты можешь такое говорить? Это же настоящее предательство. Ты хочешь сказать, что, если бы я тебе изменила, ты смог бы не придать этому значения?

— Не придать значения — нет. Оставить в прошлом — возможно. Честно, я не знаю, что бы я сделал. — Он почесал висок. — Иногда мы уверены в том, как справились бы с чем-то, а когда это происходит на самом деле, обнаруживаем, что ошибались.

— Но как она сможет когда-либо доверять ему?

— Я не знаю, — признал он. — Но люди справляются.

— Ого. — Ее голос звучал резко. — Хочу сказать, я в шоке.

— Люди справляются, — повторил он твердо.

Софи изумленно смотрела на него.

Сэм на мгновение замолчал.

— Мои родители справились.

— Что?

— Ты меня слышала.

— Кто был виноват? — спросила Софи.

— Оба.

— Оба? — Ее глаза стали круглыми от удивления. — Как ты вообще узнал об этом? Они тебе сказали?

— О Боже, нет. — Он вздрогнул и ненадолго закрыл глаза. — Но я подслушал их ссору, когда был подростком. Не знаю, тогда ли это произошло или еще раньше. Не знаю, кто провинился первым, и на самом деле и не хочу знать. Как ни странно, в некотором роде меня бы заинтересовали подробности просто потому, что я нахожу людей интересными. Но как их сын — нет. Мне не нужно этого знать.

Он выбрался из кровати и посмотрел в окно, когда угрожающее серое небо теперь дало волю ливню. Вдали едва слышно раздался раскат грома.

— Здорово. — Он натянул свои боксеры. — Я надеялся, что пойдет дождь.

Все еще переваривая вызвавшую удивление информацию о родителях Сэма, Софи думала о том, что он говорил о них раньше, как они были преданны друг другу, хотя и были полными противоположностями, словно огонь и вода.

— Хм, — раздумывала Софи.

— Что?

— Я не знаю. Эви сказала, что даже после содеянного она все равно чувствует, что они созданы друг для друга. Будто он ее родственная душа или вроде того. Как он может быть ее родственной душой?

— Легко, — ответил Сэм, все еще глядя на улицу. — Но у меня другое определение «родственной души», не такое, как у большинства людей.

— И какое же?

— Не возражаешь, если я открою окно, чтобы мы могли почувствовать запах дождя? Или тебе будет слишком холодно?

Она улыбнулась про себя.

— Действуй.

Он открыл щеколду и настежь распахнул окно, а потом сделал глубокий довольный вдох, вдыхая запах с улицы.

Софи смотрела, как он там стоит, и мечтала украсть хоть грамм его спокойствия. Конечно, и у нее бывали моменты умиротворения, но отчего казалось, будто у Сэма они куда эффективнее?

— Ну, я все еще жду, чтобы ты просветил меня, — напомнила она.

— О. — Сэм постучал себя по лбу, делая себе замечание, в уголках его глаз появились самые очаровательные морщинки. Он забрался обратно под одеяла, и, когда снова прогремел гром, притянул Софи поближе. — Черт! Здесь вроде как *холодно* с открытым окном, не так ли?

Вместо того, чтобы сказать ему, что ей уже прохладно, она прижалась к его теплой груди, наслаждаясь звуком и запахом дождя на улице.

— Ладно, — продолжил он. — Мой взгляд на родственную душу.

Софи подперла голову рукой, чтобы легче было смотреть на него.

Сэм посмеивался.

— Из-за тебя я начинаю чувствовать себя мастером-джедаем, а тебя моим юным падаваном.

Она ответила, раскрыв ладонь и подняв ее к потолку, показывая, что все еще ждет ответа.

Он покачал головой и смущенно улыбнулся.

— Это тот, кто дополняет тебя. Кто помогает расти не только через радость, но иногда и через боль. Может, испытывает твоё терпение, твою способность прощать. Почему, думаешь, так много женатых пар, готовых быть вместе вечно, несмотря на то, что они полные противоположности? — Он на секунду повернулся к ней, а потом посмотрел вперед, потирая свой подбородок. — Ты смотришь, как они, став старше, ссорятся друг с другом, и думаешь про себя: *«Что за черт? В рекламе «Виагры» все не так»*. Но что-то настоящее удерживает их вместе так долго, иначе все бы разводились в ту самую минуту, как вырастали бы их дети.

Софи долго и пристально смотрела на его профиль, получая удовольствие от глубокого размышления, подтверждаемого его

нахмуренными бровями.

— Ты самый настоящий романтик, да? — спросила она мягко.

— Как скажешь. Смейся надо мной, сколько влезет.

— Я не смеюсь над тобой.

Он перекатился на бок, чтобы они были лицом друг к другу.

— Ты черно-белая. Я серый, — сказал он просто. — Вот поэтому-то мы и вместе.

Глава 20

Софи обычно с нетерпением ждала начала занятий по пятницам, ведь это был день повторения — возможность для ребят наверстать упущенное перед тем, как принимать участие в еженедельной викторине. Для нее это была возможность поставить им оценки. Но эта пятница была не самой лучшей.

После третьего периода Нина сидела рядом с ее столом. Она редко принимала участие в активностях на уроке. Большую часть времени она ковыряла ногти или играла со своими длинными волосами. Она была внесена в план поведения, а это означало, что Софи должна каждый день заполнять карточку, оценивая старания Нины по шкале от одного до шести. Затем Нина заберет карточку и понесет на следующий урок, где ее должен будет оценить другой учитель.

После нескольких неудачных попыток заставить Нину делать хоть что-нибудь, Софи наконец спросила:

— Нина, ты вообще собираешься *что-нибудь* делать сегодня?

— Нет, — совершенно спокойно ответила Нина.

— И почему это, позволь спросить?

— Потому что я не хочу. — Она сказала это обыденным тоном, как само собой разумеющееся. Таким образом Нина сама себе заработала единицу в карточку.

Софи покраснела, потому как она столько лет рассказывала детям о злоключениях, о том, как мы должны трудиться, даже если

этого очень не хочется делать. И как, по их мнению, они смогут работать с таким отношением? Как они себе это представляют? Придет босс, и они скажут ему в лицо: *«Извините, но я не хочу этого делать»*? Хотя она старалась не обращать на это внимание, кровь Софи каждый раз закипала, когда ей приходилось об этом говорить, ведь она очень хорошо знала, что все сказанное ею влетает детям в одно ухо и вылетает из другого.

Сколько раз она воевала сама с собой, разрываясь между обещанием больше не тратить время и энергию на борьбу с учениками, которым все по барабану, и упрямым отказом позволить им победить? Почему она просто не может отпустить ситуацию? Ведь они никогда не изменятся. За последние пять лет работы она не могла припомнить ни одного ученика, до которого ей удалось бы достучаться. Конечно, были у нее ученики, которым уже было не все равно, которые много работали, потому что понимали важность образования. Однако было слишком много тех, кому было все равно, до кого просто невозможно было достучаться.

Софи не нравилось чувствовать себя подобным образом. Все это было слишком удручающе.

Она испробовала все подходы: мягкий, жесткий и даже *«я говорю тебе все это, потому что мне не все равно, и я желаю тебе всего самого лучшего»*. Но чаще всего в ответ получала лишь отрешенный взгляд, и порой она задавалась вопросом, есть ли там хоть кто-то живой внутри.

Поскольку Софи всегда нравилась школа, она считала, что быть учителем — это разумный выбор профессии. К сожалению, это было ошибочное суждение. Будучи самомотивированным, всегда готовым отвечать учеником, она не могла понять детей, ненавидящих школу. Почему они даже не пытаются? Почему не хотят получать хорошие оценки? Почему им все равно, когда они получают плохие отметки? Кто вообще эти существа и как ей преодолеть этот разрыв?

У некоторых учеников нехорошая обстановка дома, поэтому их апатия вполне понятна, но те ученики, у которых все в порядке, навсегда останутся неразгаданной загадкой для Софи. Она была убеждена, что учитель, который в детстве тоже был отвратительным школьником, будет иметь преимущество. Они видят себя в своих учениках, и это каким-то образом связывает их с детьми.

Однажды она поверила, что ей удалось достучаться до одного ребенка. Мальчик восьмого класса, девчонки к нему так и липли так же, как и неприятности. Дэвон был приемным ребенком, поэтому дома у него все было не так гладко. Софи вызвала его на разговор по душам. Она не помнила свои слова дословно, но, когда она говорила, он очень внимательно слушал и глаза его были полны решимости.

«Эй, этот парень действительно меня слушает!», — думала она. «Неужели он действительно мотает на ус все мои слова?» Она чувствовала себя прекрасно. Софи, конечно, не надеялась, что он сразу же станет другим, но думала, что по крайней мере ее слова западут ему в душу и, может быть, в один прекрасный он вспомнит ее слова.

Однако ее наивность длилась сутки, пока она не поговорила с Лизой в мастерской. Они обсуждали Дэвона и его непристойное поведение, как вдруг Лиза сказала:

— Да, я с ним немного беседовала. — Он часто всем вокруг говорил о своей любви к противоположному полу. — Он сказал, что ты тоже пыталась поговорить с ним.

— Правда? — Софи была польщена — Что же он сказал?

— Он упомянул твои глаза. — В голосе Лизы слышались нотки недовольства.

Софи смутилась:

— Мои глаза?

— Ага. Он сказал, что у тебя такие глаза, в которых он хотел бы утонуть.

Софи захлопнула ящик копировальной машины:

— Ты сейчас шутишь? — он не услышал ни единого ее слова. Для него она была просто учителем *чего-то там*, который никогда не разговаривает словами. *Бла-бла-бла*. И теперь, вспомнив об этом, она была уверена, что Нина слышала то же самое. *Бла-бла-бла!*

После обеда она отправила двоих учеников к директору — одного за списывание, второго за то, что бросался стульями.

После последнего урока, когда все ученики высыпали в коридор,

Софи сидела в пустом классе, тупо глядя в монитор. Слава богу, этот день закончился, и сегодня пятница. Она открыла ящик стола и вытащила бутылочку со смесью эфирных масел, которые, как водится, успокаивали. Несколько часов назад она помазала ими за ушами и немного накапала на запястья. Сейчас же она открыла бутылочку и сделала глубокий вдох. Быть может, ей просто засунуть бутылку в нос и оставить ее там? Она маленькая. Софи попыталась прочитать мелкий шрифт на баночке, чтобы узнать, безопасно ли наносить ее на нос, затем глубоко вдохнула еще раз и закрыла крышечку.

Зазвонил телефон, она подняла телефон, чтобы посмотреть, кто звонит. «О, нет!» Это мистер Хоппер. Она еще никогда не встречала человека, который был бы настолько не в ладах с техникой. Когда они впервые встретились, она имела неосторожность предложить ему свою помощь, если у него возникнут проблемы. Софи сказала сразу звонить ей. Она уставилась в телефон. Если она не возьмет трубку, он будет звонить до посинения, и тогда ей не удастся уйти домой, поэтому она взяла трубку.

— Софи, у меня небольшие проблемы с журналом успеваемости. Мне нужно изменить весомость категории, но я не помню, где их найти.

— Хорошо, Марвин, я поняла. Просто наведите на левый верхний угол окна и нажмите на кнопку «Файл». Получилось?

— Сейчас посмотрю... Есть списки классов, шкала оценок, диаграммы рассадки, гражданство...

Софи опустила ладонь на лоб, он делал так каждый раз, когда она просила его нажать на какую-нибудь кнопку. Он начинал перечислять все подряд, что видел на экране.

— Хорошо, хорошо, — перебила его она — «Файл» — это синяя кнопка в верхнем левом углу. Вы видите ее?

— Нет, не вижу. Здесь есть предпочтения, специальные оценки, комментарии, записи...

«О Боже, кто-нибудь, застрелите меня прямо здесь и сейчас.»

— Ой, погоди! — воскликнул он — «Файл» прямо здесь. Синяя кнопка.

Пятнадцать минут спустя Софи удалось отвязаться от мистера

Хоппера, и она буквально набросилась на баночку с эфирными маслами.

Она подумала о Сэме, чтобы улучшить настроение. В такие дни его легкость и веселость помогали ей выплыть из плохого настроения. Она решила зайти к нему на последний урок. Скорее всего, у него будет куча работ на проверку, и тогда она предложит свою помощь.

Его голос долетел до нее еще до того, как она подошла к его кабинету, но голос был как будто не его. Никто не кричал — по крайней мере, она не могла разобрать слова — но тон был тревожным.

— Зачем ты *это* делаешь? — спрашивал Сэм у мальчика в коридоре. Сэм стоял спиной к Софи, и непонятно откуда взявшийся озноб предупредил ее, что речь вовсе не о стульях. — Ты что, действительно настолько гнусный человек, что чувствуешь себя *лучше*, только оскорбляя и ненавидя всех вокруг? Это так?

Мальчик мялся на месте, явно неподготовленный к гневу всегда толерантного мистера Коллинза:

— Это была просто шутка. — Он моргнул, лицо ничего не выражало.

— Не то чтобы тебе это интересно знать, но ты знал, что у его мамы рак, и она борется с ним изо всех сил? А теперь ему придется наткаться на этот *мусор* от таких как ты онлайн.

Мальчик пожал плечами и продолжил избегать прямого взгляда Сэма; Софи не видела, но по голосу было слышно, что он явно зол.

— Да какая разница, чувак, — ответил мальчик, равнодушно закатывая глаза.

Сэм стоял молча, просто живой комок нервов, затем его плечи опустились, он прислонился к стене и покачал головой в полном разочаровании. Мальчик переминался с ноги на ногу, засунув руки в карманы.

— Да что я вообще переживаю? — пробормотал Сэм — Знаешь что? Мне тебя жаль. Вот правда, очень жаль. А теперь возьми это и иди отсюда! — он сунул ему в руки направление к директору.

Мальчик с ухмылкой взял бумагу, после чего, как ни в чем не

бывало, прислонился к двери. Не отрывая глаз от Сэма, он потихоньку пятился назад, одновременно комкая бумагу, затем поднял брови, взглянул на Софи и сказал:

— Как поживаете, мисс Кук? — он поинтересовался так, будто ее присутствие должно как-то смутить Сэма. Закончив фразу, он выбежал за дверь.

Руки Сэма были сжаты в кулаки, когда он повернулся к Софи.

В груди Софи клокотала ярость. Она даже не знала, что же сделал этот мальчик, но мысленно представила, как хватает его, кладет на землю и дерет ему задницу, которая не скоро заживет, чтобы не скоро забыл свой проступок.

— Ты в порядке? — спросила Софи.

— Да, — отозвался Сэм. Его трясло, а в глазах была глубокая печаль.

— Хочешь, я прослежу, чтобы он пошел к директору?

Сэм покачал головой:

— Мне плевать, что он там делает. — Он пересек коридор и стал пить воду из фонтанчика. Сложив руки на груди, он поднял лицо к потолку и закрыл глаза. Несколько минут так и стоял.

Софи тоже не двигалась.

— Мне нужно вернуться в класс, Соф. Я расскажу тебе все сегодня вечером, ладно?

— Конечно.

Он неохотно подошел к двери класса и, прежде чем войти, сделал пару вдохов:

— Хорошо ребята, давайте вернемся к работе.

Глава 21

Джейк тихонько проскользнул через входную дверь, надеясь избежать встречи с матерью, и бросил рюкзак под ноги. Он пересек гостиную, направляясь в свою комнату и следя за дремавшей на диване мамой. Закрыв за собой дверь в комнату и бросившись на

неубранную кровать, он попытался прогнать из головы ужасный день.

На этот раз он действительно влип. Исключение было неизбежно. Вероятно, с юридическими последствиями, как сказала директор. И что подумает мама, когда узнает, что сделал сын? Он боялся шока и разочарования на ее лице.

Компьютер стоял на столе в углу комнаты, безмолвно осуждая Джейка за то, что тот сделал его соучастником преступления. Поднявшись на ноги, Джейк выглянул в окно, а потом рефлекторно включил компьютер. Слишком поздно. Ущерб уже нанесен. Как он мог быть настолько глуп?

Он перешел на сайт, созданный вместе с друзьями, но тот уже был заблокирован. Начиналось все весело: они нашли неприличные фотографии мужчин и женщин из рекламы «Кельвина Кляйна» и с помощью «Фотошопа» обработали снимок, превратив Яна в женщину. Шутка Джейка и приятелей не должна была покинуть пределы этой комнаты. Но какое-то время спустя появилась идея выложить картинки в интернет, чтобы повеселить и других. Если Ян и увидит их, что с того? Ему же хуже, если он не умеет воспринимать шутки.

Что-то в глубине души Джейка отговаривало его идти по этой дорожке, говорило, что это плохая идея, но поддаться на уговоры друзей было слишком просто. Подумаешь, какое дело. Это все смеха ради. Все равно никому нет дела до Яна.

А теперь он словно впервые осознал, насколько безжалостно поступил. Комментарии на сайте от других детей граничили с жестокостью. Один из них даже написал, что желал бы, чтобы Ян сделал им всем одолжение и покончил с собой. Когда директор открыла сайт у себя в кабинете, ему пришлось отвернуться от ужаса в ее глазах. Она сказала, что уже не будет иметь значения, если Джейк придет домой и заблокирует его. Она сделала скриншоты в качестве доказательства. И заверила, что, если он считает, они не смогут доказать авторство, то IP-адрес можно отследить.

Джейк спрятал лицо в ладонях. Он никогда, никогда не сможет исправить содеянного с Яном. Он вспомнил слова мистера Коллинса о матери Яна, что она может умереть, и подумал о собственной маме, сильно страдающей от рассеянного склероза. Он все еще слышал гнев

и отвращение в голосе учителя.

У Джейка не было выбора, кроме как стать сволочью в коридорах школы. Ни за что, черт возьми, он не позволит кому-либо узнать, что сожалеет. Только своей маме. Что он должен сказать ей? Необходимо самому это сделать до того, как она начнет получать телефонные звонки.

Джейк дотащился до гостиной и сел на журнальный столик рядом с ней.

— Мам, — тихо позвал он.

Мама вздрогнула и проснулась.

— Привет, Джейки. — Она прищурилась от света и улыбнулась. — Как дела в школе?

— Плохо. Очень плохо. — Он расплакался. — Мам, я сделал кое-что ужасное.

Глава 22

Сэм прикончил несколько бутылок пива, а Софи очень много вина, лишь бы забыть испорченный день. Они оба развалились на диване, хмурые и притихшие, смотря анимированное «*Колесо фортуны*».

— Это Гринвич-Виллидж, — проворчал Сэм, взмахивая рукой. — Как ты можешь не знать этого?

Софи еще не видела его таким подавленным, даже когда умерла Эбби. Она скользнула ближе и провела рукой по его колену.

— Итак, как ты узнал о веб-сайте?

Его глаза были прикованы к телевизору.

— Ты знаешь Йена?

— Я не то чтобы *знаю* его. Мы встретились на обеде за пиццей, а потом он время от времени останавливался у моего кабинета, чтобы поздороваться. Он кажется милым ребенком.

— Он *чудесный* ребенок. Но его травят, ну, ты понимаешь. Он... Не уверен, но думаю, он гей. Похоже, он и сам этого не знает. — Он

потянулся за бутылкой, стоявшей на кофейном столике. — У него была младшая сестра, шестиклассница. По какой-то причине ей было некомфортно идти в деканат. Потому она пришла ко мне и показала сайт. Он ужасен. Ты бы не поверила, если бы увидела его.

Софи замотала головой.

— Откуда его сестра знала, кто это сделал?

— Наверное, студенты судачили, а Джейк не отрицал.

— Боже, почему дети такие чертовски злые? Не помню, чтобы они были такими же в наше время. А ты?

— Не знаю, — ответил Сэм устало, убирая волосы со лба. — Хотя, это не все. Йен работал над каким-то проектом в «Муви Мэйкере»...

— в «Муви Мэйкере»?

— Я покажу тебе. В общем, он оставил видео на компьютере открытым, и его сестра Миа посмотрела его. — Сэм повернулся к Софи, его обычно ясные глаза были затуманены беспокойством. — Ей всего двенадцать, Софи, но эти дети через столько прошли с их нездоровой мамой. Миа лишь раз взглянула на видео Йена и поняла, что должна показать его кому-то.

— Она дала тебе копию?

— Копия у меня на флешке. — Сэм кивнул. — Я отослал видео консультанту.

От вина ей стало спокойнее, легче, но весь инцидент создавал мрачное настроение. Ее тело, разогретое и расслабленное алкоголем, к удивлению потеряло связь с сердцем, так болевшим за бедного парня.

Они так и сидели в тишине, Софи вертела бокал, а Сэм пальцами отбивал ритм по бутылке с элем.

Ранним утром Софи проснулась с мыслями о Йене. Она лежала на боку рядом со свернувшимся Сэмом, его рука покоилась на ее талии. В другой день она бы не стала портить себе такое мгновение. Ведь с ним ей было лучше всего на свете. Однако волнение не давало ей спать, и она аккуратно подняла руку мужчины, чтобы переложить ее на постель.

Софи по керамической плитке, холодившей ноги, направилась в кабинет Сэма и включила компьютер. Голубоватое свечение монитора рассеяло темноту, и она ждала, когда машина загрузится; мягкий шум вентилятора нарушал всепоглощающую тишину дома. Опустившись в кресло на колесиках и молясь, чтобы то не закрипело, Софи вставила флешку в компьютер и нашла видео, что они с Сэмом смотрели вечером ранее. В нем демонстрировались все эмоции, что Йен вынужден был раскрыть.

Софи уменьшила звук до едва слышимого уровня. Йен выбрал печальную музыку, выворачивающую наизнанку. «Безумный мир». Он использовал версию не 1980 года, а душераздирающий кавер Гэри Джулса, сделанный почти на двадцать лет позже.

Голос Йена нельзя было услышать. Его история преподносилась в картинках.

Мрачные, горестные изображения.

Перебинтованные или разбитые сердца. Разрушенные молотком.

Алебастровые тряпичные куклы, небрежно сшитые вместе, лишенные лиц — лишь черные, пустые круги вместо глаз.

Неразличимая фигура в море людей. Его тело с головы и до кончиков пальцев ног покрывает россыпь слов «помогите». Но никто этого не замечает.

Кровавая слеза, текущая из человеческого глаза.

Одна за другой картинки передают его страдания.

Когда фото исчезают, музыка продолжает играть и перед камерой появляется Йен. На его юном, невинном лице возникают мрачные и скорбные слова. Он смотрит в объектив еще несколько мгновений.

Софи смотрела не видео. Это Йен сидел перед ней. Во плоти. Смотрел ей в глаза, молил об освобождении.

Йен потянулся и выключил камеру. Картинка почернела.

Софи была прикована к монитору, слезы катились по ее лицу, когда видео перезапустилось. Она посмотрела его еще три раза, и все это время Софи размышляла о том, бросают ли ему в спину различные замечания, когда парень одиноко бредет по коридорам. А ведь он всегда здоровался с ней.

— Софи? — прошептал Сэм, положив руку ей на плечо. — Что ты делаешь?

Она провела руками по щекам.

— Зачем ты снова его смотришь?

Она прикрыла глаза ладонями, ее лицо было искривлено, Софи пыталась контролировать звуки, вырывавшиеся из ее горла, пока песня отчаяния начинала играть вновь.

— Софи...

— Как думаешь, он сделает какую-нибудь глупость?

— Нет. — Сэм разворачивает стул к себе и поднимает Софи на ноги, беря ее руки в свои. — Не думаю. Ты должна прекратить его смотреть, хорошо?

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Лишь надеюсь. Думаю, он хотел, чтобы его сестра увидела это видео. И она увидела. Его двенадцатилетний ангел-хранитель.

Софи обняла Сэма с невероятной силой, испытывая раздражение из-за своей чрезмерной эмоциональности. Она прижалась щекой к его мягкой футболке и стала глубоко дышать, пытаясь прекратить рыдать.

— Мне кажется, что ты мой ангел-хранитель, — произнесла она, стараясь вырваться из этого тяжелого состояния.

— Ну... — Он пожал плечами с издевательской самонадеянностью. — Почему бы и нет?

Софи легонько засмеялась.

— Эй. — Он приподнял ее подбородок. — Мне вчера было тяжело из-за того, что стряслось с Йеном, но сейчас... У меня ощущение, что с ним все будет в порядке. Он сильнее, чем кажется.

Она кивнула, и Сэм взял ее за руку, чтобы отвести в спальню.

— Сэм, я хочу рассказать тебе кое-что, пока в моей крови все еще течет вино.

— Это как-то связано с тем, насколько я чертовски хорош?

Софи фыркнула, прижала палец к губам и притворилась, словно

размышляет над вопросом.

— Ты определенно чертовски хорош. Но к делу это не имеет никакого отношения.

— Что же еще? — Вернувшись под покрывало, Сэм приподнял его, приглашая Софи к себе.

Она испустила тревожный выдох и прижалась к нему.

— Ладно, но не смотри на меня, когда я буду говорить. — Она уткнулась в его грудь.

— Почему? — Его подбородок оказался на ее макушке. У него просто не оставалось вариантов, учитывая выбор ее положения.

— Просто не хочу. — Она беспокоилась, что он о ней подумает. Особенно, когда она видела реакцию Эви.

— Ты такая странная. — Его голос был тихим. — Что же такое ты хочешь мне рассказать?

Недавно было еще одно видение. Теперь они появлялись не так часто, и Софи была этому рада. Но это конкретное видение было связано с вопросами, которые у нее были к Сэму: о его природе, как он стал тем, кем стал.

Через это небольшое окошко она заглянула в жизнь, свою или даже их причастность к которой почти приняла.

«В ее жизни развивалась новая жизнь, она села на колени увлеченного книгой Сэма, расслабившегося в черном кресле с подлокотниками. Она уставилась на книгу с любопытством, и он показал ей название, напечатанное на титульной странице. Кто-то дал ему эту книгу. На странице было странное слово, которое она могла произнести с трудом. “Дхаммапада”».

— Я даже не уверена, что произношу его правильно, — пояснила Софи, поделившись этим небольшим отрывком. — Я гуглила это слово, потому что хотела знать, как его произнести, и что это вообще такое.

Сэм ничего не говорил, а так как она не видела его лица, то размышляла, о чем же он думал.

— Для тебя это что-то значит? Тебе знакома эта книга?

Сэм продолжал молчать, потому Софи решила выглянуть, чтобы

увидеть его реакцию.

— Да, — ответил он внезапно, как будто не осознавая, что она его спрашивала о чем-то. — Да, я прочел ее в колледже. На курсе по философии. — Он слегка нахмурился.

— Сэм, в чем дело?

— Сейчас вернусь. — Он соскочил с кровати и покинул комнату.

— Сэм? — Она слышала, как он перелопачивал книжные полки в кабинете.

Через минуту он вернулся и включил лампу на прикроватном столике.

— У меня есть экземпляр, — произнес он, затаив дыхание. — Я купил его в комиссионном магазине несколько лет назад. — Он протянул книгу ей.

Софи резко вдохнула, почти комично. Твердая обложка из красного сукна, она была потертой и испачканной, но это была та самая книга.

— Это она, Сэм! Книга, которую я видела!

Она яростно открыла титульную страницу, в то же время пытаясь обращаться с книгой с невероятной заботой. Там было посвящение:

«Дражайший Мэттью,

Надеюсь, ты найдешь ответы на некоторые свои вопросы. Это честь узнать тебя.

Твой друг,

Пинг».

— О боже, о боже... — повторяла Софи, переворачивая страницы.

— Черт подери, — одновременно с ней ругался Сэм.

Этого не может быть, Сэм обнаружил эту книгу за годы до их знакомства. Софи вернулась к первой странице и пробежала пальцами по посвящению.

— Ты знаешь, кто эти люди?

Сэм уселся рядом с ней и шокированный вытаращился на книгу.

— Нет, не знаю. — Он колебался, прежде чем спросить: — Это я был Мэттью?

— Откуда мне об этом знать?

— Именно ты видела книгу, видела, как сидишь у этого мужчины на коленях.

— Этим мужчиной был *ты*, но не знаю, был ли он Мэттью, — пояснила Софи. — Я не знаю... Может, и был.

— То есть ты хочешь сказать, что с тобой никогда не случилось такого, пока ты не встретила меня?

— Клянусь. — Книга, которая долгое время витала в ее воображении, теперь лежала в ее дрожащих руках. Почему это случилось? Или она просто сходит с ума? — Так что, ты прочитал эту книгу? Больше одного раза?

— Да.

Она посмотрела на него с любопытством:

— Ты буддист и просто не хочешь, чтобы об этом кто-нибудь узнал?

— Дело не в чьем-то знании. И нет, я не буддист. Просто мне всегда нравилась подобная литература, и это вовсе не что-то... Хм... Модное.

— Мне кажется, ты делился чем-то похожим.

— Нечем тут делиться.

— Сейчас объясню, что имею ввиду. С первого дня нашего знакомства я заметила это, не знаю, как описать... Отражение спокойствия в тебе, что ли. Чувство, которое я не могу потрогать, но которое мне тоже хотелось бы ощущать. — Она еще раз пролистала страницы книги с заметками на полях, скорее всего, оставленными Сэмом, затем закрыла и крепко сжала ее. — Я думаю, именно поэтому мне хотелось быть тобой.

— О-о-о-о. Это, наверное, самая приятная вещь, которую ты мне говорила.

— Я не шучу. — Она смотрела на него в ожидании ответа на

свое признание.

Он нахмурился:

— Я не мудрец, Софи, если, конечно, ты подразумеваешь это.

— Я знаю, что ты не мудрец, но что-то мудрое в тебе все-таки есть, — заключила она, кивнув головой.

— Я не был похож на мудреца, когда разговаривал с Джейком в коридоре. Я был кем угодно, только не мудрецом.

— Мне показалось, ты отлично с ним справился. Лично мне хотелось выбить из него все дерьмо, — призналась она.

— О, поверь мне, я тоже этого хотел. Но тюрьма мне не по вкусу. Тем более... — Он положил «Дхаммападу» на прикроватный стол. — У того человека, которым ты восхищаешься, не должно быть таких импульсов.

— И все же... — Она коснулась его лица, когда он забрался обратно в постель. — В общем, ты очень и очень спокойный. Бесконечно толерантный и добрый.

— Ладно, хватит обо мне. — Он почесал плечо — Мудрец МО уже использовал всю свою магию, чтобы запудрить тебе мозги, так что ему пора переходить на новый уровень и искать новую жертву.

— Я серьезно, Сэм. Хочу узнать об этом побольше.

— Например?

— Например, эта книга оказала сильное влияние на твои мысли? На тебя самого? Естественно, я не принимаю во внимание то, что она, по-видимому, принадлежала тебе в прошлой жизни. — Последнее предложение прозвучало мягко, как будто все это было обычным делом.

— Да не принимай это во внимание, — ответил он с улыбкой — Поскольку мы не собираемся спать, я думаю, для такого разговора просто необходим кофе. Будешь?

Она пошла за ним на кухню, с нетерпением ожидая, что же он скажет. Наконец-то она получит вожаденный эликсир, который он держал при себе. Что-то особенное заставляло его быть уравновешенным и спокойным, в то время как у нее внутри бушевал ураган, опрокидывавший лодки. Но не маленькие лодочки, а

большущие пиратские корабли. Это изнуряет.

— Что ты знаешь о буддизме? — спросил Сэм, закинув жменю зерен в фильтр.

— Очень мало. — Софи немного подумала — Хотя, ничего. Я ничего не знаю о буддизме, кроме того, что Далай Лама буддист.

— Я не пытаюсь быть снисходительным, но будет сложно объяснить идею книги человеку, который ее не читал.

Софи улыбнулась.

Он включил кофеварку и прислонился к столу, когда машинка стала молотить зерна и шуметь.

— Ладно, — начал Сэм, затем почесал подбородок, обдумывая, с чего бы начать. — Как я уже сказал, я читал ее, когда учился в колледже, но в то время она не оказала на меня большого влияния. Несколько лет спустя у мамы начались проблемы со здоровьем из-за курения. Хронический бронхит, высокое давление. Сейчас неважно, насколько далеко это зашло, как бы плохо ей ни было, она продолжала курить. И, как я уже говорил тебе ранее, я всегда злился на нее. Я не понимал ее. Ведь я не просто говорил с ней об этом, я читал ей лекции, и тогда мы начинали ругаться, потому что она терпеть не могла, когда я указывал ей, что делать. Я просто дошел до ручки, но держал все в себе, каждый раз, когда ей становилось хуже, я жутко злился на нее, потому что, на мой взгляд, она легко могла избавиться от вредной привычки и перестать курить.

За окном стало всходить солнце. Кофе приготовился, Сэм разлил его по кружкам.

— Однажды я жутко разозлился на нее и вспомнил, что *Дхаммапада* упоминал в своей книге о том, что не стоит судить других. — Сэм добавил сливки в кофе. — Конечно же, это не новая идея. Об этом упоминается в Библии. Но я помнил только, что вы не должны судить других, если вы не хотите, чтобы судили вас. Ну, тогда мне было все равно, будет ли меня кто-то судить. В любом случае я решил перечитать «*Дхаммападу*».

Они взяли кружки и сели за обеденный стол, тогда Софи спросила:

— Там сказано про то, как перестать это делать? То есть судить других. Потому что мне кажется, я бы смогла это использовать.

— Я не стану это комментировать, — сказал он тихо — Потому что не собираюсь судить тебя. Поняла, как я это сделал? — Он кивнул, довольный самим собой.

Софи прищурилась:

— О да, я поняла. Умник. И все же. Там сказано или нет?

— Эм-м-м... нет.

Софи пожала плечами:

— Тогда что же в этом хорошего?

— Это больше похоже на... — Он постучал пальцами по кружке, пытаясь придумать сравнение. — Ты же знаешь, что мы всегда говорим детям — не смотри, что делает другой, смотри за собой?

— Пф! Конечно. — Софи скорчила гримасу и покачала головой — Они не понимают этого.

— Мы тоже! Ведь мы так много времени проводим, сосредотачиваясь на том, что делают другие. *О, этот человек такой грубый!* — произнес он капризным голосом. — *Этому старому хрычу стоит поучиться водить машину или вообще не водить! Почему она не научит своих детей, как правильно себя вести?* И так до бесконечности. — Он взял паузу, чтобы сделать глоток кофе. — Если бы каждый потратил хотя бы половину этой энергии и посмотрел на себя самого, как он может измениться в лучшую сторону, подумал бы всего одну секундочку, все стало бы по-другому.

Софи наклонила голову и, изогнув бровь, задумалась над его словами.

— И это все? Это то небольшое из книги, что делает тебя таким?

— Конечно нет. Есть еще кое-что. Речь идет о сострадании ко всем. Даже к нашему другу Джейку. — Он стал загибать пальцы, перечисляя. — Не судить, не привязываться. — Сэм покачал головой. — Мне, например, очень сложно не привязываться к людям.

— А что ты имеешь в виду под привязанностью? — Софи потягивала кофе, наслаждаясь разговором. Буддизм 101⁴.

Сэм замер на минутку, чтобы полюбоваться этими яркими голубыми глазами, выглядывающими из-за чашки в ожидании ответа.

Ничто не могло сделать ее еще более милой и вожделенной, чем футболка с Динь-Динь, которую он купил ей в Диснейленде, и взъерошенные кудряшки.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Ты расскажешь мне про привязанность?

— Конечно, — ответил он профессорским тоном. Софи усмехнулась.

— Буддисты верят, что все наши страдания связаны с привязанностью — к вещам, к людям и обстоятельствам. Потому что все, что мы любим в этом мире — непостоянно. И когда мы это теряем — мы страдаем. Потеря любимого человека, работы, денег, все это было бы безболезненно, если бы мы не привязывались. То есть я сам понимаю это только *в теории*. — Сэм перешел на нормальный тон. — Но объясните мне кто-нибудь, как можно не привязываться к своей семье, к друзьям? Как можно спокойно отнестись к потере родителей или ребенка?

— Ты не должен! — ответила Софи — Это все звучит неправильно.

Они оба рассмеялись:

— Что я могу сказать? — добавила она. — Возможно, я просто недостаточно просвещена.

Она встала из-за стола и поцеловала Сэма в лоб:

— Но, судя по всему, ты просвещен. — Она провела пальцами по его предплечью и пошла смотреть рассвет.

Время от времени Сэму становилось неловко от таких разговоров с Софи, ему было беспокойно от того, что он может показаться слишком самонадеянным или даже глупым. Она уже пару раз смотрела на него так, будто он был какой-то загадкой, которой нужно поклоняться, но это просто смешно.

Софи повернулась и улыбнулась ему. Он смотрел на нее безотрывно, размышляя о только что состоявшемся разговоре и других вещах, которые они обсуждали. Софи постоянно сталкивалась с христианами и, не зная, как найти к ним подход, воевала с ними.

Сэм считал, что он достаточно хорошо справляется с окружающим людским мнением. Он просто принял реальность: его мать вольна поступать, как хочет. Да, скорее всего, это отнимет ее жизнь в какой-то момент и, вероятно, это будет не очень приятно. Но это ее решение. Не его. Зачем тратить время, которое у него с ней осталось на гнев из-за ее решений? Софи может поступить так же со своей сестрой.

Когда он применял эту философию на людей, с которыми взаимодействовал, ему становилось легче. Это его освобождало. Хотя нет. Это чертовски приятно. Когда ты не хочешь быть судьей для всех окружающих, а следишь лишь за собой. Это хорошо, это прекрасно.

Тем не менее, он ненавидел себя за то, как повел себя в тот день с Джейком. Его привязанность к Яну затуманила разум, и он превратился в бессердечного и злого человека. Вне зависимости от того, что сделал Джейк, он оставался ребенком, ребенком со своей собственной жизненной ситуацией. В большинстве своем дети не поступают плохо, пока не столкнутся со своими страданиями. В глазах Джейка он видел напускную наглость, призванную скрыть раскаяние. Но Сэму тогда было все равно. Его беспокоило лишь то, что действия Джейка ранили Яна.

Привязанности. Они все портят.

Но когда он наблюдал за Софи, — она стояла и тихо наслаждалась рассветом — он напоминал себе, как привязанности делают жизнь возвышенной. Хотел бы он извлечь только хорошее и научиться справляться с плохим. Преисполнившись решимости наслаждаться каждой привязанностью в полной мере, и понимая, какие муки могут быть ему уготованы, он осознал, что скорее пройдет миллиард лет, прежде чем он захочет отказаться от привязанностей.

Его возлюбленная Софи совершенно не осознает силу, которой обладает. Она одним своим вздохом может разорвать его душу на куски. И это совершенно не буддизм.

Он не хотел бы ничего менять.

Глава 23

Бесполезные стероиды, которые должны были бороться с плевритом Эвелин, не помогали. Резкая боль в груди, затрудненное дыхание стали невыносимыми. Она ненавидела звонить матери, чтобы та отвезла ее в больницу, и почти расплакалась от отчаяния, но отказывалась спрашивать о Кристиане.

— Конечно же, я приеду, — сказала Эбби. — Но где же Кристиан?

Эбби все еще не было известно о предательстве Кристиана. Эви хотела, чтобы так все и оставалось, но не была уверена, как долго у нее получится держать это в тайне.

— Его сейчас нет. Я сказала ему, чтобы он встретил нас там. — Об остальном она позаботится после. Может быть, к тому времени она успеет сочинить правдоподобную историю.

Хотя Кристиан пришел домой после того, как ненадолго останавливался в отеле, они мало пересекались. Они находились в «режиме ожидания». Эви было нужно время, чтобы решить, как она хочет поступить, а Кристиан не попадался на глаза, он или отсиживался в комнате со своей работой, или проводил время с матерью.

Признался ли он ей? Мама Кристиана всегда была добра к Эви и относилась к ней, как к дочери. Однако Кристиан всегда был и будет ее единственным и неповторимым идеальным ребенком. Ее заикленность на нем только усилилась, когда отец Кристиана после развода вернулся обратно на восток.

Как только Эви устроилась в больничной палате, Эбби поставила несколько подушек под спину Эви, чтобы ей стало легче дышать.

— Милая, я позвонила Кристиану, пока они проводили осмотр. — Чтобы узнать, почему он еще не здесь. Я не знаю, что происходит, но разве вы не помирились после праздников?

«*Черт побери!*». Эви закрыла лицо и покачала головой.

— Все будет хорошо. У нас сейчас сложный период.

— Я еще и Софи позвонила, чтобы она знала, что ты здесь. А Кристиан уже едет.

Эви застонала.

— Мам, лучше бы ты этого не делала. Не хочу, чтобы он был здесь.

— Ты в больнице! Серьезно, считаешь, он не заметит, что тебя нет дома? — Эбби перестала суесться с одеялами. — Или вы разъехались?

— Мы не разъехались, но ему нет необходимости быть здесь. Сколько раз мне уже это делали? Они выпустят жидкость, и я позвоню ему позже.

Эбби сложила руки.

— Дорогая, ты *в своем уме*? Да, такое тебе делали раньше, но есть серьезные риски, и твой муж должен быть здесь.

Эви скорчилась, держась за грудь, когда еще один невидимый клинок пронзил ее внутренности. Эбби мягко погладила ее по спине.

— Мне жаль, что ты проходишь через все это. Просто подожди. Они сделают так, чтобы тебе стало лучше.

Эви кивнула, делая короткие вдохи, но подняла взгляд, когда почувствовала присутствие посетителя. Кристиан стоял в проходе, и что-то шевельнулось у нее в груди. Боже, ну почему она должна это чувствовать? Сможет она хоть когда-нибудь забыть парня, в которого влюбилась?

Эбби извинилась и, выходя из палаты, нежно похлопала Кристиана по руке. Кристиан не двигался с места, застыв в проходе. Эви ненадолго встретила с ним взглядом, прежде чем отвести его к пальцам ног, где те немного возвышались под одеялом.

— Черт бы тебя побрал, — прошептала она. Осознав, что все еще держалась за грудь, она уронила руку на колени.

Краем глаза Эви могла видеть, что он замешкался на входе, ожидая от нее своего рода разрешения. Когда она такого разрешения не дала, он медленно и осторожно вошел в палату и сел на стул рядом с ней. Он смотрел в пол, когда взял ее руку двумя своими. Эви не оттолкнула его, но и не признавала его присутствия. Она чувствовала, как его взгляд остановился на ней, умоляя, и отрывисто вздохнула, когда еще одна пуля прошла сквозь ее грудь. Кристиан сжал ее руку, почти болезненно, и опустил голову ей на колени. Его спина и плечи были напряженными, не гнущимися от эмоций.

Эви не хотела сочувствовать ему. Но сочувствовала. Не хотела продолжать любить его. Но любила. Всегда будет любить, и она об этом знала.

Она была бессильна, на долю секунды ее рука сжала его. Ее ответ, хоть и краткий, не остался незамеченным. Он прижал ее пальцы к своим губам.

Вошел доктор, толкая перед собой тележку. У Эви пересохло во рту от вида шприцов и катетеров с маленькими отверстиями, которые будут использовать, чтобы выкачать жидкость из пространства вокруг ее легких. Кристиан сел прямо.

— Ну, вы готовы, чтобы вам оказали помощь, миссис Эвелин? — спросил доктор.

Эви вздохнула.

— Давно готова.

— Муж остается? — Доктор начал расставлять необходимые приспособления на лотке.

Кристиан посмотрел на нее.

— Я хочу остаться. Прошу... позволь мне остаться.

Доктор остановился, чтобы бегло на них взглянуть, как будто почуял двойной смысл в просьбе Кристиана.

— Все решает пациент. Что бы ты предпочла, дорогая?

Те несколько раз, когда Эви подвергалась этой процедуре раньше, она просила Кристиана подождать снаружи. Он всегда так сильно волновался, когда одна из ее проблем со здоровьем поднимала свою, похожую на Медузу голову, поэтому пыталась защитить его. Но он не был ее ребенком. Он был ее партнером. И во многом она относилась к нему как к ребенку, не доверяя ему, не позволяя заботиться о себе, когда порой именно этого она так отчаянно хотела. Изучая его лицо, она сейчас осознала, что именно этого хотел и он.

— Я остаюсь, — заявил Кристиан.

Эви сжала губы и несколько секунд пристально смотрела на Кристиана, а потом коротко кивнула доктору.

— Ну хорошо, — ответил мужчина. — Молодой человек, почему бы вам не помочь ей пересест вон туда? — Он указал ему на стул

без подлокотников, который принесли для процедуры. — Закройте дверь и подвезите тот передвижной столик, и принесите подушку, на которую она облокотится.

Кристиан сделал так, как ему сказали. Когда доктор положил стерильную ткань на спину Эви, он добавил:

— Теперь единственная ваша работа — сидеть здесь и держать ее за руку.

Кристиан сел напротив Эвелин, когда она положила руки на стол, мысленно подготавливаясь к процедуре.

— Я буду держать тебя за руку, — прошептал он. — Пока ты мне это позволишь. — Его руки оставались на коленях, пока он ждал от нее знака, что она разрешит ему прикоснуться к ней. Его глаза умоляли.

Неуверенная, но сдерживающая желание простить его, она поверила, что он на самом деле сожалел. Что никогда не хотел причинить ей боль. Однако доверие было предано самым невообразимым, может быть, даже непоправимым образом. Это будет долгий изнурительный путь.

Она вытянула пальцы, чтобы принять его предложение.

Эви испытала неожиданное, но сильное чувство облегчения, и даже не почувствовала, когда воткнули иглу. Единственное, что она знала — его рука сжимала ее.

Глава 24

Кристиан наклонился над подлокотником кресла, наблюдая, как размеренно и спокойно поднимается и опускается грудь Эви. Он нежно держал ее за руку, большим пальцем поглаживая тонкие пальцы девушки. Вина в его голове смешивалась с застарелым чувством собственной бесполезности, напоминая о событиях в его жизни, когда необдуманно брошенные семена неверных решений превратились в глубоко укоренившиеся ростки чувства неполноценности.

Все началось в средних классах, когда он впервые перебрался в Лас-Вегас. Другие дети дразнили чужака, все эти издевательские комментарии, якобы случайные толчки в коридоре школы. Хотя он

делал все возможное, чтобы оставаться незамеченным, это не принесло особого успеха. Кристиан говорил себе, что это будет плохой год, потому что он новичок, и что следующий год будет другим.

Вообще-то, все действительно стало по-другому. Потому что было еще хуже. И казалось, что чем сильнее он пытался быть невидимкой, тем заметнее становился. Создавалось впечатление, что у него была нарисована мишень на лбу, и он понятия не имел, откуда она там появилась или как от нее избавиться.

К тому времени, как он стал старшеклассником, его дух был порядком сломлен. Он ничего не говорил своим родителям, но не мог больше думать о том, чтобы каждый день ходить в школу. Он был ростом сто восемьдесят три сантиметра, весом не больше шестидесяти двух килограмм и не совсем не умел драться. Когда он наконец подошел к отцу, тот настоял, чтобы Кристиан научился защищаться.

Его отец занимался с ним, дал ему тяжелую сумку и научил некоторым ударам. Кристиан был рад времени, проведенному с отцом, но внутренний противный голосок шептал, что, когда придет время, у него ничего не получится. И он станет разочарованием для отца. Независимо от того, насколько сильно его отец желал этого, Кристиан никогда не сможет драться. Он был тощим, худосочным, неуклюжим подростком.

Затем, в середине его обучения, в одиннадцатом классе, наступил тот дождливый день, долгожданный момент истины. Когда Кристиан вышел из школы, Райан, парень, который с самого начала доставал его, сорвал рюкзак Кристиана с плеча и бросил в лужу. Райан стоял с самодовольной ухмылкой на лице, молча бросая вызов Кристиану и провоцируя на какое-нибудь действие.

Сейчас или никогда. Кровь мощным потоком понеслась по венам Кристиана. Но он все еще стоял как замороженный, неспособный как-то реагировать.

Райан специально подошел к Кристиану и сделал просчитанный, целенаправленный выпад в его лицо. Заметив ярость в глазах Кристиана, Райан изобразил притворный испуг, а потом презрительная усмешка расползлась на его губах. Когда Кристиан все еще ничего не сделал, Райан приблизился еще, его лицо теперь было

в нескольких дюймах от лица Кристиана.

— Так я и думал. — Райан повернулся к своим двум друзьям, которые стояли рядом. — Чертов ссыкун, — выплюнул он. Мальчики засмеялись и начали уходить.

В следующие несколько секунд Кристиан потерял способность что-либо осознавать. Все стало размытым, кровь горячо пульсировала в голове. Он пришел в себя, сидя сверху на Райане и колошматя его без пощады. Единственное, что он мог вспомнить, прежде чем все стало еще хуже, было выражение полного шока, даже паники, на лице хулигана.

До того, как он смог по-настоящему насладиться своим триумфом, друзья Райана стащили его с тела врага. Райан вскочил, и затем они втроем начали бить Кристиана, меся его как котлету. Он не мог сказать, как долго это все длилось до появления охранника, который спас его.

Он никогда не забудет, как его мать в ужасе отшатнулась, посмотрев на его разбитое лицо, заходясь в истерическом рыдании. Вот тогда он испугался. Он еще не видел повреждений. Его папа замер как парализованный, затем медленно прошел в комнату. Его рот открылся и закрылся, на лице появилась дрожащая улыбка.

— Ты молодец, сын, — пробормотал он, осторожно обхватив его рукой.

Кристиан почувствовал облегчение от этих слов, но не поверил в них по-настоящему.

— О, ты бы видел тех ребят.

— Как вы можете шутить? — отрезала мать, прежде чем обратиться к охраннику. — Были ли арестованы эти мальчики? Они должны быть наказаны!

— Мэм, мы все еще пытаемся выяснить, что произошло, но дело в том, что именно ваш сын нанес первый удар.

— Если он это сделал, — голос его отца внезапно поднялся до крика, — значит, засранец заслужил это! И потом, этот кусок дерьма заставляет своих дружков драться за него, втроем против одного!

— Джон, — смущенно прошептала мать Кристиана.

В большинстве случаев отец Кристиана вел себя сдержанно. Его

повседневная работа в качестве фармацевта не требовала, чтобы он был агрессивным или вступал в спор. И тем не менее сейчас Кристиан мог видеть, как вена пульсирует на шее отца, пока он продолжал свою гневную тираду, отчитывая охранника, человека, который в реальности и пришел на помощь его сыну.

В итоге Райана и его друзей исключили из школы, а Кристиан получил пятидневный отдых на зализывание ран. Ученики, которые ранее никогда не принимали участия в его жизни, засвидетельствовали тот факт, что перед инцидентом над ним постоянно издевались.

Когда Кристиан вернулся в школу, все немного изменилось. Девушки начали мило и дружелюбно улыбаться ему, хотя прежде не удостоивали и второго взгляда. Пара мальчиков даже кивнула ему в знак уважения. Все было тихо. Но он никогда не обсуждал это с родителями, и когда уже начал чувствовать, что хочет остаться, его семья снова переехала в другую часть города.

Его мать вряд ли позволила бы ему остаться в этой школе. Она никак не могла перестать говорить о произошедшем. Кристиан же пытался сделать все возможное, чтобы забыть об этом.

Осенью 1992 года Кристиан пошел в новую школу. Там он стал невидимкой, и ему это очень нравилось.

До тех пор, пока он не встретил Эвелин. Но проявлять к ней интерес было просто смешно, учитывая его опыт. У него никогда не было девушки, а она выглядела так, что просто захватывало дух.

В свой первый день он нашел место в дальнем углу комнаты в классе истории. Он снова пытался спрятаться. Учитель кратко представил его классу, и Эвелин была единственным человеком в помещении, который не воспринял его с безразличием. Вместо этого она обернулась и улыбнулась ему. Он был так поражен, что не был уверен, улыбнулся ли в ответ.

Прошли недели, может быть, даже пара месяцев, прежде чем он наконец осмелился подойти к ней. Не говоря ни слова, он протянул ей свой набросок, который нарисовал во время урока, и затем скрылся за углом. Поскольку он никогда не видел, чтобы она вела себя недоброжелательно по отношению к кому-либо, он был уверен, что она в любом случае не будет смеяться над ним или смущать его. В худшем случае просто проигнорирует его.

И все же, что, если он был неправ? Пугающая волна паники накрыла его с головой, когда он понял, что, возможно, только что добровольно открыл себя для огромного непознанного мира страданий.

На следующий день она ждала его в коридоре с рисунком в руке. Кристиан остановился, лихорадочно решая, притворяться ли, что он не видит ее и просто идет к своему шкафчику. Будет ли это выглядеть очень глупо? Он умирал от желания поговорить с этой девушкой. И она была без друзей, поэтому, возможно, не собиралась высмеять Кристиана или заставить его почувствовать себя каким-то прибабахнутым поклонником. Он решил, что вроде бы попробовать заговорить с ней безопасно, и выдавил из себя свою обычную усмешку.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

— Э-э-м... — Эвелин крутила лямку рюкзака свободной рукой.
— Этот рисунок... он потрясающий.

Он не знал, что сказать:

— Ничего особенного. — *«Дерьмо! Это звучит как-то самонадеянно»*. — Я хочу сказать... спасибо. — Его лицо стало каменным. *«Улыбайся же, идиот!»*.

Эвелин посмотрела на рисунок, дав ему время полюбоваться длинными, густыми ресницами, хаотично высветленными прядями в ее темных волосах. Находясь так близко, он мог почувствовать приятный запах ее цветочного шампуня. В ней было что-то очень хрупкое, и это заставило его почувствовать себя немного не так мерзко, как обычно. У нее были самые маленькие запястья, которые он когда-либо видел; утонченное девичье тело словно можно было разбить, как хрупкую вазу. И все же ее стиль общения нес в себе легкость и изящество, которые он желал бы иметь в своем характере.

— Сколько времени тебе потребовалось, чтобы это нарисовать?
— спросила она.

— О, не знаю, — он смешался. — Десять минут?

Глаза Эвелин устремились от него к изображению:

— Ого!

— Да. — Он почти усмехнулся. Почти.

— Боже, я бы хотела так круто рисовать! Как ты этому научился?

Он пожал плечами. Она была очень впечатлена. Ни одна девушка никогда не была впечатлена чем-нибудь, что касалось его.

Как она на него смотрела — она могла его *видеть*.

И это пугало его.

Эвелин ждала, пока он что-то скажет, но тогда ей придется ждать очень долго. Обеспокоенный каким-нибудь дурацкими словами, которые могли вылететь из его рта, мозг мальчика словно отключился.

— Ну, я думаю, нам лучше пойти в класс, — сказала она. Вместо того, чтобы сложить рисунок, она засунула его между страницами своего учебника, чтобы разгладить складки. Она хотела его сохранить!

— Никто еще никогда не рисовал меня. Спасибо.

Он пропал.

Возвращаясь, Кристиан вспомнил, как приятно ему было от улыбки Эви, как согревало восхищение его талантами. Ему чертовски повезло, что она хотя бы заговорила с ним в тот день, многие годы назад. Как он мог сделать что-то настолько глупое, чтобы предать ее?

Со вздохом он поднес нежную руку, все еще столь хрупкую, к своим губам. Он осторожно держал ее обеими руками и прошептал:

— Эви... Прости. Я люблю тебя.

Глава 25

Когда в пятницу днем Софи остановилась возле кабинета Сэма, она была удивлена, увидев, что он разговаривает с Яном. Она ничего не слышала о Яне и не видела его с тех пор, как случилась та история с сайтом, и вообще думала, что парень больше не вернется.

Сэм поднял глаза и увидел ее в дверях.

— Я не помешаю? — спросила она — Ничего, если я зайду?

— Конечно, — ответил он, прежде чем обратиться к Яну — Посмотри-ка, кто решил зайти.

Ян застенчиво поднял руку в знак приветствия.

— Здравствуйте, мисс Кук.

— Что ж, хочу сказать, что очень рада видеть твое прекрасное лицо! — Софи улыбнулась ему.

— Спасибо. — Щеки Яна покраснелись — Я тоже очень рад видеть вас.

— Ян сказал, что вернется к занятиям в понедельник, — объяснил Сэм.

Софи села рядом с ними, изо всех сил стараясь скрыть беспокойство по поводу услышанных новостей.

— Это... замечательно! — Она вопросительно посмотрела на Сэма.

— Все будет хорошо — сказал Ян.

Они сидели в тишине, Софи очень хотелось что-нибудь сказать. Это казалось не совсем хорошей идеей, потому она смогла придержать язык за зубами.

Тишину нарушил Сэм:

— Знаешь, а ведь ты напугал мисс Кук своим видео. Меня оно тоже испугало.

Ян опустил голову, казалось, вся школа замерла. Вопли школьников в коридоре стихли, двор опустел, даже кондиционер прекратил работу, и кабинет погрузился в звенящую тишину. Софи рассматривала свои ногти и раздумывала над сменой темы разговора. Если честно, это вообще никого из них не касалось, но Ян должен знать, что, вероятнее всего, это всплывет.

— Когда я снимал его, я был в паршивом состоянии, — признался Ян — Сейчас мне довольно неловко об этом вспоминать.

— Эй, ты имеешь полное право чувствовать то, что чувствуешь, — произнес Сэм.

Ян поерзал на стуле, затем посмотрел на Софи:

— Мисс Кук, простите, что напугал вас. Я хочу, чтобы вы знали,

я никогда не сделаю ничего... глупого. Я бы ни за что не сделал этого с мамой. Я бы ни за что не сделал этого со своей сестрой.

Софи ничего не ответила, комок в горле не давал ей произнести ни слова. *«Этот ребенок просто невероятен!»*.

— Мы оба рады слышать это, приятель, — успокоил его Сэм.

— Ты уверен, что здесь с тобой все будет в порядке? — переспросила Софи.

Ян мягко улыбнулся, потирая руки о штанины джинсов:

— Уверен. Я не позволю другим людям управлять моей жизнью. Почему я должен идти в другую школу? Это хорошая школа, и мне нравятся учителя.

Он уставился в пол, казалось, размышляя над чем-то еще.

— Что ж, по крайней мере, тебе больше не придется иметь дело с этими детьми, — сказал Сэм. — С Джейком и его бандой. Они все ушли.

— Джейк писал мне, — выпалил Ян. — Имэйл с извинениями.

— Правда?! — удивилась Софи — О, я уверена, ему *очень* жаль, особенно сейчас, когда он сам вляпался в дерьмо! Забавно, что все в жизни *возвращается бумерангом*.

Сэм на мгновение прикрыл глаза.

— Я не знаю, мисс Кук. Мне кажется, он писал искренне. — Ян поднялся со стула и склонился над столом — Он сказал мне, что это ужаснее в своей жизни он ничего не совершал. А еще сказал, что не хотел быть таким придурком. Мистер Коллинз, вы ведь знаете, что у него тоже больная мама?

— Нет, не знаю.

Ян пожал плечами.

— Может быть вы, ребята, и думаете, что я полный идиот, раз повелся на его слова, но мне кажется, я верю ему.

Софи молча сидела, надеясь, что Ян не заметил взгляда, полного ужаса, который она послала Сэму. Она беспокоилась, что Ян только подставит себя для еще больших издевательств.

— Может, ты и *можешь* ему верить, — сказал Сэм.

Софи отвернулась и закатила глаза, затем встала и обняла Яна.

— Ты лучше меня, Ян.

— Надеюсь, это так, — пошутил Ян в ответ.

Все рассмеялись.

— Что ж, увидимся в понедельник, — прощался Ян — Хороших выходящих.

Сэм покачал головой, ожидая, пока Ян уйдет на достаточное расстояние.

— В чем дело? — спросила Софи.

— Почему ты просто не поддержала его?

— Что? — ее поразил его тон — Что ты имеешь ввиду?

— Да ты издеваешься! Я говорю про твое неодобрение письма Джейка с извинениями. Это же очевидно.

На самом ли деле он злился на нее?

— Ну прости, если не хочу, чтобы он опять остался в дураках.

Сэм вздохнул:

— Все когда-нибудь остаются в дураках, Софи, здесь лишь вопрос в степени. — Он справился с гневом и теперь говорил совершенно спокойно. — Это часть жизни. Этот мальчик ничего не сделал, чтобы спровоцировать случившееся. Это просто *жизнь*! И он предпочитает двигаться дальше. Он не хочет быть жертвой с чипом на плече. Ты хоть представляешь, насколько это замечательно?

Он повернулся, чтобы налить воды из графина. Софи не знала, как ответить на его слова, Сэм же глотнул воду прямо из графина, затем стал крутить его в руках.

— Ну извини, если тебя настолько нервирует, когда люди так легко прощают подобное. Может быть, он не всегда будет таким. Но я надеюсь, что будет. — Он посмотрел ей в глаза. — Знаю, ты в это не веришь, но умение прощать не означает превращение в коврик, о который все вытирают ноги.

Сэм наконец вернул графин на место:

— Мне нужно будет сделать остановку по пути домой. — Перед тем как выйти, он коротко сжал ее плечо.

Софи смотрела ему вслед, открыв рот, после чего осела на близстоящий стул.

Глава 26

Софи растянулась на диване, потягивая кофе и проигрывая в уме вчерашний разговор с Сэмом. Его реакция была несколько неожиданной. Сейчас уже все в порядке — Сэм никогда долго не злится, — но почему же она чувствует себя как ребенок, которого отругали? Она никогда не говорила, что Ян обычный, непримечательный ребенок. Он замечательный, но еще уязвимый. Сэм же просто стоял на своем: *разве не все мы уязвимы?*

Подумав об этом еще немного, она пришла к выводу, что Ян очень похож на Сэма. Возможно, она слишком много об этом думала. В конце концов Сэму удалось вырасти в прекрасного мужчину.

«Хватит уже беспокоиться! — Она представила, как эти слова говорит ей Эви. А Сэм бы упрекнул: — Ты слишком много волнуешься».

Софи потянулась к майке Сэма, которая лежала рядом с ней, и стала гладить ее пальцами. Она безучастно смотрела в окно на льющийся свет.

Ладно, может быть, она была задета сильнее, чем показывала.

«Она держала лицо Мэттью в руках. Он плакал, но то были слезы гнева.

— Ты должен отпустить! Должен, — увещевала она — Это съедает тебя!

Мэттью отдернул руки.

— Как ты можешь так говорить? Он убил моего отца! — Он встал. — А ты говоришь «отпусти»?

— Ты не думал, что я тоже по нему скучаю? — спросила она дрожащим голосом. — Но его больше нет! Человек, который это сделал, исчез. Неужели ты собираешься искать его всю свою оставшуюся жизнь, тогда как я и твой сын нуждаемся в тебе?

— Это был друг папы.

— Я знаю, — ответила она — Что ты будешь делать, если найдешь его? Убьешь?

Мэттью ничего не ответил, оставив ее на мгновение безмолвной.

— Этому тебя Пинг научил? Человек, которого ты так любила и которым восхищалась?».

Стук в дверь вернул Софи в реальность. Она вздрогнула и пролила кофе на пол. Она попыталась найти что-нибудь подходящее, чтобы промокнуть лужу, но пришлось идти открывать дверь, так как стук повторился.

— Да иду я, иду! Перестаньте стучать!

Муж сестры стоял на пороге.

— Кристиан, — выпалила она, затаив дыхание. — Привет.

— Привет. Я могу войти?

— О, конечно. — Она отступила, а он шагнул в дом. — Присаживайся. Только не туда, — добавила она, указав рукой. — Я там пролила кофе. Просто, м-м-м... — Она только что пролила кофе, теперь к ней пришел Кристиан, она в растерянности. — Просто дай мне минутку, и я все уберу.

— Тебе нужна помощь? — крикнул он, когда Софи уже скрылась в кухне.

— Нет, спасибо, я справлюсь! — Она взяла пару бумажных полотенец и вернулась в гостиную. — Итак, чем обязана визиту? — Она встала на колени и промокнула кофе на ковре. Он ничего не ответил, потому она подняла глаза.

— Я не знаю, с чего начать, — сказал он.

Софи свернула мокрые бумажные полотенца в шар и положила перед собой на журнальный столик:

— Начинай с начала.

— Я должен извиниться перед тобой.

— Ты имеешь в виду, что должен извиниться перед Эви?

Кристиан потер лоб.

— Это само собой разумеется, но мне важно, чтобы и ты знала,

что я не пытался обмануть тебя, когда мы переписывались.

— О, ты имеешь в виду ту часть, где заверял меня, что Эви единственная? Да, я чертовски зла на тебя, Кристиан. И не собираюсь лгать.

Он кивнул.

— Понимаю.

Она прищурилась:

— Так вот почему ты пришел, чтобы я тебе устроила головомойку? Прости, конечно, но так не пойдет.

Кристиан сплел пальцы в замок и чуть наклонился вперед.

— Эви видит что-то во мне, чего не видят другие. Я убежден, что так было с самого первого дня нашей встречи. Сейчас я понимаю это как никогда раньше и больше не стану рисковать потерять это. — Он провел руками по затылку и уставился на свои ботинки. — Есть причины для ошибок, которые я совершил, Софи, — пробормотал он. — Я не говорю, что это оправдывает меня, но...

Сэм однажды сказал то же самое. Что всегда есть причины тому, отчего люди делают то или иное, почему поступают так или иначе, и неважно, признают ли люди эти причины или нет. Но это не оправдание.

— Возможно, тебе стоит поговорить об этом с Эви, — отрезала Софи.

Он покачал головой.

— Нет, не стоит. Она и так все это уже знает и именно поэтому готова дать мне второй шанс.

Это правда. Эвелин действительно собиралась дать ему еще один шанс, Софи же пришлось спросить себя, смогла бы она поступить так же? До встречи с Сэмом ее ответом было бы решительное «нет». Кроме того, она была уверена, что Сэм не способен на такое, поэтому вопрос спорный.

А если бы он мог так поступить?

Вот если уж совсем начистоту, то последние несколько лет Кристиан ей совсем не нравился, хотя она и думать не могла, что он сможет предать ее сестру. Что, если Сэм совершит такую ошибку?

Было бы ей так легко бросить его, особенно если бы она, как Эви, считала, что он действительно сожалеет о содеянном? Смогла бы так легко от него отказаться? Она знает Сэма меньше года. Эви же с Кристианом влюблены еще со школы.

Смутившись своих мыслей, она поняла, что Сэм может превратить ее в нечто серое, а не черно-белое. Она терпеть не могла серый. Черно-белый как-то лучше.

— Я все еще не понимаю, зачем ты говоришь мне все это, если Эви и так все знает.

Кристиан тянул с ответом.

— Потому что ты единственная моя сестра, Софи. Я знаю, что ты не считаешь меня братом, но мне бы хотелось, чтобы мы тоже могли начать все заново.

Она вовсе не ожидала таких слов.

— Правда?

— Вероятно, ты посчитаешь это глупостью... — Он встал, взял свернутые в шар бумажные полотенца с журнального столика и понес их на кухню. Софи предположила, что он просто не хотел в этот момент смотреть ей в глаза. — В тот день в торговом центре ты рассказала мне о картине и добавила, что никому больше не рассказывала. — Он стоял в дверях кухни. — Это очень много для меня значит.

Она была благодарна ему за совет, который он ей дал тогда, за дружбу, которую они разделили, хоть и ненадолго. Возможно, появление его в ее жизни что-то значило. И пускай он ее дико раздражал. В конце концов, он чудесным образом — умело — изобразил место, которое она видела только во сне.

— Я не думаю, что это глупо, — призналась она.

Кристиан вздохнул:

— Хорошо, спасибо. Тогда, может быть, у нас еще есть шанс?

Его не просто узнавать. Он такой замкнутый. Такой серьезный и такой депрессивный! Опять-таки, если кто-то такой особенный, как ее сестра, увидел в нем что-то стоящее, то, может быть, он не такой уж и плохой.

Однако это она оставила при себе.

По крайней мере, пока что.

Глава 27

Толика, штат Канзас, 1947 год.

Натали качала сына на качелях возле их нового дома. Дом был не таким большим, как ферма, на которой она выросла, но гораздо более уютным и милым. Стоял теплый летний вечер. Сверчки заливались трелью, дети играли в мяч на улице. Ко всем этим звукам еще предстоит привыкнуть — к звукам соседства, к фонарям, светящимся ночью в окне.

Мэттью прошел через скрипучую дверь экрана от комаров, чем привлек внимание Натали. Он сунул руки в карманы и улыбнулся, извиняясь. Она снова обратила все внимание на сына Оскара.

Мэттью сделал несколько шагов по крыльцу и коснулся перил, восхитившись теплом вечера:

— Я так рад, что мы переехали сюда. Здесь ведь намного лучше, правда?

— Здесь мило, — ответила она, глядя прямо перед собой.

Мэттью смотрел на Натали, но она не хотела смотреть на него в ответ:

— Прости, что напугал тебя тем, что сказал. Или... Полагаю... тем, что не сказал. — Он имеет в виду его неспособность ответить на вопрос об убийце его отца.

Она мельком взглянула не него, затем перевела взгляд на дорогу.

— Я не это имел в виду, Нат.

Оскар крепко спал, когда он потрогала его за щеку.

— Когда ты впервые вернулся с войны, ты был другим, — начала она. — Я к тому, что это неудивительно. Как ты мог остаться прежним? Но я не ожидала таких изменений.

— Ты о чем?

— Ты казался более спокойным. Более... понимающим? — отвечала она с вопросительной интонацией. — Не таким вспыльчивым, как раньше, что мне нравилось.

Мэттью прислонился к перилам на крыльце и посмотрел на нее.

— А затем ты стал рассказывать про своего друга, Пинга, и обо всем, что пережил там. Книга, которую он тебе дал...

— И?

— Она мне не понравилась!

— Почему? Ты никогда не говорила мне об этом.

— Мэтти, ты и я, мы знаем друг друга всю жизнь. Мы всю жизнь были католиками. А затем ты возвращаешься со всеми этими буддистскими материалами! Что я должна была со всем этим делать?

— Все это не имеет значения. — Он покачал головой и отвернулся — Сейчас я начинаю думать, что все это было просто ерундой... Мысли о том, что я даже не понимаю и, кажется, никогда не пойму.

Натали осторожно положила Оскара в корзинку, стоящую в углу крыльца и накрыла его тонким одеяльцем:

— Раньше ты не считал все это ерундой — когда был жив отец.

— Почему тебя это удивляет? — спросил он, цинично усмехнувшись.

— Мэтти, ты не должен этого делать...

— Как ты можешь так говорить? — возмутился он. — Ты хочешь сказать, если кто-то отнимет у тебя Оскара, ты не захочешь ему отплатить?

— Я этого не говорила.

— Тогда что ты говорила?

Натали повернулась, чтобы посмотреть на своего малыша, спокойно спящего в корзине.

— Я не говорила, что не хочу, чтобы они поплатились, я лишь говорю, что это не моя работа.

— Тогда чья?

— Я думала... может быть Его, — сказала она, посмотрев на небо.

Мэттью фыркнул:

— Да? Что ж, а может, я не доверяю Ему эту работу.

— Итак, позволъ-ка я уточню, правильно ли поняла твои слова: все те идеи, с которыми ты вернулся — принятие того, что есть, и отказ от осуждения — все это применимо, но не тогда, когда это слишком сложно?

Проснулся Оскар и начал просить бутылочку. Натали пару секунд смотрела на Мэттью, но мужчина молчал.

— Нужно подогреть ему молоко, — пояснила она и вошла в дом.

Мэттью подошел к корзинке и взял Оскара на руки. Он нежно прижал его к груди, размышляя над словами Натали. Он стал другим, когда вернулся. Но сейчас — как он может вернуть все назад?

Ребенок начал успокаиваться, Мэттью обнял его и перехватил так, чтобы смотреть малышу в лицо. Невинные глаза Оскара были широко открыты, бровки в любопытстве приподнялись. Он будто спрашивал: *«Ну? Что нас ждет впереди?»*.

Глава 28

Софи посмотрела на мороженое Эви и вздохнула. Оно начало таять и превращаться в зеленую жижу. Она взглянула на часы.

«Не стоило делать заказ, пока Эви не пришла». Софи сидела рядом с кафе-мороженым на втором этаже казино и, подперев щеку рукой, безучастно разглядывала толпу, потягивающую разноцветные коктейли у бассейна. В воздухе витал запах хлорки.

Софи обернулась и заметила Эви, поднимающуюся на эскалаторе.

— Извини, я опоздала. — Эви опустилась на стул напротив. — Ужасные пробки, на шоссе произошла авария.

Эви собиралась на работу, поэтому была одета в голубое платье

без рукавов. Длинные локоны лежали на плечах.

— Твое любимое. — Софи подтолкнула сестре стаканчик с фисташковым мороженым.

— Спасибо! — Эви принялась за десерт, и ее глаза распахнулись от удовольствия. — Так что случилось? И сядь ровно. Ты опять горбишься. Клянусь, к пятидесяти будешь выглядеть как Квазимодо, если продолжишь так сидеть.

Софи вздохнула и распрямила плечи.

— Лучше?

Эви была слишком увлечена мороженым, чтобы ответить.

— Я хотела поговорить с тобой. Наедине, — начала Софи, — и решила, что лучше поймать тебя до работы.

Эви поставила пустой стаканчик на стол и откинулась на спинку стула, с подозрением глядя на сестру.

— Речь пойдет о Кристиане?

— Да.

— Начинай. — Эви приглашающе взмахнула рукой.

— Ничего плохого не случилось.

— Серьезно? — Губы Эви дрогнули.

Софи откусила от своего ванильного мороженого и ощутила, как сладость тает во рту.

— Кристиан приходил поговорить со мной.

— Я знаю. — Эви скрестила руки на груди.

— Тогда ты знаешь, о чем мы говорили.

— Софи, в чем дело? Если ты собираешься рассказать мне, какой он лжец, и какую огромную ошибку я совершила, то этот разговор окончен.

— Нет, я совсем не об этом. — Софи сложила руки на коленях и посмотрела в глаза Эви. — На самом деле я хотела сказать тебе, как меня тронул его визит. Как бы я этого не хотела. Он действительно любит тебя. И надеюсь, вы сможете через это пройти.

— Кто ты? И что ты сделала с моей сестрой?

Софи всплеснула руками.

— Я это заслужила. Не думала, что когда-то это скажу, но я и правда это заслужила.

— Не нахожу слов, чтобы выразить, сколько для меня значат эти твои слова. — Эви расслаблено опустила плечи. Потянувшись через стол и взяв Софи за руку, Эви остановилась на мгновение, проверяя реакцию сестры. — Каждый день я спрашиваю себя, правильно ли поступаю, не абсолютная ли я дура, — она дотронулась до уголка глаза, — и все еще не могу поверить...

Софи уже начала сомневаться, что выбрала подходящее место для разговора, но время вспять не повернешь.

— Знаю, я слишком давила на тебя, ожидая, что ты выберешь правильный путь.

Выражение лица Эви смягчилось.

— Кристиан совершил ошибку, — продолжила Софи. — Где-то я прочитала, что хороший брак — это союз двух людей, умеющих прощать.

Эви наклонила голову на бок, но сохраняла молчание.

Под взглядом сестры Софи почувствовала себя неуютно.

— Что? — спросила она.

— Сэм повлиял на тебя, да? Ему удалось немного размягчить твою непоколебимую решительность.

С довольным видом Софи глубоко вздохнула.

— Думаю, я понимаю тебя сейчас. Для тебя это первый раз, впервые кто-то затронул твое сердце настолько, что ты начала сомневаться в своих нерушимых правилах. В простых ответах, — продолжила Эви.

Софи избегала взгляда сестры и наблюдала, как маленький мальчик за соседним столиком ест свой рожок.

— Давай не будем отходить от темы.

— Это же хорошо, сестричка. Не всегда легко, но того стоит, — мягко сказала Эви.

Глава 29

Учебный год подошел к концу, восьмиклассники, отмечая прощание с детством, вырядились, как на настоящий выпускной. Софи была действительно рада, что спросила других учителей, как стоит одеться, она даже предположить не могла, насколько это торжественное мероприятие, и рисковала выглядеть слишком не нарядной.

Софи предполагала, что в этом году они с Сэмом пойдут вместе. Это был отличный повод приодеться и повеселиться, но он отговорился тем, что ему нужно проверить слишком много контрольных.

Танцы начались так же, как и любые другие, все стояли группками, оценивали костюмы и платья друг друга, но никто не танцевал по-настоящему. Однако позже началась такое безобразие, что взрослые старались поскорее отвести глаза.

В прошлом году одна молоденькая учительница совсем отказалась подходить к танцполу: она боялась, что четырнадцатилетние примут ее за свою и начнут кружить вокруг нее.

А туалеты! Если вам вдруг приспичило, нужно было быть очень осторожной, чтобы очередная рыдающая девица не убила вас дверью, от души ею хлопая.

Все отказы от танцев закончились, стоило диджею включить песню «I Gotta Feeling» группы The Black Eyed Peas. Под первые звуки молодежь ломанулась на танцпол.

Подруга Софи, Лиза, заметила ее через весь спортзал и подобралась ближе.

— Посмотри на себя в этом маленьком черном платье! Шикарно выглядишь!

— Что ж, спасибо. Ты и сама конфетка!

— В этом-то старье? — Она изобразила пренебрежение, но затем рассмеялась. — Где Сэм?

— Он не смог пойти. Слишком много работы.

— Ты хочешь сказать, что он не смог оторваться даже на пару

часов? — спросила Лиза.

Софи в ответ пожала плечами. Следующие несколько часов она провела, фотографируя учеников. На нескольких снимках она засветилась и сама, о чем очень жалела. Почти на каждом фото у нее был двойной подбородок, из-за того, что Софи пыталась держать камеру как можно дальше. Она попыталась сфотографировать Йена, когда тот оказался рядом, улыбаясь так, словно что-то знает.

— Мисс Кук, вы вроде говорили, что мистер Коллинз не может прийти?

Сэм напугал Софи, внезапно появившись у нее за спиной. Он был как всегда великолепен — в угольно-черном костюме и белой рубашке.

— О, боже! — Она никогда не видела его таким, и зрелище заставило задержать дыхание. — Ты выглядишь восхитительно!

Сэм остановился и приложил руку к сердцу, рассматривая Софи. Его карие глаза были настолько притягательными, что Софи казалось, она может в них утонуть. Ее охватило странное чувство, хотелось, чтобы его сердце принадлежало ей. Не фигурально, а буквально выражаясь. Чтобы это понимающее, доброе, прекрасное сердце билось в ее груди. Это была одновременно волнующая и болезненная необходимость.

— Я думала, ты не собирался приходить, — прошептала Софи.

— Да, но я решил, что не могу упустить шанс увидеть тебя такой. — Он поцеловал ее в щеку.

От удивления Софи даже не заметила, что музыка стихла. Все смотрели на них, словно ожидая чего-то, и Софи вдруг почувствовала себя неловко. Когда ученик вручил Сэму микрофон, она запаниковала.

— Могу я попросить минуту вашего внимания, — заговорил Сэм.

Какие-то девочки захихикали, а у Софи кровь отхлынула от лица, и она почувствовала, что теряет сознание.

— Ученики были настолько любезны, что уступили мне танцпол на пару минут, и я хотел бы сказать пару слов о нашей милой мисс Кук.

Глаза Софи от удивления стали огромными, и неловкая улыбка застыла на лице. Нет, она не видела себя в зеркало, но чувствовала, как нелепо выглядит.

— Когда я впервые увидел ее, — продолжил Сэм, — она паялилась на меня в супермаркете, потому что я стоял прямо между ней и газировкой. И это было не классно, ребята. Она меня почти напугала.

Прозвучало несколько смешков, и Софи позволила себе немного расслабиться.

— Во второй раз мы пересеклись уже в другом магазине, и я спас ее от назревающей войны с томатами.

Софи нервно оглядывала лица в зале, замечая, что многие смеются.

— Так все и было, — подтвердила она для стоящих рядом учеников.

— А вот в третий раз я имел счастье быть свидетелем ее любви к караоке.

Мальчишки в зале начали завывать, а у Софи скрутило живот. Господи, неужели он заставит ее петь? Ради всего святого, да она не выдавит из себя ни слова без помощи водки!

— Тем не менее, я ни разу не слышал, как она поет песню, которая, если я правильно понимаю, является ее любимой. По крайней мере, миссис Джеймсон так говорит.

Лиза, так же известная, как миссис Джеймсон, стояла рядом, широко улыбаясь, и Софи бросила на нее взгляд, полный ненависти.

— Это коротенькая песенка «Love Will Keep Us Together», — продолжил Сэм. И, словно по команде, диджей включил музыку.

У Софи задрожали ноги. Лиза отошла в сторону, оставив ее стоять в свете прожектора одну, хотя Софи пыталась схватить ее за руку. Человек двенадцать начали танцевать, и это был поставленный танец. Они устроили флешмоб!

Как только Сэм начал петь, если это так можно назвать, она вздохнула с облегчением, понимая, что, возможно, ей не придется участвовать. Один за другим ученики выскакивали на танцпол, и когда дошло до припева, их голоса присоединились к Сэму.

Когда стало ясно, что Софи отводится роль наблюдателя, она смогла полностью насладиться его прекрасным и значимым поступком. Хотя голос у него оказался ужасным. Хуже, чем у нее, если такое вообще возможно, но все вместе добавляло ему немало очков. Софи захихикала, прикрывая рот рукой, чтобы никто не заметил ее реакцию. Ее тронуло, что Йен снимал все на камеру, это событие она бы хотела сбересть в памяти навечно.

Когда выступление подошло к концу, Софи обняла Сэма и запечатлела благодарный поцелуй на его губах.

— Спасибо тебе! Это было удивительно! И особенно я благодарна, что мне петь не пришлось. В какой-то момент ты заставил меня понервничать.

— Я люблю тебя, знаешь, — засмеялся Сэм.

— И я тебя люблю.

— Поэтому... — Он взял ее за руку и встал на одно колено.

Стоящие рядом девочки завизжали, а из толпы послышался свист, когда все увидели, что происходит.

— Что ты делаешь? — прошептала Софи.

— Ты точно знаешь, что я делаю. Софи, я понимаю, мы не так давно знаем друг друга, поэтому, если ты не уверена, я пойму. Но мне хватило времени, чтобы понять, что я хочу быть с тобой. Всегда.

Те самые ученицы, которые визжали, потеряли глаза, когда он достал из кармана крошечную коробочку.

— О, боже, — выдохнула Софи.

— Ты станешь моей женой?

Весь зал затаил дыхание в ожидании ее ответа.

Это настоящее сумасшествие. Они действительно мало друг друга знают, но, честно говоря, она и не могла представить себя с кем-то другим. Да и кто определяет, сколько времени должно пройти? А если учитывать прошлые жизни, то они знакомы целую вечность. Хотя она и была скептиком, трудно отрицать значимость Сэма в ее жизни.

Все еще шокированная, она кивнула.

Сэм надел ей на палец кольцо с бриллиантом огранки «маркиза», и зал взорвался поздравлениями и аплодисментами. А затем Сэм обхватил ее за талию и закружил по залу.

— Скажите что-нибудь про мистера Коллинза, — прокричала одна из учениц, и толпа поддержала ее призыв.

— Ох, — удивилась Софи, кто-то уже успел подсунуть микрофон ей под нос. Дрожащими руками она взяла его и постаралась прочистить горло. — Хорошо. — Софи пыталась унять дрожь в голосе. — Что я могу сказать про мистера Коллинза... Сэма.

Софи ненавидела выступать на публике, хотела бы она быть уверена, что не ляпнет какую-нибудь глупость, что ее слова будут достойны Сэма.

— Ох, — вздохнула она, прижимая руку к животу. — Я не предполагала, что это случится.

Она встретила взглядом с Сэмом и услышала деликатные смешки в толпе.

— Но я точно знаю, — продолжила она более уверенно, — что Сэм самый добрый, терпеливый, немного странный, конечно, но мудрейший человек из всех, кого я знаю.

— Я заплатил ей, чтобы она так сказала, — пошутил Сэм.

Софи улыбнулась ему.

— С тех пор как мы встретились, я стала лучше понимать людей, лучше понимать себя саму.

Теперь она была готова признать, что постоянно оценивала других. Делала поспешные выводы. Предполагала, что четко видит мотивы человеческих поступков. Особенно, когда страдали родные ей люди. Однако она начала понимать, что, возможно, все происходит не просто так, а с какой-то целью, даже ссоры. Может быть, и нет. А может, и да.

Как любит говорить Сэм — «все к лучшему». Она была готова, по крайней мере, рассмотреть его точку зрения.

— Сэм как-то сказал мне, что мы вместе потому, что его мир серый, а мой делится на черный и белый. В итоге мы дополняем друг друга.

Даже когда он стоял в паре шагов от нее, засунув руки в карманы, Софи чувствовала нежность, исходящую от него.

— Я не из тех, кто любит телячьи нежности. И знаю, что не стоит рассчитывать, что счастливым тебя сделает кто-то. Но никто не делал меня счастливее, чем ты, Сэм.

Все в зале умиленно вздохнули, а Софи, смущаясь, сунула кому-то микрофон.

Снова заиграла музыка, Софи потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать песню «As Time Goes By», ту самую, что играла на их первом свидании. Она сглотнула комок в горле, и сжала губы, чтобы рыдания радости не вырвались наружу.

— Значит, считаешь меня мудрым? — игриво спросил Сэм.

Эмоции разрывали ее грудь.

— Как тебе удалось уговорить детей на Билли Холидея и подобное старье?

Сэм легко улыбнулся и взял ее за руку, другой рукой приобняв за талию. Они едва покачивались в такт музыке.

— И да. Да, я считаю, что ты мудрый.

— Посмотрим, на сколько тебя хватит, — поддразнил он. — Найдется немало тех, кто скажет тебе, что я зануда.

— Занудство я тоже признаю, но готова с ним смириться.

— Отлично. — Сэм едва коснулся ее губ. — Можешь считать, что я мудрый, а я буду считать себя счастливчиком.

— М-м-м, так это не ты спланировал все это представление? — А она еще думала, что ей показалось, когда с самого начала вечера на нее таранились ученики. — Посмотрим, насколько привлекательным ты будешь спустя пару десятков лет.

— Ты в меня совсем не веришь! — Он притянул ее ближе и добавил, лукаво улыбаясь: — Вот увидишь, мой шарм заставит тебя скинуть трусики. И так будет всю жизнь.

— Ты просто мастер подбирать слова, — рассмеялась Софи.

Они молча смотрели друг на друга, наслаждаясь моментом. Радость, исходящая от Сэма, заставляла бабочек в ее животе

трепетать, окутывая их почти реально видимым светом.

Сэм коснулся ее локонов, хотя казался полностью поглощенным чем-то, кроме ее волос. Создавалось впечатление, словно он был далеко. Она задавалась вопросом, не так ли она отключилась в первый раз, когда они танцевали, и она потеряла связь с реальностью?

Тень понимания мелькнула на лице Сэма.

— Эй, — позвала Софи.

— Да? — Он посмотрел ей в глаза.

— Что случилось? Ты словно отсутствовал?

— Все в порядке, — мягко ответил он. — Я просто подумал, что, если у нас будет дочь, давай назовем ее Натали?

Notes

[

← 1

]

Здесь и далее прим. пер.: отсылка к фильму «Когда Гарри встретил Салли».

[

← 2

]

Can't understand baseball strategy — переводится как «Невозможно постичь стратегию бейсбола».

[

← 3

]

Имеется в виду реплика из фильма «Улика» 1985 года, в котором сыграла актриса Мэдлин Кан. Реплика звучала так: «Я ненавидела ее так сильно. Как будто языки пламени... на моем лице... обжигающие... разгорающиеся...».

[

← 4

]

101 — начальный курс по какому-нибудь предмету.